

Нагиб Махфуз

Путь

1

Слезы наворачивались на глаза. Но он сдерживал себя: так не хотелось проявлять слабость при этих людях. И все же не сдержался. Сквозь дрожащую жидкую пелену он в последний раз глянул на труп, опускавшийся с носилок в разверстое чрево могилы, такой хрупкий в этом саване, прямо невесомый (мамочка моя, как ты исхудала). И вот он уже полностью скрылся из глаз. Больше не видно ничего, кроме мрака, пропитанного запахом земли. Вокруг столпились мужчины, от которых несло зловонным дыханием, потом. Снаружи, за пределами мавзолея, громче запричитали женщины. Все вдруг осточертело. Хотел наклониться над могилой, но чья-то рука вцепилась в локоть. Чей-то голос:

– Господь с тобой...

От этого прикосновения подкатила тошнота. Что еще за свинья здесь? Впрочем, как и все остальные. Минута прощания кольнула раскаянием. Но он тут же сказал себе, что четверть века близости в такой момент ничего не значит, ничего не стоит. Поодаль раздались голоса, похожие на протяжный вой. В мавзолей потянулась вереница слепых. Полукругом выстроились у могилы, присели на корточки. Он почувствовал обращенные к нему глаза, чьи-то взгляды украдкой. Понимал, что означают эти взгляды, и потому вызывающе подтянулся, выпрямил свою высокую стройную фигуру. Они говорили: ишь выставился какой – ни по виду, ни по одежде не наш. Зачем только мамаша отгородила его от всех, а потом обрекла на одиночество.

Никакого соболезнования с их стороны. Злорадство. Сплошное злорадство. Вкус жизни улетучился как пыль. Вылезли из склепа землекоп и его помощник, встали на краю, занялись заполнением могилы, потом формовали землю над ней – ловко, энергично.

Водонос завопил. Слепцы затаили молитвы, их вожак суфлировал им. Что бы сказала на это его мать? Но теперь она поистине недосыгаема. А что этим скотам говорить? Покорность отражалась на их лицах, словно тень от облака. На него нахлынула волна раздражения: так захотелось оказаться одному, у себя дома, пересмотреть все с самого начала. Во тьме этой могилы его мать еще будут донимать неприятными вопросами. И ни один из этих подонков не поможет ей. Но ваш день еще придет...

Голоса слились в печальный напев, означавший конец церемонии. Выжидающе выстроилась очередь. К нему подошел могильщик. Справа кто-то сказал:

– Я займусь им, не рассчитывайтесь. Я знаю эту публику. Снова подступила ярость, но он уже знал – церемония почти позади. Зато чувство одиночества усилилось. Окинул взглядом могилу: все в порядке, все аккуратно, кругом повилика, кактус, базилик. Покойница любила красоту, создавала ее в обоих домах, а достался ей только этот – могила.

Люди медленно двинулись к выходу. И он пошел со всеми к воротам, чтобы попрощаться с соболезнующими. Сначала женщины пожимали руки. Несмотря на траурные одеяния и традиционные горестные шлепки ладонями по щекам, не прятали блудливых взглядов. Вся эта обстановка не сдерживала их развязности и бесстыдных замечаний. А вот и мужчины (мобилизуй свою хитрость, изобрази благодарность) торговцы наркотиками, вымогатели, альфонсы, сутенеры. Проводил их холодным взглядом, не испытывая ни малейших сомнений относительно взаимности их чувств. И в то же время он не забывал, что в долгу перед ними. Подтверждение тому – это хроническое чувство негодования. Успокоил себя тем, что покончил с ними раз и навсегда. Но остался теперь и без защитника.

Он возвращался в свой дом на улице Святого Даниила. Бодрящий ветерок, напоенный дыханием осени, не освежал, а обжигал лицо. Небо казалось темным в этот период суток, когда рождалась вечерняя заря.

Дом Святого Даниила, в жизни которого были свои радостные, благодатные времена. А в его доме – ни следа комфорта: только громоздкий шкаф, неубранная постель, под которой валяется заброшенный кальян.

Он присел у окна, выходящего на перекресток улиц Святого Даниила и Саада Заглула, затянулся сигаретой. Взгляд остановился на окне квартиры

напротив, через улицу. Там жила семья европейцев. Видно, подготовились к какому-то торжеству: бар заставлен бутылками, ведерками со льдом. В дальнем конце холла страстно обнимаются мужчина и женщина, хотя по времени вроде рановато бы...

Все. Отныне он познает жизнь такой, как она есть на самом деле. Один, без средств, без работы, без родных. А что есть? Странная надежда, похожая на сон, – и все. И еще – с сегодняшнего дня ему требуется обеспечить свое существование: ответственность, которой он ранее не ведал и которая целиком лежала на матери. Был сплошной досуг, чтобы в полной мере радоваться своим юным годам.

Вчера, всего лишь вчера, ему и в голову не приходила мысль о смерти. В этот самый час, ну, может быть, чуть раньше, подкатил экипаж. Мать сошла с него, опершись на его руку. Побрела медленными неуверенными шагами. Не было сил из-за болезней и слабости. А как иссохла – выглядела лет на тридцать старше своих пятидесяти лет. Такой была Бусейма Омран, когда в последний раз возвращалась в дом своего сына. Или в дом, который приготовила своему сыну после того, как провела пять лет в тюрьме. Простонала:

– Кончилась твоя мама, Сабир...

Он без особого напряжения провел ее под руки в комнату.

– Да брось ты. Ерунда. Ты еще совсем молодая.

Она легла на постель не раздеваясь. Наклонила лицо к зеркалу. Сказала с горечью сквозь одышку:

– Конец твоей матери, Сабир. Кто бы мог подумать, что это лицо Бусеймы Омран...

Это уж точно. Овал лица был когда-то округлым, как луна. Щеки – как румяные яблоки. Фигура дородная, мощная: захохочет – не колыхнется. А сиденье ходуном ходит.

– Проклятая болезнь...

Утерла рукавом пот с лица, хотя было прохладно. Сказала:

– Да и не болезнь... тюрьма. От нее все недуги пошли. Не создана твоя мать для такого. Наговорили мне: печень, давление, сердце, чтоб им пусто. Как считаешь, стану такой, как прежде?

– Еще лучше будешь. Отдых, лекарства...

– А деньги?

Возмутился было, но сдержался, смолчал. А она спросила:

– Что тебе-то останется? Ответил достаточно осторожно:

– Так, кое-что.

– Все-таки сообразила я, когда записала на тебя дом в Рас-Тине. А то отобрали бы и его, как мои денежки.

– Но я же продал его, когда деньги кончились. Я тебе говорил ведь. Она застонала, приложив ладонь к темени.

– Ох, головушка моя. Что ж ты не сберег его? А? У тебя денег-то было много. Ведь я тебе хорошую жизнь устроила. Хотела, чтоб жил, как приличные господа. Мечтала оставить тебе богатства не меряно не считано, и на тебе...

– Да. Вот так: все разом и ухнуло.

– Да уж. Подлая месть от подлого мужика. Пока в моих денежках купался – ничего. А потом из-за какой-то дешевки вспомнил вдруг – долг, закон, репутация. Сволочь... Утопил меня, чертов ублюдок. Я ему в рожу плюнула на суде...

Попросила жестом сигарету. Поднося спичку, он сказал:

– Слушай, не курила бы пока, а? Ты там что, тоже курила?

– Сигареты, гашиш, опиум. А как же? Но за тебя, ей-богу, беспокоилась все время.

Она с жадностью затянулась, несмотря на слабость, свободной рукой вытерла испарину на лбу.

– Что же с тобой будет, сынок?

– Откуда я знаю? Остается только жуликом или сводником стать.

– Да ты что?..

– А что? Приучила ты меня к красивой жизни. Боюсь, это мне теперь не на пользу.

– Нет, нет! Тюрьма – не для тебя.

– Ну а чем мне заняться? Пока тебя не было, меня эти прохвосты знаешь как обхаживали?

Только подлил масла в огонь.

– Терпение, сынок. Не злись. Злость-то меня и довела до тюрьмы. Как бы все прекрасно сложилось, поступишь я перед этим ублюдком, который продал меня.

– А я вот на каждом шагу вижу людей, по которым тюрьма плачет.

– Да плюнь ты на них. Пусть болтают чего хотят. Главное, сам рукам воли не давай.

Он непроизвольно стиснул кулаки.

– Ну да! Если б не эти кулаки, они бы меня унижали как хотели на каждом шагу. А так – ни один не осмелился о моей мамочке плохо сказать, даже когда ты сидела.

Она сердито выдохнула дым.

– Да твоя мать в тысячу раз порядочней, чем ихние мамы. Поверь моему слову. Они что, не знают? Если бы не их мамы, моя торговля кончилась бы крахом.

Сабир не сдержал улыбки, хотя на душе было тошно. А она продолжала:

– Вот уж умеют людям мозги запудривать своей внешностью: такая-то особа, такой-то директор, мистер такой-то... автомобили, наряды, сигары, красивые слова, духи дорогие... Да я-то их насквозь вижу. Когда в своих спальнях они сбрасывают одежду, обнажается их скотское нутро. Я об этих сучках столько знаю, что всего не перескажешь. Их паскудные грязные отпрыски. Шпана. Знаешь, перед судом сколько их ко мне лезло? Все умоляли не упоминать никого из них. Обещали, что добьются для меня оправдания. Так что не им

тебя стыдить матерью. Мама у тебя порядочней их мамаш, жен, дочек. Точно говорю тебе: если бы не они, моя торговля пошла бы крахом.

Он снова невольно улыбнулся. А она с легким стоном запричитала:

– О-ох-х... где вы, веселые деньки? Любила тебя твоя мама, обожала, сынок. Для тебя добыла это красивое жильё подальше от всех моих делишек. Посылала тебе средства, чтоб ходил ногами по деньгам. А уж в том, что худо в твоей жизни стало, нет моей вины. Зато, скажу тебе, нет мужчин хоть наполовину таких красивых да стройных, как ты. Только избегай злости. И пусть то, что стряслось со мной, послужит тебе уроком.

Сабир смотрел на страдающую мать с грустью.

– Все уладится, будет, как прежде, – пробормотал он.

– Ты это серьезно? Нет уж, со мной кончено. Нет возврата к прежней Бусейме. Не работать мне больше. Ни здоровье уж не позволит, ни полиция.

Он опустил взгляд и сказал:

– Совсем немного денег осталось от продажи дома.

– А что же делать? Ты должен жить так, как я тебе обещала.

– Что-то раньше я не видел тебя в таком унынии.

– Да, это впервые...

– В общем, я должен либо работать, либо убивать так получается.

Она погасила сигарету, прикрыла глаза то ли от утомления, то ли чтобы сосредоточиться.

– Должен же быть какой-то выход, – сказал Сабир.

– Конечно. Пока сидела за решеткой, все думала об этом.

Впервые в жизни он почувствовал, как поколебалась его вера в мать. А она продолжала:

– Долго думала, а после убедила себя: нельзя мне настаивать на том, чтоб сохранить тебя. Нельзя, куда это не на пользу тебе.

Его черные глаза пристально вглядывались в нее с немим вопросом. А она тихо сказала тоном признанного поражения:

– Ничего ты не понимаешь. И правильно. Государство конфисковало и тебя, когда конфисковало мои деньги. Потеряла я на тебя права. Поняла это в тот день, когда прочитали приговор. Это значит... что ты должен меня покинуть,– сказала она, судорожно глотнув воздуха.

– Как это?! Куда? – в голосе его прозвучало возмущение.

– К отцу...– чуть слышно ответила она.

В растерянности он вскинул сросшиеся брови, воскликнул:

– К моему?!

Мать кивнула головой.

– Но он же умер! Ты мне сама говорила, что он умер еще до того, как я родился.

– Говорила... Неправда это.

– Так он жив?! Просто невероятно. Мой отец жив.– Он смотрел на нее с негодованием.– Но почему ты скрывала?

– О-о-ох... вот она расплата...

– При чем тут это? Разве я не имею права спросить?

– Какой отец мог бы устроить тебе хотя бы подобие той счастливой жизни, что я тебе дала?

– Конечно, конечно. Я разве не согласен?

– Ну так и не осуждай меня, сынок. Подумай, как его разыскать.

– Разыскать?

– Да. Я говорю о человеке, женщиной которого стала тридцать лет назад. А потом уж не слышала ничего о нем.

В смятении он нахмурился и как-то сник.

– Мам... Что же все это значит?

- Что значит? А то, что я тебе подсказываю выход из твоего положения.
- А может, он уже умер.
- А может, и жив.
- Да... и что же? Всю жизнь искать, не зная, существует ли он на свете?
- Так ведь и узнаешь в поисках... Все же лучше, чем сидеть без денег и работы, без надежды.
- М-да, мне не позавидуешь. Ну и ситуация...
- Ну, придумай что-нибудь другое. Стать сутенером, вымогателем, гангстером? Чего не избежать, того не избежать.
- Но как? Где я его найду?

Мать глубоко вздохнула. Тяжко было возвращаться к прошлому.

- Имя его записано в твоём свидетельстве о рождении: Сайед Сайед Рахими. Тридцать лет назад... Он любил меня. Было это в Каире.
- В Каире! А может, и в Александрии тоже?
- Я понимаю. Это твоя главная проблема – отыскать его.
- А почему он сам меня не искал?
- Он не знает о твоём существовании.

Сабир нахмурился, в глазах – угрюмый протест.

- Обожди, сынок, не смотри на меня так. Выслушай до конца. Он – господин. Знатная особа в полном смысле этого слова. Богатству, влиянию его предела нет. А в те времена был всего лишь студентом университета, представляешь?

Он слушал, глядя на мать с некоторым холодком.

- Любил меня... Я была девчонкой красивой, но беспутной. Содержал меня тайно, в золотой клетке.
- Женился на тебе?
- Да. У меня до сих пор есть свидетельство о браке.
- И потом развелся?

– Сбежала я,– ответила она со вздохом.

– То есть как?!

– Удрала после стольких лет близости. Беременная. С самым что ни на есть простолюдином сбежала.

Сабир покачал головой в изумлении:

– Невероятно...

– Да уж, теперь ты скажешь, что я виновата, впутала тебя в историю.

– Да нет же! Уже все выяснили! Но тебя-то он искал?

– Кто его знает? Я перебралась в Александрию и больше ничегошеньки о нем не ведала. Частенько, бывало, думала встретить его хоть в одном из своих заведений. Но ни разу не довелось. Вот так... Он слабо ухмыльнулся, спросил:

– И вот спустя тридцать лет ты уговариваешь меня его искать?

– Господи! Да и на худшее уговаривать станешь, когда беда припрет. У тебя-то хоть будут документы и фотографии, свидетельство о браке, в том числе и в мечети. Впрочем, сам увидишь, что ты – вылитый он.

– Надо же, сохранила документ и фотографию.

– О тебе думала, сынок. Сама-то я из бедноты родом, на иждивении одного шантажиста росла. А уж когда мне повезло, я постаралась сделать тебя хозяином.

– А все же от старых воспоминаний не отделалась. Резким движением руки она стряхнула пот с лица и шеи.

– Сначала нелегко было, а потом решила, что так будет правильно, словно внутренний голос подсказал мне, к чему дело придет.

Он растерянно мерил комнату шагами, потом остановился возле кровати и спросил:

– А вдруг он отречется от меня?

– Ну что ты? Кто же откажется иметь сыном такого прекрасного юношу?

– Каир – большой город, а я в нем не бывал, – задумчиво произнес Сабир.

– А кто говорит, что он обязательно в Каире? Может, в Александрии, Асьюте или в Даманхоре. Он ведь меня не извещал о своих делах – где он, что он, холостой или женатый. Одному Аллаху ведомо.

Он сердито махнул рукой.

– Как можно рассчитывать на то, что я нечаянно наткнусь на него?

– Конечно, дело нелегкое. Но и невозможного тут ничего нет. Можешь расспросить в полиции, у юристов. Нет такой важной персоны, у которой в Каире не было бы своего угла.

– Можно в трубу вылететь, пока его разыщешь.

– Поэтому нельзя медлить с поисками. Он немного подумал, прежде чем спросить:

– Думаешь, он стоит того, чтобы ради него идти на все эти хлопоты?

– Конечно. Не сомневайся. Под крылышком у него ты найдешь почет и уважение. Он избавит тебя от этой унижительной зависимости от кого бы то ни было. Устроит тебя на работу. Не придется тебе становиться ни вымогателем, ни преступником. В конце концов победишь, сынок.

– А вдруг он сам окажется бедняком? Ведь и ты когда-то была богатой, денег куры не клевали.

– Уверяю тебя, деньги – только часть благ, которыми он тебя одарит. Что с того, что я разбогатела, зато не смогла дать тебе достойной жизни, работы, благополучия. Пришлось тебе идти по жизни, размахивая кулаками, чтобы заткнуть рты злоязычникам, трепавшим мое имя.

Он задумался, и ему показалось на миг, что все это сон.

– Ты вправду веришь, что я найду его? – спросил он.

– Чует мое сердце, что он жив и ты найдешь его, если не будешь впадать в отчаяние или медлить.

Он покачал головой уныло, с недоверием.

– Значит, все-таки искать? Если мои враги пронюхают про эту историю, думаешь, не постараются объявить меня помешанным?

– А что они скажут, если ты в конце концов станешь сутенером? Нет уж, для тебя иного пути нет, кроме как отправиться к нему.

Она закрыла глаза, пробормотав: «Как я устала...» Он предложил ей поспать, отложив разговор на завтра. Снял с нее туфли и накинул покрывало. Она нервным движением скинула его с груди, и он не стал поправлять. Вскоре послышался ее храп.

На следующий день проснулся часов в девять утра после долгой ночи, проведенной в тревожных раздумьях. Пошел в другую комнату будить мать и обнаружил, что она мертва. Умерла во сне? Или звала его перед смертью, а он не услышал? На ней была та же одежда, в которой она вышла из тюрьмы.

И вот теперь он с удивлением вглядывается в свадебную фотографию. На ней – его родители, какими они были тридцать лет назад. Внимательно рассмотрел лицо своего отца. Действительно, красивый парень. Явно вид человека, уверенного в себе. Лицо холеное, с удлиненным полноватым овалом. Высокий лоб, турецкая феска-торбуш слегка набекрень вправо. Это лицо ему теперь не забыть. И верно сказала мать, что он – копия его, настолько, впрочем, насколько луна на бумаге имеет отношение к луне в небесах. В соседней квартире начали сходитья приглашенные. До него донеслись звуки музыки, а в комнате покойной зазвучали стихи из Корана. Все смешалось: где сон, где явь? Мать, голос которой еще слышится в ушах, умерла. Мертвый отец воскрес. А ты, банкрот, преследуемый прошлым, запятнанным проституцией и преступлением, хочешь чудом обрести благочестие, свободу и покой.

Пусть все останется в тайне. Если он обманется в своих надеждах, тогда использует информацию. Начнет с Александрии, хотя маловероятно, что такая персона, как его отец, предпочтет здесь обосноваться. Во всяком случае, его мать ничего определенного о его местонахождении не сказала.

Своим гидом он сделал телефонный справочник. Шарил взглядом по букве «С». Сайед, Сайед, Сайед... Сайед Сайед Рахими. Ах, если бы повезло! Если бы оказалось то, что нужно. Избавиться разом от невзгод, конца которым не предвидится. Сайед Сайед Рахими, владелец книжного магазина «Маншия». Соответствует это положению его отца? Район Маншия четверть века был панелью для его матери. Но, может быть, хотя бы одинаковое имя даст ключ к разгадке.

Хозяином магазина оказался мужчина лет пятидесяти, внешне и отдаленно не напоминавший портрет отца. Сабир сказал, что ищет его однофамильца, показал ему фотографию, прикрыв ладонью изображение матери. Мужчина сказал:

– Не знаю я этого человека.

Когда Сабир растолковал ему, что снимок сделан тридцать лет назад, тот заявил:

– И не помню, чтобы когда-нибудь видел его.

– Ну, может, дальний родственник?

– Мы коренные александрийцы. Вся моя родня живет здесь, за исключением разве что некоторых деревенских сородичей по линии матери. А почему вы разыскиваете его?

Сабир было заколебался, но ответил:

– Старый друг моего покойного отца. А у Рахими нет бизнеса за границей?

Мужчина посмотрел на него с сомнением.

– Рахими – мой дедушка. Из его прямых потомков остались только я и моя сестра. Никакого бизнеса за пределами Александрии у нас нет.

Попробуй быть терпеливым и спокойным, когда все, что у тебя есть за душой,

– это двести фунтов. А они тают прямо на глазах, и когда кончатся, рухнут надежды на порядочную жизнь. Глаза устали от поиска, от напряженного вглядывания в лица прохожих. От тревожных мыслей подступала дурнота. Сабир решил зайти к знакомому юристу. Тот сказал:

– Может статься, его номер телефона вообще не зарегистрирован в телефонной книге,– и добровольно взялся помочь.

Когда и его усилия не увенчались успехом, он предложил:

– Попробуй опросить стариков по кварталам.

– Он важная персона в полном смысле этого слова!– с негодованием воскликнул Сабир.

– Ну знаешь, за тридцать лет что угодно могло случиться. Я думаю, не попросить ли мне одного приятеля, офицера полиции, поискать его по тюрьмам.

– По тюрьмам?!

– А почему бы и нет? Тюрьма, как мечеть,– всем открыта. Бывает, что в нее попадают и люди благородного происхождения,– усмехнулся юрист.– И все же начнем с нотариуса. Может, он вельможа-инкогнито.

В списках заключенных его не оказалось. Не было его и среди крупных капиталовладельцев. Осталось только опросить старейшин в городских кварталах. Сабир решительно отказался от идеи, предложенной юристом,– дать объявление в газете. Его странная проблема стала бы достоянием широкой публики, а сам он – посмешищем в глазах его многочисленных врагов в Александрии. Так что он отложил эту идею на потом, когда уедет из города.

Начал обходить старейшин кварталов от Аттарина до Курмуса, от Рас-Тина до Мухаррам-бека. Каждый раз, когда упоминал Сайеда Сайеда Рахими, следовал вопрос:

– Кем он работает?

– Не знаю о нем ничего. Известно только, что он знатный человек, и вот его снимок тридцатилетней давности.

– А зачем разыскиваешь его?

– Просили найти. Он старый друг моего отца. Удивленные взгляды.

– А ты уверен, что он жив?

– Да ни в чем я не уверен.

– А почему ты думаешь, что он в Александрии?

– Просто надеюсь, не более.

Последняя фраза прозвучала словно удар о глухую стену.

– Нет. Такой у нас никому не известен.

Глаза устали от изучения встречных лиц. Он потерял счет времени. Даже не заметил, что уже осень на дворе. Очнулся, когда попал под внезапно хлынувший дождь. В этот момент он находился на набережной. Бросился бежать, чтобы укрыться в отеле «Мирамар». Глянул на небо. Туча, как ночная тень, отрезала часть полуденного света. Внезапно он услышал приветливый голос:

– Иди сюда. Поздоровавшись, он сел рядом с ней.

– Я не смогла вовремя выразить тебе соболезнования, но надеялась, что ты посетишь «Каннар» рано или поздно.

– Разве я не в трауре?

– «Каннар» – подходящее место для скорбящих. Кстати, все интересуются, куда ты пропал.

Дождь прекратился. Он решительно поднялся, извинился, сославшись на неотложные дела. Она тоже встала и тихо сказала:

– Скажи мне, если у тебя с деньгами туго.

О боже, неужели снова начали распускать про него слухи? А она добавила тоном соблазнительницы:

– У такого, как ты, в деньгах недостатка не будет. Было б только желание.

Он холодно попрощался с ней еще раз, пожав руку, и вышел. «У такого, как ты, недостатка в деньгах не будет». Да уж, конечно. Только прими предложение стать сутенером. Этого и добиваются твои враги, а иначе – хоть сдохни. Но что дальше делать в Александрии?

Сабир зашел к хироманту, но тот ничего нового не сообщил. Посетил колдуна, святого шейха Зинди, в переулке Фараша. Сидел, сложив ноги по-турецки, в его полуподвальной комнате с наглухо закрытыми жалюзи. В сумеречном свете он ощущал струи благовоний. Шейх понюхал свой платок и склонил голову в раздумье. Потом произнес:

– Кто усердствует, тот достигнет.

Откуда-то со стороны Анфуши доносился шум морского прибоя.

– Ну-ну, неплохо для начала, – усмехнулся Сабир.

– Но путь будет долог, как зимние ночи.

Вот уж верно. День за год. А расходов – не счесть.

– И получишь требуемое – монотонно продолжал шейх.

– А что это «требуемое»? – нетерпеливо спросил Сабир.

– Оно ждет тебя.

– Знает обо мне?

– Ждет тебя.

Может, мать ему не все сказала?

– Значит, он жив?

– Слава Аллаху.

– А где его найти? Вот что меня интересует.

– Терпение.

– Нельзя терпеть до бесконечности.

– Ты в начале пути.

– В Александрии?

Шейх закрыл глаза и пробормотал:

– Терпение твое вознаградится. Сабир нахмурился.

– Вы мне ничего не сообщили.

– Я все сказал. – Шейх отвернулся.

Сабир вышел наружу под порывы осеннего ветра. По небу несло рваные темные облака. Шел и думал: шарлатаны да развратницы. Деньги гребут не считая. Придется продать мебель из квартиры, чтобы подготовиться к поездке в Каир. За время начавшихся мытарств он уже успел распродать ценные безделушки, чтобы поддержать завышенные расходы на жизнь. Теперь с отвращением думал о необходимости приглашать маклеров к себе в дом. Он отправился к «наставнице» Набавии, ближайшей подруге матери, – единственному человеку из этой среды, к которому он не испытывал ненависти.

Протягивая ему мундштук кальяна, она сказала:

– Я куплю всю твою мебель с удовольствием. Но почему ты уезжаешь с насиженного места?

– Решил пробивать себе дорогу в Каире, подальше от этой публики.

– Ах, бедная твоя матушка. Уж так любила тебя. Направляла сыночка, зарабатывала на все твое содержание.

Он понял намек.

– Я больше не гожусь для этой профессии.

– А что будешь делать в Каире?

– Да там один приятель обещал помочь.

Бусейма частенько говаривала, обнажая в улыбке золотые зубы:

– Наша работа только шибко гордых пачкает. Присоединяйся, сынок.

Сабир в раздражении сплюнул в большую курильницу, источавшую запах индийских благовоний.

Он смотрел на Александрию. Где-то прогремел, сотрясая землю, поезд. Город виделся ему как скопище призраков, погруженных в сумеречный сон под гигантским зонтом туч. Холодный воздух, насыщенный запахами начинающейся осени, гуляет по его элегантным полупустым улицам. Он прощался с городом, с матерью, с воспоминаниями, которым минуло четверть века. Простился глубоким вздохом сожаления.

А что, если ты все-таки оставил того, кого ищешь, в неведомом тебе уголке Александрии, не добрался до него? А кто даст гарантию, что в Каире тебе повезет больше, чем здесь? Сколько волн в море? Сколько звезд на небе? Удивительно, до чего же далек ты от него – кровь от крови, плоть от плоти его. И что удалило его из твоей жизни, как не слепая страсть, которая вырвала тебя из отцовских объятий, чтобы родить тебя в борделе. Когда он, бывало, спрашивал ее об отце, она неизменно отвечала: «Он был крупным чиновником, уважаемым человеком. Но умер в расцвете лет». А где же его родные? Или у него их не было? «Не знаю, есть ли у него семья». Долгое время Сабир думал, что, возможно, родился от какого-то проходимца. И вот остался один, без роду без племени...

Его ошарашила суета каирского вокзала. Она только усилила чувство отчуждения. Захотелось немедленно вернуться обратно ближайшим поездом. Но он пересилил себя, сдал чемодан в камеру хранения, потом вышел на привокзальную площадь. Солнце перевалило за полдень. Голова кругом пошла от потока машин, автобусов, пешеходов. Необъятная безликая площадь простиралась перед ним. И сразу же бросились в глаза контрасты, противоречия. Кожей ощутил прохладный воздух, но одновременно и жаркие лучи солнца. Сверкающие неонами улицы – и тут же, по соседству, кварталы бедноты.

Он целый час провел в поисках гостиницы подешевле на самой площади и вокруг нее, пока не очутился на улице Фонтана. Сабир стоял на тротуаре под сенью аркады перед гостиницей «Каир», а рядом нищий протирал спиной стену, нараспев прославляя пророка.

Эта улица производила на него впечатление деловитости и одновременно какого-то уродства. Вызывало раздражение обилие лавок по обе стороны, неряшливая груда товаров на тележках. И это же внушало надежду, что здесь он найдет самую дешевую гостиницу в районе. Вот это старое здание из глинобитных стен. Четыре этажа и мансарда на крыше. Дверь на возвышении с арочным верхом, как плачущее лицо. Сквозь ее проем был виден удлинённый вестибюль, заканчивающийся лестницей. Посреди него – конторка, за которой сидел мужчина весьма преклонного возраста. Рядом с ним – женщина... о Боже! девушка в расцвете молодости. Она приковала его взгляд, и не без причины. Пробудила дремавшие чувства, всколыхнула воспоминания, погребенные в тумане: переулок, крытый брусчаткой, поднимающийся от Анфуши, морской воздух, пропитанный солоноватой сыростью. Безумное возбуждение под покровом темноты. Невидимые нити потянули его к этой гостинице. Слово на свидание явился. Он обнаружил, что помимо воли пересек улицу. Еще не полностью доверяя возникшему предчувствию, он не мог удержаться от желания побыстрее все разузнать. Голос нищего высоко затынул:

Таха! Краса моих славословий, ясноликий, Христиане и иудеи приняли ислам из рук его...

Ровный, легкий загар, черные миндалевидные глаза. Их лучистый блеск полон энергией жизни, необузданности. Но откуда вдруг образ исхудавшей кошки – женщины в единственном своем блеклом наряде, женщины с ранящими ногтями? Она вызвала с такой яростной реальностью этот образ, запечатлев в его воображении картину того, что творит время за какой-нибудь десяток лет. Имя из прошлого утеряно, как и его отец. Но запах моря заполняет ноздри, и в дрожь внезапно бросило при воспоминании о той черной ночи. Нет, нет! Он был совсем далек от такого сопоставления. Женщина в переулке – мимолетное воспоминание, ерунда! Но почему же оно возродилось теперь с такой опасной силой? Вот так же воскрес его отец, который привел его в этот манящий город.

Девушка встретила посетителя коротким, но пронзительным взглядом. Тут же повернула лицо вправо, в сторону салона гостиницы.

Сабир остановился у стойки. Старик внимательно изучал какую-то тетрадь, держа в трясущейся руке маленькую лупу. Он даже не обратил внимания на вошедшего. Видимо, его чувства и зрение притупились от одряхления. Сабир

не отрывал глаз от лица, которое так заворожило его, обнаруживая в нем приметы, подтверждавшие его подозрения, но одновременно и черты, которые отменяли эти подозрения. Она вновь обернулась к нему, оценивающе взглянула на нахала, воспользовавшегося случаем поглазеть на нее. Затем похлопала по плечу старика, чтобы тот отвлекся. Но Сабир первым нарушил молчание:

– Добрый вечер, отец.

Старик поднял к нему лицо, по которому было трудно угадать, как он выглядел в молодости. Кожа, испещренная складками и морщинами, крючковатый нос, изрытый оспинами, равнодушный взгляд выцветших глаз – будто и не видит окружающего.

– Я хотел бы узнать, сколько стоит номер, – сказал Сабир. – Риал за ночь.

– А если больше двух недель?

– А чего нынче стоит риал?

– Я, даст Бог, и месяц, и больше могу прожить здесь. Молчание старика означало, что он не желает идти на уступки.

– Ну, как пожелаете, – тихо проговорил Сабир. Хозяин гостиницы записал имя приезжего, откуда тот приехал. На вопрос о его занятии Сабир ответил:

– Я из высокопоставленной семьи, – и протянул старику свои документы. Пока тот занимался с карточкой, Сабир украдкой поглядывал на девушку. Один раз их взгляды встретились, но в ее глазах он не прочел ответного интереса. Уязвленный этим, он стал убеждать себя в том, что она не заслуживает его внимания.

И все-таки вновь припомнился запах моря, темный закоулок. Он полуобнажен. В ноздри бьет аромат гвоздики от разметавшихся волос. И вдруг его опьянила уверенность в том, что он на верном пути, что непременно найдет отца. И наверняка, даже сомнений нет, эта девушка к чему-то готова. Внешне полна безразличия, но в то же время тысячью знаков обращается к его прошлому, к самым глубинам его души. Конечно же, под этой мягкой, молчаливо-равнодушной оболочкой прячется целый зачарованный город. Если бы не сложившиеся обстоятельства, пригласил бы ее на танцы куда-нибудь, обнял и дерзко сказал бы ей, что он с радостью

поселился бы в этой тюрьме, помня влажный морской ветер, обвевавший его тело в переулке Кирши.

Старик вернул ему удостоверение.

– Значит, вы из Александрии?

Он кивнул с улыбкой. Старик пробормотал что-то невнятное и вдруг сказал отчетливо, бросив хитрый и быстрый взгляд на девушку:

– Бьюсь об заклад, что вы любите Александрию,— при этом усмехнулся криво, одним уголком рта.

Вопреки ожиданиям Сабира девушка не проявила ни малейшего интереса к их разговору. Он ощутил разочарование, и тут же пришлось в голову спросить:

– Вам не знаком некий Сайед Сайед Рахими? Старик прищурился и ответил:

– Не исключено, что когда-то и слышал о таком. Сабир мгновенно устремил к нему все свое внимание, забыв обо всем, даже о девушке.

– Когда и где?

– Не помню. Да и не уверен.

– Но он из знатных людей.

– Многих из них я знал, а теперь уж никого не помню. Хотя Сабир старался, как правило, не перебарщивать ни в чем, но тут проснувшаяся надежда увлекла его дальше. Подумал: вот-вот, не сегодня завтра разыщет, где живет его отец. В какой-то момент он опять встретился взглядом с глазами девушки, прежде чем она успела отвести их в сторону. Уловил в них сомнение, похожее на насмешку. Словно спрашивала, что привело столь знатную особу в их скромную гостиницу. Это его не смутило: все прояснится, когда она узнает о цели его поисков. А рано или поздно узнает. Интересно, вспомнила ли она его? Он словно наяву вновь ощутил, как больно вцепились ногти в его предплечье после успешной погони, начавшейся с рыбацкого берега в Анфуши и закончившейся в темном закутке переулка Кирши. Он – полуголый – свершает свою жестокую шутку, обвеваемый жарким ветром с моря... А где был тогда ее отец? И когда он перебрался с ней сюда как хозяин гостиницы? Девушка окликнула кого-то:

– Дядя Мухаммед! Мухаммед Сави!

Со стула возле двери поднялся темнокожий старик невысокого роста и хрупкого телосложения. На голове белая такия, серая в полоску галабея, крестьянская обувь. Она указала на Сабира:

– Тринадцатый номер!

Сабир усмехнулся: многозначительная цифра. Извинился и отошел, чтобы показать свой багаж. Затем прошел с Мухаммедом Сави в свой номер на третьем этаже. Едва старик вышел из комнаты, слуга внес чемодан Сабира. Слуга был мужчиной неопределенного возраста, слишком суетливый. Глаза – узкие щелочки, маленькая голова. По виду простак. Сабир спросил его имя.

– Али Сурейкус.

В интонации столько подобострастия, что Сабир уверовал в его готовность всегда и во всем ему подчиняться.

– Тот старик за конторкой – хозяин гостиницы? – спросил Сабир.

– Так точно. Дядюшка Халиль Абу Наджа. Хотелось спросить и о девушке, но он предусмотрительно воздержался: простодушие может оказаться палкой о двух концах. Оставшись один, Сабир окинул взглядом комнату – впечатление ветхости.

Высокий потолок, кровать под балдахином. Такая обстановка могла понравиться отцу в те годы, когда он любил мать.

Подошел к высокому окну, осмотрел небольшую площадь, посреди которой бил фонтан, сыпаясь дождем на визжавших от радости ребятишек. Он включил лампу и сел на старое турецкое канапе. Его обуревала похоть. О, до чего чудесен призыв этих сияющих миндалевидных глаз! А может быть, сейчас она, снедаемая любопытством, думает о нем. Нет, категорически утверждать нельзя, что она – та самая. В ярмарочной суете она прогнала его, сказав: «Больше таким манером ко мне не приближайся». Он, напустив высокомерие, отпарировал: «Ни одна девчонка мне прежде такого не говорила». Она с еще большим высокомерием ответила: «А я вот говорю и могу повторить». И ушла в сопровождении какой-то злобной на вид женщины. Ветер играл ее косами. Где же был тогда этот дядюшка Халиль?

Сегодня ваши взгляды не раз встретились. В ее глазах был некоторый интерес, но не блеснуло ни искорки общих воспоминаний. Словно она

напрочь забыла, как сидели они на парапете набережной возле перевернутых рыбацких лодок. Искусственный разговор, маскирующий необузданные желания. Внезапно сорванный поцелуй, за которым последовала небольшая стычка. Когда она ловким приемом сделала тебе больно, ты заорал: «Я тебе когда-нибудь ногти повыдираю!» А день той потрясающей погони, борьба в темном закоулке, аромат гвоздики, ветра, насыщенного запахом моря,— день его победы. Потом он долго скрывался, молча затаился. Не было ни ее, ни ее мамы-мегеры, но было раскаяние. А в это время у твоей матери начались переезды с места на место, пока она не поселила тебя на улице Святого Даниила. Кто внушил тебе, что эта гостиница как-то связана с переулком Кирши, что эта сногшибательная девушка – та самая девочка-гвоздичка? Как бы то ни было, но эта девушка разожгла пламя в твоей крови. В черноте ее глаз ты видишь бурные ночи с их сводящей с ума музыкой. Ты нуждаешься в ее целительной страсти в моменты передышки от поисков. Потребность в человеческом участии вдвойне важна для того, кто не имеет ни родных, ни друзей. А когда свершится наконец чудо, ты скажешь отцу:

– Я – Сабир. Сабир Сайед Рахими. Вот мое свидетельство о рождении, а вот свидетельство о браке. Вглядитесь в эту фотографию.

И тут раскроются для тебя его объятия. Рассеются навсегда твои тревоги. Ты бы стала изысканной женщиной в полном смысле этого слова. Куда бы девалась девчонка с соленым морским налетом на коже? Куда бы исчезло простодушие неискушенности?

Он проснулся спозаранок после бессонной ночи от силы часа три поспал – и все же ощущал небывалый прилив энергии. Распахнул окно, но не увидел

ожидаемой безмятежной картины домов на улицах Святого Даниила и Саада Заглула, синевы моря вдали, не ощутил александрийского воздуха, полного неповторимого очарования.

Увидел небо в темных облаках. Только на востоке их пелена сдернута яркой белизной. По голой, лишенной травяного покрова земле двигалась толпа работяг и торговцев. На краткий миг его воображению представилось лицо отца – доброжелательное, внушающее доверие.

Али Сурейкус принес завтрак, и Сабир съел его с большим аппетитом. А когда слуга вернулся за пустым подносом, спросил его:

– А что за девица сидела вчера возле дядюшки Халиля?

– Супруга его.

Вот уж чего и в голову не пришло бы! До чего же противный старик.

– Из Александрии?

– Не знаю.

– А когда дядюшка Халиль приобрел эту гостиницу?

– Не знаю. Я ведь только пять лет как тут работаю. И в то время он уже был женат?

– Да.

Ну точно, она та девочка из переулка Кирши. Купил ее старик у той злобной бабы. Сделал из нее послушную жену. Но прочь эти мысли, он должен, не отвлекаясь, заниматься своим делом, прежде чем последние деньги иссякнут.

Он застал Халиля Абу Наджа за конторкой беседующим с Мухаммедом Сави, который сидел по правую руку от него. Попутно заметил в салоне группу постояльцев: кто завтракал, кто читал газету. Сабир взял стул и уселся напротив хозяина, махнув рукой в знак приветствия.

– Позвольте посмотреть телефонный справочник. Перелистал, дойдя до буквы «С». Сайед. Сайед. Сайед Сайед Рахими. Сердце екнуло. Значит, он в этом городе! И вовсе не владелец книжного магазина, а врач. Преподаватель

медицинского колледжа на площади Цветов. Такую профессию может иметь человек благородного происхождения.

– Кажется, Господь смилостивился надо мной,– со вздохом облегчения пробормотал он.

Дядюшка Халиль посмотрел на него взглядом, напоминающим о загробной жизни.

– Похоже, я добьюсь успеха в деле, ради которого приехал из Александрии.

– Хорошо, когда людям везет,– сказал старик.

Как повезло тебе – иметь деньги, чтобы купить молодую красотку. Заметив, что старик смотрит на него вопросительно, Сабир пояснил:

– Я ищу человека, который для меня в жизни – все.

– Пусть Аллах исполнит ваши желания,– откликнулся Мухаммед Сави.

– В эту гостиницу люди надолго не поселяются,– заметил дядюшка Халиль.– Заезжают, чтобы уладить свои дела,– на ночь, на неделю, от силы на месяц, а потом отправляются дальше своим путем.

– Вполне естественно.

– Потому они хоть и живут в соседних комнатах, едят за одним столом, сидят рядом в салоне, а почти ничего не знают друг о друге.

– Похоже, что работа у вас полна разнообразия и развлечений.

– Никаких развлечений нет.

А обмануть время разве не развлечение? Сабир собрался встать, но передумал, услышав стук женских каблучков. Вошла жена старика. Округлые линии, черная юбка, красная кофта, голова повязана белым узорчатым платком. Ее походка демонстрировала идеальное сочетание изящества и полноты. На него пахло мускатным ароматом, который вмиг унес его разум и сердце. Она не улыбнулась ему, но он уловил в ее глазах что-то вроде удовлетворения при виде его, нечто внушающее надежду. Плодородная незасеянная почва. Мухаммед Сави встал, застегивая на ходу свое старое пальто. Дядюшка Халиль поднял к ней лицо, тихо сказав:

– Уезжаешь?

Она ответила низким гортанным голосом:

– Счастливо оставаться, – и вышла из гостиницы.

Мухаммед Сави последовал за ней. А ты, оказывается, загадка, дядюшка Халиль. Твоя физиономия годится в символы смерти, как пиратский флаг. Разве люди не совершают неосмотрительных шагов?

Сабир поднялся, стараясь выглядеть спокойным, раскланялся со стариком и вышел наружу. Его глаза успели окинуть взглядом всю улицу в одно мгновение, засекли молодую женщину со стариком. Они шли в сторону площади Фонтана. Сабир энергичным шагом преследовал их, пока не догнал. Мухаммед Сави обернулся к нему.

– Извините за беспокойство, дядюшка Мухаммед, не подскажете, где площадь Цветов? – спросил Сабир с извиняющейся улыбкой.

Женщина удивленно вскинула брови. Пока Мухаммед Сави объяснял дорогу, она ждала с нетерпеливым видом. Сабир изображал полное внимание, но не слышал ни слова и лишь ловил подходящие моменты, чтобы бросить взгляд на женщину, которая будила в нем безоглядное желание. Хотелось спросить ее о гвоздике, о морской соли, об обнаженном мраке. Сави закончил свои объяснения. Сабир поблагодарил его и ушел. Л куда пошла она с этим сторожевым псом? Не преждевременной ли была его дерзость? В смелости ему не откажешь, но теперь смелость может испортить дело, помешать его поискам.

Он пришел на площадь Цветов, узнав дорогу у прохожих. В приемной находился только санитар, который сообщил ему, что доктор обычно приходит часов в двенадцать. Уселся ждать. Отдавалось ли дыхание его отца в этих стенах? Беспокойство и нетерпение охватили его. Надежда, смешанная с отчаянием. Чем дальше передвигалась часовая стрелка, тем меньше оставалось терпения. Если это действительно отец, как он отнесется к сыну? А что делать, если он откажется от него, прогонит? Будет бороться за свои права не на жизнь, а на смерть. Поэтому он постарался хорошо выглядеть. От него не укрылось то, что санитар поглядел на него с одобрением и почтением.

Вспомнил вдруг, что из-за спешки и волнения не узнал, в какой области специализируется его предполагаемый отец. Он покинул приемную и подошел к санитару. Спросил его:

– Извините, а доктор – специалист по каким болезням?

– Сердце. А вы, эфенди, конечно...

– Я просто хотел уточнить. Сам-то я из Александрии. Почувствовал, насколько глупы подобные вопросы. Ну и наплевать. Снова спросил:

– По-вашему, сколько ему лет?

– Понятия не имею, – с удивлением ответил санитар.

– Но вы же можете отличить молодого от старика.

– Он – профессор в колледже.

– Женат?

Санитар даже хохотнул от удивления.

– Женат. Отец семейства. Его сын в колледже учится. Да, вот это помеха. Теперь под вопросом, будет ли он принят в семейное лоно. Они, конечно, скажут свое слово в отношении нового члена, прибывшего из борделя. И нет у него иного аттестата, кроме внешней привлекательности, правда, несколько потускневшей в утолении неумеренных страстей. И есть еще настойчивость, которая тоже на исходе.

Приемная стала заполняться пациентами. Наконец санитар пригласил Сабира в кабинет. Он вздохнул, подавляя тревогу, и вошел. Конечно, лицо матери на снимке, который он захватил с собой, ничуть не соответствовало оригиналу. Кто бы мог поверить, что его мать в свою последнюю ночь была той самой женщиной?

Он присел перед столом доктора, начал отвечать на вопросы, которые тот записывал в большой журнал.

– Мое имя Сабир Сайед Сайед Рахими.

– Ого! Значит, вы мой сын? – доктор засмеялся.

– Видите ли... я ни на что не жалуясь. Вопросительный взгляд.

– Я разыскиваю господина Сайеда Сайеда Рахими. Меня?

– Не знаю. Взгляните, пожалуйста, на этот снимок.

Доктор изучил фотографию и покачал головой.

– Это не вы, сударь, на снимке?

– Конечно, нет.– Он снова засмеялся.– А кто эта прелестная девушка?

– Может быть, кто-нибудь из ваших близких? Хочу заметить, что снимок сделан тридцать лет тому назад.

– Нет. Никого из моих родных я здесь не вижу.

– Сударь, вы из семьи Рахими?

– Мой отец, Сайед Рахими, был служащим на почтамте.

– Возможно, у семьи есть ответвления, которые вам неизвестны?

– Нет. Я знаю всех своих родственников, включая самых дальних.

Сабир поднялся с чувством безнадежного отчаяния.

– Простите, что побеспокоил вас. Но, может быть, вы слышали о какой-либо знатной особе с такой же фамилией?

– Должен вас снова огорчить. А собственно, в чем дело?

– Дело в том, что я разыскиваю некоего высокопоставленного человека, которого зовут Сайед Сайед Рахими. Так он выглядел тридцать лет тому назад на снимке.

– Возможно, где-то он и существует, но я не имею к нему ни малейшего отношения.

По тону реплики Сабир понял, что разговор окончен, попрощался и вышел. Завернул в первое попавшееся кафе, сел у стойки бара и заказал бренди. Все начинается сначала. А этот телефонный справочник – дурацкий обман. Исчез надуманный оптимизм, который охватил его при виде жены старого Халиля. Вспомнил мельком свои хождения в Александрии от нотариуса до старейшин кварталов, до прорицателей. Чтобы все это повторить здесь, нужен гид, помощник. А в Каире никого у него нет. Тогда, видимо, лучше

начать с публикации объявления. Самый дешевый, легкий и верный путь. Он посмотрел на старого бармена и спросил:

– Не слышали случайно фамилию Сайед Сайед Рахими? Это доктор в соседнем доме.

– Да нет, я имею в виду знатную персону. Бармен заколебался, вороша что-то в памяти.

– Не помню ни одного посетителя с таким именем.

– Вам не приходилось разыскивать человека, когда неизвестно, кто он и чем занимается?

– Вы, очевидно, потеряли след отца со времен войны? Сабир с сожалением покачал головой.

– Война кончилась. Судьба всех, кто в ней участвовал, известна.

– Лучше считать его без вести пропавшим, чем получить извещение о смерти.

Бармен был европейцем. Сабир спросил у него, где находится редакция газеты «Сфинкс». Тот объяснил, что это на площади Тахрир. Белое квадратное здание и двор с фонтаном посередине напомнили ему виллу греческого богача в Азарите. Он направился к двери и увидел на пороге девушку, которая жестом позвала его. Сабир удивился и уставился на нее в недоумении. Сбоку его обогнал курьер, направляясь к ней. До него дошло, что девушка подзывала вовсе не его. Курьер передал ей какой-то пакет и скрылся за дверью. А Сабир оказался лицом к лицу с девушкой. Она сразу приковала его внимание: стройная, изящная, с очаровательным противоречием – сочетанием смуглой кожи и голубых глаз. Он мгновенно ощутил и влечение к ней, и странное доверие. Выпитое в таверне вино слегка ударило в голову, в ушах зазвучали звуки скрипки. Он с улыбкой поздоровался с ней и спросил, где находится отдел объявлений.

– Я как раз туда направляюсь, – ответила она. Голос был мягким, и в то же время в нем звучала уверенность в себе.

Он скользнул по ее фигуре привычным оценивающим взглядом, ища в ней то, что могло возбудить, но тут же отвел глаза, почувствовав смущение. Они вошли в контору, и она указала на человека в центре комнаты. На столе была

табличка с именем Ихсан Тантави. Сабир поздоровался с ним, и тот жестом указал ему на стул, стоявший между его столом и столом голубоглазой девушки. Сабир объяснил, что ему нужно найти человека по имени Сайед Сайед Рахими.

– Доктор по сердечным заболеваниям? – спросил человек.

Сабир ответил отрицательно и ждал, что назовут еще кого-нибудь с тем же именем. Увы, этого не последовало.

– Я-то только имя его знаю, – сказал Сабир.

– А есть хотя бы предположения, кем он работает, где живет?

– Совершенно ничего. Известно только, что он знатная особа. Может, он и служит где-то, но в телефонной книге я нашел только врача.

– Возможно, номер его засекречен. Возможно, он живет в провинции, а не здесь. В любом случае объявление – кратчайший путь к нему.

– Тогда пусть текст его будет небольшим по объему, и публикуйте его ежедневно в течение недели. Может, в форме приглашения связаться со мной с гостинице «Каир» письмом или по телефону.

– Конечно, надо и ваше имя назвать в объявлении. Немного подумав, он сказал:

– Сабир Сайед, – и почувствовал непонятную тревогу. Впрочем, для беспокойства не было причин. Человек тут же принялся расчерчивать макет объявления. Сабир заметил, что девушка прислушивалась к их разговору, видно, привлеченная его необычностью. Сабир взглянул на другие столы, за которыми сидели служащие – мужчины и женщины. Узнал, что девушку зовут Ильхам – так к ней обращались сослуживцы. Ихсан Тантави спросил:

– Не будете указывать цель вашего объявления?

– Нет.

Он сделал паузу и пояснил:

– К сожалению, я ошибался, полагая, что в Каире не счесть людей, которые его знают. Но вот пока что не нашел ни одного.

– Несколько необычная у вас ситуация – известны только имя и фамилия. А как вы удостоверитесь в подлинности человека, который представится вам как Сайед Сайед Рахими?

– У меня есть кое-какие гарантии.

Вмешалась Ильхам, которую разобрало любопытство:

– Тут какая-то интересная тайна. Как в кино. Сабиру было приятно, что она не осталась равнодушной к его проблеме. Он сказал с улыбкой:

– Хотел бы я, чтобы эта тайна раскрылась так же легко, как это случается в кинофильмах.

– По крайней мере вы знаете, что он знатная персона. Но откуда?

На помощь Сабиру, который предпочел бы не отвечать на этот вопрос, пришел Ихсан Тантави.

– Знаешь, это уже на допрос смахивает, – сказал он серьезно.

Ах, какая она еще девочка, большой ребенок. Может, она даже готова отнестись к нему с симпатией? Есть в ней какая-то сила, которая внушает доверие, желание поделиться своей тайной. Чувство, ничуть не напоминающее то, что он испытывал к той женщине из гостиницы.

– Госпожа Ильхам, – обратился он к ней, – я чужой человек в вашем городе.

– Чужой?

– Ну да. Я александриец. Прибыл в Каир только вчера. И мне очень нужно найти этого человека. А в вас я заметил искреннее участие.

Она открыто улыбнулась ему, и снова дал себя знать хмель таверны под звуки скрипки.

Он вышел из редакции. Служащие как раз собирались расходиться. Ему пришлось на ум немного подождать, чтобы еще разок взглянуть на Ильхам, и он встал под навес автобусной остановки. Очарование этой девушки будоражило воображение. Бремя поисков стало на время полегче, поскольку он рассчитывал на успех объявления. Ветерок посвежел, воздух словно набрался белизны от яркого облака на небе, и от этого все вокруг словно осветилось надеждой.

Он увидел Ильхам в группе молодых парней и девушек. Они остановились у выхода, обмениваясь веселыми репликами, улыбками, прежде чем расстаться. Потом девушка пересекла боковую улочку рядом с редакцией, вошла в магазин под вывеской «Витр Куан» и скрылась в нем. Он, не раздумывая, последовал за ней. Заглянул сквозь стекло витрины и увидел ее сидящей за отдельным столиком. Оказалось, это не магазин, а кафе-бутербродная. Вошел, сделав вид, что направляется к буфету. Заметил ее – какая случайность! Лицо его просияло. Направился к ее столику в дальнем углу кафе, когда официант ставил перед ней блюдо с сэндвичами и стакан апельсинового сока.

– Какое чудесное совпадение! Позвольте сесть за ваш столик?

– Пожалуйста, – ответила без воодушевления, но и без отчужденности.

Заказал то же самое, что и она. И вдруг испытал непривычное волнение. От нее словно исходило невидимое излучение, которое возвышало его, заставляло по-иному относиться к людям. Возникло чувство, похожее на ликование.

Несомненно, я выгляжу надоедливым, но так бывает с приезжими.

– Я ничего не имею против гостей нашего города.

– Спасибо. Вы хотите сказать, что стремление приезжего познакомиться с коренной жительницей столицы вас не отпугивает?

– Нет, такие встречи мимоходом меня совершенно не пугают.

– Вы, наверно, в кино собрались? – спросил Сабир.

– Ничего подобного. Через пару часов с небольшим – опять на работу. Я живу в самом конце Гизы, а транспорт в столице – сами видите какой. Поэтому я предпочитаю обедать тут.

– Так здесь и сидите весь перерыв?

– Ну, у меня еще остается время прогуляться к Нилу. Она наклонилась над своей тарелкой, а он украдкой поглядывал на ее прелестный рот, на тонкие пальцы, любовался экзотическим сочетанием голубых глаз со смуглой кожей.

– А что вы скажете о ваших объявлениях? Они достигают цели?

– Всегда, – коротко ответила она.

– До чего же важен для меня результат, – продолжал Сабир.

– Вы что, действительно ничего не знаете о человеке, которого разыскиваете?

– Есть его фотография и совсем немного сведений. И немного подумав, добавил:

– Мне поручил найти его мой старик отец. Когда-то давно они были знакомы.

Уловив в ее ясных глазах вопрос, пояснил с улыбкой:

– Старые дела.

– Финансовые?

– Не без этого важного фактора.

О, эта жажда невозможного! Если бы мечты могли осуществляться, даже самые непредсказуемые. Эта девушка покорила его.

– Я еще не испытывал подобного чувства.

В ее широко распахнутых глазах он прочитал недоумение.

– Понимаете, – поспешил он объясниться, – один в чужом городе – и вдруг эта неожиданная встреча, которая доставила мне столько радости.

– Что касается встречи со мной, то прошу не повторять этой банальной фразы, которую я слишком часто слышу и не отношусь к ней всерьез.

– Слышите ее на работе?

– Ну, к примеру.

– Вам нравится ваша работа?

– Хм...

– Вы ее бросите ради семьи, когда придет время?

– Я считаю, что место работы – это не перевалочный пункт.

Его убеждения в отношении другого пола достаточно устоялись, чтобы так быстро измениться. Женщины, по его мнению, – это дикие создания, ищущие страсти и лишенные каких-либо принципов. Его мать, ее подруга, девицы на ночном берегу и в переулке Кирши... И даже возникшее к этой девушке чувство не могло поколебать его взглядов. И все же, вопреки укоренившейся привычке, он не раздевал ее мысленно. С ней это казалось вульгарным и неуместным. Ее очарование трогало душу, а не плоть. Оно напоминало ему свет луны. И еще в нем было нечто неуловимое, вселяющее смутные надежды, как надежды на отчий дом. Нет, от нее он не получит тех утех, которые давали ему другие акробатическими трюками, грязными выражениями, бесстыдными действиями, варварски примитивными забавами. Она – нечто особенное. За такое короткое время эта девушка сумела пробудить в нем иную природу, иной вкус, которого ранее он не ведал.

– Какие ухоженные у вас ногти.

На ее лице мелькнул протест. Она почти сердито отпарировала:

– Ваша забота о прическе заметна не меньше.

– Считайте мое замечание неудачной попыткой выразить свое восхищение.

Считая, что он сгладил свой промах, Сабир добавил:

– Когда вернусь в Александрию, мое самое прекрасное воспоминание о Каире будет связано с вами.

– А почему вы не дали этого объявления в александрийском бюро газеты?

– Объявление – всего лишь часть поисков. Не более. Он собрался заплатить по счету за обоих, но она решительно запротестовала.

– Если бы вы пожелали так же поступить, я бы не стал отказываться,– уговаривал он.

Она засмеялась.

– О нет! Этого бы я не пожелала сделать.

В зеркале на стене слева он разок поймал ее изучающий взгляд и расценил это как хороший знак. Произвести бы на нее такое же впечатление, какое он производит на других особ женского пола. Вспомнил тайны своего недавнего прошлого и улыбнулся. Она поднялась: он попрощался, подавив в себе желание последовать за ней. Вовсе не исключено, что хозяин гостиницы и постояльцы прочтут объявление, подумал он, и его родственная связь с человеком, которого он разыскивает, уже не будет ни для кого секретом.

Когда он предупреждал Халиля Абу Наджа и Мухаммеда Сави об ожидаемых телефонных звонках, старый хозяин сказал:

– Значит, ищите своего отца?

Сабир слегка покраснел и кивнул головой.

– А как вы умудрились его потерять?

– Так же, как он меня. А теперь решил разыскать его.

– Да, интересная история.

Его раздражали эти нескромные вопросы, и он сказал:

– Вполне обычная история. Прошу вас, вызовите меня, когда попросят к телефону.

Парень, который ищет отца,– так отныне его будут называть, начнутся суды и пересуды. Он презрительно пожал плечами.

После этого разговора большую часть времени Сабир стал проводить в салоне, обращая взгляд к телефону, как только тот начинал звонить. Были бесплодные звонки: какой-то Сайед Сайед Рахими, парикмахер в Булаке, другой преподаватель арабского языка, третий трамвайный вагоновожатый. С каждым из них Сабир встретился, как в свое время с доктором. Ни один не имел отношения к тому, кого он разыскивал. Где же тот, кого он ищет? Почему не свяжется с ним, как другие? Если умер, неужели не оставил сына

или близкого человека? С растущей тревогой он думал о деньгах, которые катастрофически таяли. А вокруг сидели многочисленные постояльцы, в воздухе стоял запах кофе и дыма от сигарет, и никому до него не было дела, никто не читал его объявления. И слава Богу. Но что же ему делать, если неделя, в течение которой будет печататься его объявление, не принесет результатов. Кончатся деньги, а отец так и не появится. Значит, ты сутенер и вымогатель? И дни, проведенные в доме на улице Святого Даниила, – все это промелькнуло и развеялось, как аромат, унесенный ветром. Там он познал материнскую любовь и настоящий достаток. Деньгам тогда не знали цену. Мать говорила: «Жизнь прекрасна, а ты ее цветок». И даже подспудно сознавая, что к чему, ты подчинился ей, как источнику твоего благополучия. Вот ты танцуешь в ночном клубе «Каннар» и какой-то пьяница злобно орет:

– Ты! Сын Бусеймы!

Потом – кровопролитная драка, битые стекла и ничего, чтобы защитить испорченную репутацию, кроме железных кулаков. Умерла Бусейма, и не осталось иной надежды, кроме как на поддержку отца.

Один из постояльцев гостиницы изрек:

– Хлопок. Все зависит от хлопка.

С чего вдруг? Если бы не это ожидание, Сабир не стал бы торчать здесь, просматривать газеты. Ведь даже новости об атомной энергии и космических полетах доходили до него через завсегдатаев ночного клуба, пьющих в «Каннаре».

– А эта война, что угрожает всему миру, выгодна для нашего хлопка? – откликнулся один из сидевших в салоне.

– Ну, эта-то война будет не то что прошлая.

– Конечно. После нее ничего не останется.

– Ни хлопка, ни фасоли, ни скота, ни людей.

– Где же тогда Аллах, создатель и хранитель всего сущего?

Действительно, где же Аллах? Как часто произносилось это имя, но Сабир всерьез ни разу не задумался о Боге. Религия не играла сколько-нибудь существенной роли в его жизни. Дом на улице Святого Даниила не стал

свидетелем ни одного религиозного обряда – словно пристанище неверных. И суждено ему было провести свои лучшие годы среди любителей лясы поточить, в основном выходцев из деревни.

Когда ожидание становилось невмоготу, он занимал себя тем, что пытался представить себе образы Ильхам или жены Халиля Абу Наджа. Стихия воздуха нужна, но и стихия огня тоже необходима. И пусть он смолкнет навсегда, и язык его не вымолвит ответа, который выведет его из затруднительной ситуации. Если отец не откликнется на его призыв, не лучше ли будет, чтобы произошел ядерный взрыв, который все уничтожит – страх, голод, грязное прошлое?

Однажды, взглянув в сторону телефона, он увидел жену дядюшки Халиля. Она сидела на том же месте, где он увидел ее в первый раз. Вернулась, значит! Сердце застучало, поднялась волна нетерпеливой страсти. Какая соблазнительная фигура, какой заговорщически-призывный взгляд.

Он мгновенно забыл про телефон, про Рахими и про Ильхам. Поднялся в свою комнату на третьем этаже и остановился возле двери в ожидании. Заслышав стук ее каблучков, вышел в коридор. Они встретились на полпути. Он изобразил удивление от якобы случайной встречи и сказал:

– Как поживаете? Надеюсь, хорошо? Она ответила улыбкой. А он продолжал:

– А я, знаете, по вас соскучился.

Снизойшла до кивка головой, тряхнув гривой черных волос, и направилась дальше, к лестнице на четвертый этаж. Он набрался смелости и тихо сказал:

– Александрия.

Она замедлила шаг и переспросила:

– Александрия?

– Переулок Кирши. Нахмурилась.

– Ничего не понимаю.

– Если вы забыли, то я забыть не смог, – настойчиво продолжал он.

– Вы что, сумасшедший? – Она сказала это с такой твердостью, что его уверенность поколебалась. Все-таки спросил:

– А разве не так?

Она пошла дальше, бросив на ходу:

– Глупая банальная игра.

Пока она не скрылась из виду, он крикнул ей вдогонку:

– В любом случае примите мое восхищение вами.

Потом оперся на балюстраду, переводя дух и успокаиваясь. Это было мгновение безумия, когда захотелось, чтобы все исчезли из гостиницы, оставив их наедине. Так же точно бушевала его страсть в ночь погони, которая началась на рыбацком берегу в Анфуши.

Когда он увидел Али Сурейкуса, спускавшегося по лестнице сверху и напевавшего мелодию Верхнего Египта, Сабир подозвал его жестом и сказал, придумывая на ходу:

– Я слышал, тебя вроде бы кто-то звал. Кажется, женский голос.

– Женский?

– Да. Видимо, супруга дядюшки Халиля.

– Не может быть. Это, наверно, из шестнадцатого номера. Я иду как раз из квартиры хозяина и встретил там его жену.

– Может быть. Проверь сам. А разве госпожа живет в квартире?

– Разумеется. Они живут в мансарде.

– А где же она пропадала эти дни?

– У своей матери. Она каждый месяц проводит там несколько дней.

Потом с презрением и злостью он смотрел в спину дядюшки Халиля, спускавшегося с лестницы. Сама мысль о возвращении в салон была невыносима. Сабир вышел из гостиницы. Лучи солнца с ясного неба ласкали его лицо, и он отправился бродить без всякой цели, сожалея о том, что не может полностью отдаться созерцанию Каира. Вспомнил, что завтра в

последний раз выйдет объявление, и пошел в сторону редакции газеты «Сфинкс». А по сути дела назначил себе свидание с Ильхам.

Ихсан Тантави был занят с посетителем. Сабир поздоровался с Ильхам и уселся между их столами. Она прекратила печатать на машинке и спросила:

– Новостей нет?

Он ответил, окончательно освобождаясь от терзавшего его наваждения:

– Звонки и встречи, но все не то.

– Терпение – великая вещь.

Он наблюдал за тем, как бегают ее пальцы по клавишам пишущей машинки, испытывая чувство облегчения человека, сбросившего тяжкое бремя неопределенности.

Несмотря на радость свидания, на него неожиданно нахлынула безотчетная грусть. Похоже было, что Ихсан Тантави завершает составление какого-то некролога. И Сабиру вспомнилась последняя ночь матери. Таким вдруг явным предстало собственное бедственное положение. Все зиждилось на каком-то мираже. В этот момент Ильхам бросила на него быстрый взгляд, и этого оказалось достаточно, чтобы он снова забыл обо всех тревогах.

Ихсан Тантави закончил свою работу и поприветствовал Сабира, добавив не без некоторого злорадства:

– Повторить? Сабир усмехнулся и, понуриив голову, сказал:

– Откликнулись многие. А вот того, к кому мы взываем, будто не существует. Как это объяснить?

– Такого сорта объявления требуют терпения.

– Но ведь предполагается, что человек этот широко известен.

– Однако вы же ничего не знаете, кроме его имени, а остальное понаслышке. В таких случаях трудно высказать определенное мнение. Вот я, например, прожил в Каире в разных слоях общества около тридцати лет, но ничего о нем не слышал.

– Но я абсолютно доверяю человеку, который послал меня на его поиски.

– Значит, тут какая-то тайна, которую только время раскроет.

Сабир немного подумал и сказал:

– У меня есть его старый снимок.

– Приложим его, если хотите, к объявлению. Это, возможно, удвоит ваши шансы на успех.

Сабир показал фотографию.

– М-да... Это личность,– заключил Ихсан.

Сабир ждал с опасением, что он увидит его внешнее сходство с изображением на снимке. Но тот ничего не заметил и заговорил о новом объявлении и его стоимости. Сабир вынужден был согласиться.

Он покинул редакцию, думая о деньгах, которых день ото дня становилось все меньше. Когда они иссякнут, появится еще один нищий. В «Витр Куан» он сел за столик Ильхам, надеясь ее увидеть.

Заметив его, она пришла в замешательство, но все же заняла свое место. Сабир тотчас же заказал сэндвичи и сок, словно это было привычным ритуалом.

– А я видела снимок,– неожиданно сказала Ильхам.

– Правда?

– Вы очень похожи на него.

– Вы имеете в виду мужчину на фотографии?

Она кивнула головой, глядя на него с сомнением. И ему пришлось пойти на новую ложь:

– Он мой брат.

– Брат! Все понятно. Но почему вы сразу этого не сказали?

Он улыбнулся и смолчал.

– А кто эта красивая девушка на снимке?

– Его жена, упокой Аллах ее душу.

– А брат ваш... что с ним случилось?

– Исчез до того, как я родился. Ссора, потом исчезновение, как это иногда бывает. И вот спустя тридцать лет отец попросил его разыскать.

– Да, история трогательная. А почему вы решили, что он известная личность?

– Так отец мне сказал. Может, это его домыслы. Странно все же... Ихсан Тантави не заметил сходства между нами, когда я показал ему снимок. Он с вами не говорил по этому поводу после моего ухода?

– Нет. Хотя сходство явное. Но голова у профессора Ихсана занята больше подсчетами.

Принесли блюда с едой.

– Простите меня за непрошеное вторжение. Просто мне одиноко в городе, а безделье для меня невыносимо.

Она с улыбкой приняла его извинение и спросила:

– А как вы проводите время?

– В ожидании.

– Но это же очень скучно. А потом поиск – это не ожидание.

– Но он не обходится без периодов вынужденного ожидания.

– И чем же вы заняты в остальное время?

– Ничем.

– Невероятно.

– Теперь вы понимаете, насколько мне нужен друг, – сказал он с робкой надеждой.

Ее щеки порозовели от этого намека, а он добавил:

– Я надеюсь, вы не отвергнете моей дружбы.

Она отпила немного сока из стакана и продолжала молча есть.

– Что вы мне скажете на этот счет? – спросил он.

– Возможно, вы выдаете желаемое за действительное.

– Такие вещи познаются сердцем.

– Мы можем встречаться, когда вы будете продлевать срок вашего объявления.

Он засмеялся.

– Тогда я готов это делать до бесконечности.

– Но вы же, наверное, хотите разыскать его побыстрее.

– Это верно. Но если объявление окажется безрезультатным, возобновлю поиски другим способом. За ваше здоровье,— сказал он, поднимая стакан с соком.

– С вами надо держать ухо востро.

Они выпили сок, обменявшись улыбками. Нет, не стал бы он ее преследовать, если бы тогда, на рыбацком берегу, была она, а не та, другая. Эта девушка может вызвать только серьезное чувство. Он был уже почти влюблен. Но что делает время с молоденькими красавицами! Видела бы она его мать в ее последнюю ночь, в саване, прикрывавшем иссохшее тело.

– Весьма вам признателен,— неожиданно сказал Сабир.

Она почувствовала ловушку в этом неуместном выражении благодарности, но протестовать не стала. В наступившей после этого паузе взошли первые семена взаимопонимания. Ему предстоял тягостный и долгий путь поисков, и он так нуждался в передышке от преследовавших его мрачных теней.

Глаза утомились от разглядывания лиц. На улицы Каира накатывались потоки людей и автомобилей, как волны моря в штормовую погоду. Осенние тучи, плывущие из Александрии, рассеиваются, не успев омрачить каирского неба. Но память об Александрии постоянно горит в сердце, живущем ожиданием.

Часы высиживания в салоне гостиницы больше не были обременительны с тех пор, как вернулась молодая хозяйка. И в то же время было мучительно наблюдать ее сидящей со стариком мужем. На мгновение взгляд ее становился таким многообещающим, и голос воспламенял, словно искра. Сколько раз он подлавливал ее на лестнице, безуспешно пытаясь заманить в укромное место. Она легко разгадывает его намерения, ускользает от него и с усмешкой возвращается на свое место. На улыбку не отвечает, игнорирует любые намеки. Сквозь тучи смятения его как молнией пронзает страсть. Каждый раз, когда его охватывало возбуждение, он желал всем постояльцам и постылому мужу провалиться в тартарары, чтобы наброситься на нее в безмолвной пустоте. В эти минуты безумия Ильхам пряталась в дальнем уголке сознания, как раскаяние среди преступного разгула. Порой его отвлекают запахи сигаретного дыма и лука, разговоры о хлопке, пшенице, о разрушительной войне. Может быть, они все тоже гонятся за призрачной надеждой, вроде той, которую сулит тебе обретение пропавшего отца.

Голос Мухаммеда Сави вывел его из глубокого оцепенения:

– Господин Сабир! Телефон!

Он вмиг внутренне сконцентрировался и бросился к аппарату. Неужели наконец? Все чувства обострились в ожидании заветных слов.

– Алло?

– Это вы, сударь, дали объявление? Слезы облегчения навернулись на глаза.

– Да! А кто вы, милостивый государь?

– Полагаю, я тот человек, которого вы разыскиваете.

– Сайед Сайед Рахими?

– Да.

– На фотографии это вы?

С трудом глотнул пересохшим горлом, голос его задрожал.

– Как и где мне встретиться с вами?

– Но зачем я вам понадобился?

– Лучше при встрече...

– Мне хотелось бы иметь хотя бы общее представление, о чем пойдет речь.

– По телефону не могу. Мне необходимо с вами увидеться.

– А с кем я имею честь разговаривать?

– Мое имя напечатано в объявлении.

– Я имею в виду вашу профессию.

– Я родом из знатной семьи.

– Но зачем я вам нужен?

– Вы узнаете при встрече, которую можете назначить на любое удобное для вас время. Поверьте, у меня нет никаких дурных намерений.

В трубке помолчали, потом голос сказал:

– Приходите прямо сейчас. Вот вам адрес: вилла номер пятнадцать, улица Тальбана в Шубре...

Сабир спросил хозяина гостиницы и Мухаммеда Сави, как найти указанный ему адрес. Оказалось, что оба его не знали.

– Названия улиц у нас меняют каждый день, – сказал Сави. – Отправляйтесь для начала в Шубру, а там спросите улицу.

Все дневные часы Сабир потратил на поиски. Он с лихорадочной настойчивостью расспрашивал прохожих, но не нашлось никого, кто слышал бы о такой улице. Когда он уже выбился из сил в этом блуждании на ощупь, зашел в полицейский участок Шубры и там убедился, что в их районе такой улицы не существует. Он был близок к полному отчаянию. Что это значило? Не так расслышал? Или гнусная проделка негодяя?

Вернулся в гостиницу. Визгливый голос нищего продолжал прославлять пророка, действуя на нервы. И когда Сабир увидел жену Халиля на своем

обычном месте, kloкoтaвшaя в eгo дyшe злoсть и oтчaяниe смeшaлиcь c нeукрoтимoй жaждoй oблaдaния eю.

Сaви cooбщил, чтo кaкoй-тo чeлoвeк нeскoлькo рaз спрaшивaл eгo пo тeлeфoнy, кaжeтcя, тoт сaмый, чтo звoнил yтрoм. Внoвь вcпыхнyлa нaдeждa. Знaчит, вce-тaки нeпрaвильнo рaсслышaл. Этoт чeлoвeк, oчeвиднo, ждaл eгo c нeтeрпeниeм, рaз тaк нaстoйчивo нaзвaнивaeт.

– Удaлoсь, слaвa Бoгy? – тихo спрoсил дядюшкa Хa-лиль.

– Кaжeтcя, я нa вeрнoм пyти,– oтвeтил Сaбир, пытaяcь изoбрaзить рaдoсть.

Пoймaл нa ceбe взгляд жeнщины. Oбeссилeнный и oпyстoшeнный, oн yпaл в крeслo. Пoдкрaлacь грyсть oсeннeгo вeчeрa. Зaжглиcь лaмпy. Жeнщинa yшлa, и стaлo coвceм тoскливo. Нo этoт чeлoвeк нaвeрнякa eщe пoзвoнит. И вoт yжe Сaви мaшeт eмy тpyбкoй. Бeгoм рвaнyлcя к нeмy.

– Аллo!

– Сaбир? Ужe вeчeр, a вы тaк и нe пришли.

– Я нe нaшeл yлицы!

– A вы ee дeйствитeльнo иcкaли?

– Дa, вeсь дeнь... Тaльбaнa, двaдцaть пять, Шyбрa.

– Ну, тoгдa ты нaстoящий oсeл!

Хoхoт был рaскaтистым и дoлгим, прeждe чeм связь oбoрвaлacь. Сaбир пoлoжил тpyбкy нa aппaрaт и вышeл из гoстиницы. Дoлгo нe мoг прийти в ceбя oт ярoсти. Шyтник пoпaлcя. Свoлoчь! Мрaзь!.. Oтбрoшeн нaзaд, и бeз прoблeскa нaдeжды.

Зaшeл в бaкaлeйнyю лaвкy c вывeскoй «Свoбoдa» нa yлицe Клoт-бeк, кyпил бyтылкy кoньякy. Хoзяин лaвки нaскoрo сгoтoвил eмy рьбный yжин. Чтo ж, дeнь шyтoк и oтчaяния стoилo зaвeршить сyмaсшeдшeй гyлaнкoй. Пил мнoгo, зaлпoм, нe oбрaщaя внимaния нa тo, cкoлькo трaтит дeнeг. Кaк в дни Святoгo Дaниилa, кoгдa мaть гoвoрилa: «Мир прeкрaсeн, a ты – eгo цвeтoк». В Aлeкcaндрии вce eмy былo дoстyпнo, a здeсь, в этoм гoрoдe, oн нe нaшeл ничeгo, крoмe стрaдaния. И кaждый прoвeдeнный в нeм чaс пpиблизaeт eгo к стрaшнoй рaзвязкe. Чтo ждeт eгo пoслe вceгo этoгo oжидaния, пoгoни зa нeвeдoмым вo мрaкe? Eсли oн рeшитcя избрaть пpofeссию свoeй мaтeри, тo

станет орудием в руках людей ночного бизнеса. Кулак, который в свое время умел их воспитывать, теперь просто перейдет к ним на службу. Возможно, телефонный шутник был один из вас. Ну, тогда берегитесь! Женщина в отеле сулит наслаждение, которого он жаждет еще со времен Анфуши. Ильхам – чистый цветок. Но чего все это стоит, пока он не нашел отца? Он хмельно улыбался, шагая под сенью аркады. Очень хотелось потанцевать в ночном клубе «Каннар». Он опять затосковал по серым улицам, умытым дождем, по воздуху, напоенному запахом морского прибоя и покрывающему тело солоноватым налетом. В крови снова закипело то животное безумие, которое овладело им в ночь погони. Его мать курила кальян и рассуждала о мужчинах с видом королевы. «Делай, что хочешь, только не транжирь денег. Нет злее врага, чем бедность». Говорила: «Влюбляйся каждый день в новую женщину, но не позволяй ни одной из них властвовать над тобой». И он пошел по жизни куда глаза глядят, как бык в ночи. В заведении «Каннар» руки под столами затевали бесстыдную игру.

Но где же все-таки Сайед Сайед Рахими?

– Рахими! – неожиданно крикнул он во весь голос.

Потом принялся напевать александрийскую песенку «Забудь свою беду, присоединяйся к нам». Коньяк подхлестнул воображение: он представил себе, как будет раздевать жену Халиля, а потом жестоко надругается над ней.

Вернулся в гостиницу в полночь. Здание было погружено в сон. Выкурил сигарету в своей антикварно-обветшалой комнате и лег спать.

Проснулся с тревожным чувством пробуждения от какого-то постороннего звука. Открыл глаза. Глубокий мрак. Даже от окна не исходило никакого света. И тут услышал отрывистые постукивания в дверь. Сел на постели, напрягая слух. Осторожный, легкий стук повторился. Сабир нашарил рукой кнопку выключателя, и вспыхнула голая, без абажура, лампочка. Подошел к двери и, приоткрыв ее, увидел в проеме женскую тень. Впустив ее, быстро прикрыл дверь. Сон как рукой сняло. Некоторое время он бессмысленно тарасил на нее глаза, потом в хмельной растерянности пробормотал:

– Ты?!

С наигранным удивлением она осмотрелась вокруг, словно не могла сообразить, как оказалась здесь.

– Где я? Ошиблась комнатой?

Запахнула потуже халат на полуобнаженной груди, прикусила губу, чтобы сдержать улыбку. Он притянул ее к себе, стиснул в объятиях с силой, соответствующей его долгому, мучительному воздержанию.

– А я... я жду тебя сто лет.

Так, не разжимая объятий, они подошли к кровати. По пути он выключил свет.

– Добралась без приключений?

– Да...

Она свое дело знает, а ему все равно.

– Я даже не знаю твоего имени.

– Керима [1] .

Прошептал ей в самое ухо жарким шепотом:

– Наконец-то!

Итак, ты, оказывается, безрассудная натура. Не распознал я тебя – умеешь хитрить. Видно, уж чего пожелаешь, от того тебя никакая сила не свернет. Как сладостна любовь в темноте! Безумная мечта свершилась в трясине вязкого оцепенения. Рассудок плавился в костре страсти, волна пламени плыла в кромешном мраке. Наступило мгновение полного забытья, поглотившее прошлое, настоящее и будущее.

– Ах, какая ты щедрая!

– А ты?

Тонкий аромат навеял привычные воспоминания. Вот-вот послышится в ушах шум прибоя. Вздохи казались последними отзвуками прекрасно исполненной мелодии.

Открыл глаза – вокруг по-прежнему непроглядная тьма, но он уже воспринимал ее по-иному: с чувством утоленного голода и даже некоторого пресыщения.

– Есть в мире вещи, с которыми можно себя поздравить,– сказал он с певучей интонацией.

– Дай, пожалуйста, сигарету.

– А я думал, ты некурящая,– заметил он, давая ей прикурить.

– Я это делаю очень редко.

В слабом мерцанье огонька он стал разглядывать ее тело, но она задула спичку. Снова воцарился мрак, в воздухе остался легкий запах серы.

– До сих пор я чувствовал только противодействие с твоей стороны.

– Никакого противодействия. Я вообще ничего не выражала.

– А я с первого дня откровенно выражал тебе все. Она засмеялась.

– Когда я увидела тебя входящим в гостиницу десять дней назад, то сказала себе: это он.

– Ага! – победно воскликнул он.– Александрия?

– Да нет. При чем тут это? Я просто сказала себе: это – мой мужчина.

– А Александрия?

– Ты из пальца высасываешь какие-то истории.

– Серьезно?

– Ну зачем мне тебя обманывать?

– Неужели у тебя есть двойник?

– Не стоит зря терять время, а то как бы не вышла неприятность.

– Как ты сумела ускользнуть?

– Он принял снотворное и тут же заснул. Он очень устает за день.

– В одном ты разочаровала меня. Я загадал: если это та девушка из Александрии, значит, мои поиски будут успешными.

– Твоего отца?

– Да.

– А что это за история?

– Я вырос, считая своего отца мертвым. А потом мне признались, что он жив. Вот вкратце и все.

– Наверно, ради денег ищешь?

– Не только. Деньги – это еще не все. Сейчас меня больше волнует другое – хочу услышать от тебя: будешь приходить каждую ночь?

– Когда представится возможность. Поцелуй его был долгим и нежным.

– Каждый раз, когда мне захочется, – добавила она уже капризным тоном.

– Не отрицай Александрии, – просительно сказал он, вдыхая аромат ее волос.

– Ты прямо помешался на какой-то фантазии. Боюсь, то же самое и с историей об отце.

– Хотел бы я, чтобы это было так, – ответил он мрачно. Чтобы успокоиться и больше не обманываться иллюзиями.

– Да, забот у тебя больше, чем я думала.

– Это верно. А после этой ночи появилась еще одна: остаться здесь как можно дольше.

– А что тебе мешает?

– Если деньги кончатся до того, как я найду отца, мне придется вернуться в Александрию, – ответил он задумчиво.

– А когда ты снова приедешь сюда?

– Но мне ведь придется искать там работу. Она сжала его пальцы и прошептала:

– Нет... Почему бы тебе здесь не найти работу?

– Это невозможно.

– У тебя все сплошные тайны. А я тебе вот что скажу: деньги не проблема.

Сердце ёкнуло. Он сказал тоном завсегда «Каннара»:

– Похоже, ты миллионерша. Она ответила не без гордости:

– Эта гостиница, капитал и вообще все записано на мое имя.

– Так что же, этот старик у тебя на службе?

– Нет. Он распоряжается своим капиталом, только пока жив.

– В любом случае для меня это ничего не меняет,— сказал он и тут же устыдился своей наивной хитрости.

– Будем надеяться, что Аллах вернет тебе отца. Это будет лучшим решением всех проблем.

– Это просто необходимо, даже несмотря на то, что отныне меня ничто так не будет волновать, как наши встречи.

Он обнял ее, но она отодвинулась от него, усевшись на край кровати.

– Скоро рассвет. Мне пора уходить...

Он вернулся в постель, закрыв за ней дверь. Растянулся в блаженстве и словно погрузился в забытие. Впервые подумал, что, кажется, сможет обойтись и без отца. Но утром, когда Сави помахал ему трубкой телефона, он бросился как вихрь, нетерпеливо выкрикнул:

– Алло!

Услышал спокойный, серьезный голос:

– Сабир Сайед? Это ваше объявление?

– Да, да! Это я!

– Я Сайед Сайед Рахими. Так что вам угодно?

– Нам обязательно надо встретиться.

– Хорошо. Жду вас в кафетерии «Витр Куан». Оно вам знакомо?

– Да. Я буду там через несколько минут.

Он обвел взглядом помещение. Увидел мужчину за столиком, где обычно сидела Ильхам, и в тот же миг почувствовал уверенность в том, что это он, человек с фотографии. Он почти не изменился за тридцать лет. Разве что седина на висках да, если приглядеться, едва заметные морщинки у рта и под глазами. Сабир смотрел на него почти со страхом. Он выглядел куда respectableнее, чем его нарисовало воображение Сабира. Мужчина остановил свой взгляд на нем и поднялся с места. Поздоровались.

– Вы Сабир, сударь?

– Да. А вы, милостивый государь, тот человек на снимке. В этом нет никакого сомнения. Оба сели. Мужчина сказал:

– Вы молоды, но мне кажется, что я вас уже видел прежде. Только вот где? Как вы думаете?

– Я родом из Александрии, а сейчас живу в гостинице «Каир» на улице Фонтана. Часто хожу по улице Клот-бек, по вокзальной площади и за этим столиком не раз сидел.

– Несомненно, я вас видел в одном из этих мест. Я прохожу через вокзальную площадь каждый день. Да и в Александрию навещаю время от времени. Здесь тоже нередко бываю.

– Это поразительно! – воскликнул Сабир. – Хотя я и не припомню, чтобы видел вас раньше, разве что в собственных фантазиях. А когда вы прочли объявление?

– В первый же день, как оно вышло.

– Вот как! Но почему же вы только сегодня позвонили?

– Дело в том, что это объявление означает, что вы не смогли разыскать меня обычным путем, хотя я человек весьма известный. Кстати, не легче найти мой дом и место работы тоже. Поэтому я игнорировал ваш призыв. А когда обратил внимание на вашу настойчивость, решил связаться с вами.

– Но это удивительно – я не встречал ни одного человека, который бы о вас знал, да и телефон ваш отсутствует в справочнике.

– Ладно, оставим это. Лучше скажите мне, чего вы хотите?

– Я вообще-то вас хочу. Но неужели вы ничего не заметили, милостивый государь? – Сабир смотрел на мужчину с надеждой, что тот уловит его сходство со своим изображением на фотографии. Но его ждало разочарование.

– Посмотрите внимательно на мое лицо! – нетерпеливо воскликнул Сабир.

– А что особенного в вашем лице? И тут он услышал тихий голос:

– Господин Сабир.

Обернулся и увидел Ильхам. Он встал и поздоровался с ней за руку, собрался было представить ее отцу, но тот опередил его:

– Ильхам! Как дела?

Девушка почтительно пожала протянутую руку.

– Вы знаете его? – воскликнул изумленный Сабир. Мужчина удивленно обратился к нему:

– С каких пор вы знакомы с моей дочерью?

– Ваша дочь? О, Боже!

С неожиданной стремительностью Ильхам вышла вон прежде, чем он успел задержать ее. Рахими все с тем же спокойствием, которое он сохранил во время всей встречи, сказал:

– Я часто слышу слова, не имеющие смысла, в том числе относящиеся лично ко мне. Но я не придаю им абсолютно никакого значения. Так скажите, что вам от меня угодно?

Сабир сел, испытывая чувство подавленности. Механическим жестом протянул ему фотографию, где была также и мать, ведь в объявлении он давал только половину снимка.

Затем вытащил свидетельство о браке, свое свидетельство о рождении и удостоверение личности. Мужчина глянул на них раз, другой, сохраняя спокойствие статуи. Совершенно невозмутимо он сложил их вместе и вдруг резким, решительным движением начал рвать их в клочья. Сабир вскрикнул и рванулся к нему, желая остановить его, но было уже поздно.

– Ты фактически уничтожил меня, чтоб тебе пусто было! – закричал Сабир, схватив его за лацканы пиджака.

Все с тем же впечатляющим спокойствием мужчина произнес:

– Убирайся вон. Чтоб я больше тебя не видел. Прохвост, как и твоя мать. Я к тебе никакого отношения не имею. Ступай.

Он толкнул его, Сабир споткнулся и ударился головой о буфет.

...Проснулся, открыл глаза. Дышалось тяжело. Увидел унылую комнату при свете дня, проникавшем сквозь жалюзи. До него дошло, что на нем нет даже пижамы. Припомнилась во всех подробностях прошедшая ночь. Вздохнул с глубоким удовлетворением, но, вспомнив свой ужасный сон, снова впал в пессимизм.

6

Сны участились, вызывая у него беспокойство и раздражение. Пробуждение всегда сопровождалось чувством утомления и подавленности. Иногда ему казалось, что тишина душит мир. Часто эта тишина напоминала ему ту, что наступает в бурном море: волна растет и стягивается перед тем, как обрушиться в грохоте и пене. А во сне на него глядит лицо его отца, несмотря на то, что любовная страсть стала той осью, вокруг которой теперь вращалась вся его жизнь,– страсть, плавящаяся в объятиях мрака. Он ненавидит сны, потому что они возвращают его в тот период прошлого, который наделил его эпилепсией, едва не погубившей его. Преследовали воспоминания о болезни долгое время после того, как он излечился. Эпилепсия стала одной из причин его приверженности к грубому насилию, его необузданности, когда он защищал репутацию матери по принципу око за око. А борьба, которую он ведет во сне, изматывает его, вселяет чувство тоски и страха

смерти. Если же в момент пробуждения из ближайшей мечети доносится голос муэдзина, тоска только усиливается...

Когда он вошел в отдел объявлений «Сфинкса», сотрудники газеты уставились на него с любопытством. Зато взгляд Ильхам буквально опьянил его. Это было прекраснее первых лучей восхода над Средиземным морем. Он тепло поздоровался с ней, как и положено друзьям.

– Что нового? – спросила она.

– Вот пришел продлить объявление. Правда, на сей раз долго колебался, – ответил он, не сводя глаз с ее лица.

– А что, нашли другие пути?

Сабир улыбнулся, но не стал говорить ей, что поиски Рахими для него отошли на второй план. Ихсан Тантави сказал ему:

– А у нас для вас сюрприз.

Он присел и спросил, в чем дело.

– Одна женщина интересовалась вами по телефону.

– Женщина?

– Спрашивала, что кроется за этим объявлением.

– Правда? А кто она?

– Не назвалась, ну а мы, естественно, не смогли удовлетворить ее любопытство.

– А не может такого быть, что она от Рахими звонила?

– Всякое может быть, – ответила Ильхам.

– А что всякое? Тантави засмеялся.

– Может, что-то и от вас зависящее.

Сабиру был приятен этот веселый, согревавший его душу допрос.

– Наверное, опять какая-нибудь шутница, – сказал он. – Однажды я уже оказался жертвой глупого розыгрыша.

И все-таки – вдруг эта женщина звонила от Рахими? Жена или вдова? А может, Керима – чисто из любопытства. Она искушенная женщина, которая так просто не поверит на слово. Настолько же умна, насколько опасна и сладостно– деспотична.

Он сидел в углу «Витр Куан» и вспоминал подробности своего странного сна. Пришла Ильхам и заняла свое место. Он заказал еду, и они обменялись приветливыми улыбками.

– Я вижу, вы сейчас не так оптимистично настроены относительно объявления, – сказала она. – Но так, наверно, и лучше.

Ничего ты не знаешь о том, что сбило мою уверенность.

– Лучше?

– Да. Эти поиски могут оказаться долгими.

– Послушайте, ну позвольте хоть разок заплатить за вас.

– Вы гость, а не я.

– Вы очень добры, госпожа Ильхам. А можно просто на «ты»?

– Ради Бога.

– Очень любезно с твоей стороны.

Они обедали, получая удовольствие от общения друг с другом. Правда, в ее голубых глазах он замечал порой сосредоточенность на какой-то посторонней мысли, разгадать которую не мог, но не спрашивал, надеясь, что она сама раскроет ему, что ее тревожит. Вспомнил мрак исхода ночи, растворение в волнах наслаждения и удивился собственному, почти хладнокровному раздвоению между двумя женщинами.

– Я иногда думаю, что ты взял отпуск специально для выполнения этой задачи, – сказала она.

Прощупывает. Пытается узнать больше о нем. Его кольнуло беспокойство, и он ответил:

– Я нигде не служу. Принадлежу к знати.

– Возделываешь свои уголья?

– Это мой отец – помещик.

Сабиру показалось, что ее разочаровало его заявление.

– Я управляющий его недвижимостью, – пояснил он. – Эта работа потяжелее любой службы.

Уже дважды солгал ей, самому противно. Другой женщине он пока не сказал ни слова лжи.

– Главное, что ты не живешь в праздности. Тунеядство – враг человека.

– Это верно. А я вот уже две недели страдаю от безделья. Но как ты узнала?

– Нетрудно догадаться, к тому же кое-что слышала о тебе.

– Ценность имеют только собственные наблюдения и опыт.

– Основательное мнение.

– В твоем возрасте тебе не было дано познать некоторые стороны жизни, как это мне довелось.

– Если ты вообразил, что я ребенок, то я рассею это заблуждение.

Боже мой, как я люблю ее. Какое счастье быть рядом с ней!

Он сделал еще один шаг вперед:

– Ты почти все обо мне знаешь. Может, о себе немного расскажешь?

– А что я такого знаю о тебе?

– Фамилию, имя, работу, отца, мои дела в Каире. И то, что ты мне нравишься.

– Ну-ну, не надо путать факты с фантазией.

В душе он отметил, что это, пожалуй, единственная правда, которую она узнала. Стало душновато, словно окна в помещении закрыли наглухо, а свет полудня померк за стеклами. Они увидели большое облако, за которым скрылось солнце. Пытаясь настроить ее на более откровенный лад, Сабир сказал:

– Что ж, я по крайней мере знаю твое имя и должность.

– А что еще тебя интересует?

– Какие у тебя таланты? Когда ты начала работать?

– Три года назад. Именно тогда я закончила коммерческую школу. Но продолжаю учебу и сейчас.

Снова кольнуло беспокойство. Только не спрашивай меня о моей специальности. Здесь ложь не пройдет. Впрочем, можно рассчитывать на ее интеллигентность и деликатность.

– А семья твоя, видимо, в Гизе?

– Я живу только с мамой. Вообще-то мы выходцы из Кальюбии. Дядя сейчас обосновался в Гелиополисе. Но мы, как и ты, потеряли близкого человека.

– Кого же? – удивился он.

– Отца.– В ее глазах мелькнуло замешательство. Сабир вспомнил свой удивительный сон и пересказал ей его, слегка видоизменив, чтобы он соответствовал его первой лжи. Отцы пропадают чаще, чем ты себе представляешь. Вдруг они разыскивают одного и того же отца?

– А как ты потеряла отца?

– Иначе, чем ты своего брата. Вот видишь – я тебе раскрываю свои семейные тайны.

Он взглянул на нее с упреком, поспешив тут же скрыть свои чувства выражением искренней заинтересованности.

– Дело в том,– сказала Ильхам,– что отец бросил мою мать, когда я была еще в колыбели.

– Удрал?

Она звонко рассмеялась, а он поправился:

– Ну, то есть скрылся?

– Он известный юрист в Асьюте. Может, ты даже слышал о нем – профессор Амру Заид.

Напряжение спало, и он шутливо сказал:

– А я уж подумал, Сайед Сайед Рахими.

– А что, хотелось бы тебе оказаться моим дядей? – спросила она со смехом.

– Вот уж нет!

Ее смуглое лицо порозовело.

– Мама с самого начала настаивала на том, чтобы я осталась с ней. Отец легко согласился на это, поскольку оформлял свой второй брак, и они договорились об алиментах. Потом мама уехала со мной в дом моего дедушки в Каире, а после его смерти мы живем с ней одни.

Он слушал ее историю с подспудным чувством недоверия, которое, впрочем, он испытывал ко всем женщинам и особенно матерям. Но ведь, с другой стороны, у него нет никаких оснований не доверять Ильхам, которая никогда и не слышала о сутенерах, шантажистах, проходимцах. Мог бы ты рассказать свою жизнь в таких же деталях? На душе стало мрачно, словно тучей заволокло небо.

– Однажды мой дядя заявил, что я все-таки должна познакомиться с отцом. Мама возражала, говоря, что он недостойн этого и никогда сам не стремился повидать свою дочь. Так я и выросла, словно у меня нет отца. А дядя твердил, что, когда я повзрелею, без отца мне не обойтись.

– Свобода, достоинство и покой, – сказал он почти машинально.

Она пренебрежительно пожала плечами.

– Мама все-таки настояла на своем. Боялась, что отец задумает вернуть меня к себе. А я безоговорочно была на стороне матери. Мы сошлись на том, что работа важнее отца, и я осталась.

Да что ты говоришь, красавица! Разве работа может заменить свободу, достоинство и покой!

– Я была очень прилежной и закончила школу, победив по конкурсу, объявленному в газете. А потом поступила в коммерческий институт.

– А что отец? Ты хоть иногда о нем думаешь?

– Теперь его словно и не существует. Он сам такой выбор сделал.

– Потому что ты в нем не нуждаешься?

– Вовсе не поэтому. Я и в маме не нуждаюсь, но я люблю ее и не представляю себе жизни без нее.

Она не на краю пропасти, вроде тебя. Не жаждет свободы, достоинства и покоя. Ей не угрожает грязное прошлое, которое может обрушиться на тебя в любую минуту. Ее будущее предопределено.

– Я довольна своей работой и жизнью, хотя у меня и нет твоего богатства.

Сделала ему больно, сама того не сознавая. Но любовь к ней заглушила все другие чувства. Если бы не страх, признался бы ей во всем. Когда Ильхам ушла, им овладело тревожное чувство одиночества. В то же время возник соблазн испытать на ней свою животную натуру. Этот соблазн подсказан разумом, а не чувствами. Воображая себе такое, он представлял ее охваченную ужасом от подобного внезапного нападения, а вслед за тем видел себя брошенным и разбитым. Не только разум подсказывал ему такие картины, но укоренившееся в нем отношение к женщинам, его непоколебимое желание насмехаться над всем тем, что называют добропорядочностью.

Подобно тому, как грязь жизни прочно прилипла к нему, он, со своей стороны, агрессивно старался замарать добродетели, делая из своего прошлого некие основы, а не порочное исключение. Потому Ильхам, став светочем в его жизни, пробудила его страхи, его комплексы, сотрясла фундамент того мира, который он создал для себя. Она доверяла ему. А он по-настоящему забывает о своих страданиях только в пламени Керимы, пылающем во мраке ночи.

Он шагал по улицам, с удовольствием вдыхая прохладный ноябрьский воздух, и лишь к вечеру появился в гостинице «Каир». Дядюшка Халиль в высокой турецкой феске клевал носом в дремоте. Мухаммед Сави неподвижно сидел в плетеном кресле, положив руки на подлокотники. Сабир проторчал час в салоне, потом подошел к телефону и набрал номер Ильхам.

– Давай завтра встретимся в «Витр Куан».

– С удовольствием. Надеюсь, все в порядке?

– Да, конечно. Просто я не хочу упускать ни одной возможности повидаться с тобой.

Истинное утешение приходит к нему во мраке ночи, когда колеблющееся дыхание выводит мелодию лесных зарослей. Когда полное забытие царит над землей и в небесах. Плотный обед и расслабление, а не пьянящее волнение и муки одиночества, которые сопутствуют общению с Ильхам. Ни одной ночи не было пропущено с тех пор, как осторожный стук в дверь пробудил его от пьяного забытия. Ее власть над ним была неумолима, как само время. Пользуясь прошлым опытом, он пытался играть роль хозяина положения, но наступали мгновения, которые его предавали. Нет, ни одна женщина до этого не сумела так подчинить его себе, приковать такими прочными цепями. Она не давала ему ни единого объяснения, и он знал о ней лишь то, что ему казалось правдой. Ночь растворялась в объятиях, и она шептала:

– Нет для меня жизни без тебя.

Это было вроде воспоминаний о ночном клубе «Каннар», где море пело нескончаемую песню о тех ночах, которые были победами во всем. Он нежно и покровительственно потрепал ее по щеке, а сам в душе боролся с силами, которые тянули его в пучину рабства. Она – все. Любовь, надежды, которые побудили его бежать за утраченным отцом. А на следующую ночь он замечал в ней рассеянную сдержанность, почти покорность. Ни единого замечания, проявлений власти, упрямства. В таких случаях он страдал бессонницей, терзаясь сомнениями до самого рассвета. Когда становилось совсем тошно, он мысленно взывал к Ильхам, к ее непорочной душе. Говорил себе: если хочешь сделать меня своим пленником, да воцарится в мире покой. Ты – ад, если захватишь власть. А о трагедии деспотизма ты можешь рассказать десятки историй. Но и без нее жизнь пресна, рыхла, как

песок. Без нее – безумие и кровопролитие. А как она была проста на рыбацком берегу, хотя и не без некоторых шероховатостей, как у скрытого, еще не созревшего таланта. И вот в своих воспоминаниях об Анфуши ты снова и без всякого оправдания преследуешь ее. Истина исчезла, как волна в море. Она дает не только любовь, но и забытие от бесплодных поисков отца, от отчаяния. Он бежал и от тревоги, которую будила в его душе Ильхам. И все же Керима была ему дороже, чем Ильхам и даже отец.

Он сказал, заметив с беспокойством перемену в ней:

– Сегодня ты не такая, как обычно.

– Ты находишь, что я иногда меняюсь?

Хитрит или действительно растерялась? Забыла мелодию признания в буре безумства? Однажды и мать предстала перед тобой в неожиданном обличье. Когда один дружок возжаждал посетить ее в доме на улице Святого Даниила, она вышвырнула его за дверь прямо-таки зверски. Оставшись одна, ругалась, сыпала проклятьями, а потом закрыла глаза устало, повалилась без сил и залилась слезами.

Сабир повернулся к Кериме и сказал внешне безразлично:

– А я решил, что ты заболела.

Она ответила, как ему показалось, с вызовом:

– Я в прекрасной форме.

– Рад слышать это.

Она игриво потрепала его по щеке и тихо сказала:

– Разве не видишь, что ты для меня дороже самой жизни?

Ты имеешь дело не со словами. Ты попал в ситуацию, которая чревата неприятностями. И за это придется расплачиваться. Он сказал лукаво:

– И ты для меня тоже. И даже больше. Чем ближе отъезд, тем печальнее у меня на сердце.

– Почему ты заговорил об отъезде?

– Какой смысл молчать? Молчание его не отсрочит.

– А мы его будем оттягивать сколько можно. Много тут не придумаешь, но алчность – это единственное, что сохраняет свою силу над мужем.

– А кроме того, он – не решение проблемы.

– Но все же это своего рода инъекция в экстренном случае.

– Значит, мужа эта сторона дела волнует?

– Еще как! Ему не столько важны деньги, сколько как я их трачу.

– Ревнивый?

– Невероятно. Но между нами соглашение, которое я должна соблюдать, иначе все будет потеряно. А чем ты занимаешься? У тебя нет иного дела, кроме ожидания телефонного звонка?

– Если будет нужный звонок, все проблемы исчезнут.

– А мой отец был простым человеком.

– Ну, мой-то – другое дело.

– Как ты его потерял?

– Старая история. Как-нибудь в другой обстановке расскажу.

– А почему он не желает связаться с тобой? Ах, вот они, эти тягостные вопросы. Варианты их безграничны. А она продолжала допытываться:

– Скажи мне, в каком ты окажешься положении, если он не объявится?

– Представь себе положение человека без денег, без родных, без работы.

– А как ты раньше жил?

– Тысячами ворочал, а остались одни десятки.

– Чем ты занимался?

– Ничем.

– Почему бы тебе не подыскать работу?

– Любая работа ничего не стоит по сравнению с той, которую мог бы устроить отец.

- Не понимаю.
- Просто поверь мне.
- Займись торговлей.
- Капитала нет и опыта.
- Устройся на службу.
- Нет профессии, нет рекомендаций.– После паузы добавил: – Факт остается фактом: я ни на что не гожусь.
- Кроме любви, – сказала она, игриво перебирая волосы на его груди.

Он улыбнулся в темноте.

- Видишь, как жизнь нас мотает.
- Да, дело сложное. А муж мой – ненадежная опора. – До чего же он стар.
- Верно. Я бы сказала больше: он из тех стойких долгожителей, о которых говорят, что смерть про них забыла.
- Да, жизнь его в любом случае дольше, чем жизнь тех денег, что у меня остались.

- Послушай, он может что-то учуять. Нам больше не надо встречаться.

Он прижал ее руки к своей груди и сказал:

- В случае чего сбежим.
- Я готова, но что мы будем делать дальше?
- Боже мой, даже любовь не имеет ценности без помощи моего отца.
- Ты думай, а не мечтай.
- Ты хочешь сказать, что нам нужно подождать?
- Смерть.

– На пути к ней мы по опередим. Иногда мне кажется, что он меня похоронит. Он абсолютно ничем не болеет, а у меня и печень, и увеличенные миндалины. Кроме того, он очень подозрительный. Боюсь, что я больше не смогу приходить к тебе.

– Я тогда сойду с ума.

– Я тоже, а что толку?

– Ожидать – несерьезно, бежать – бесплодно, телефонный звонок остается мечтой.

– А что же делать?

– И правда, что делать?

– Мне кажется, остается только бежать.

– Никогда.

– Тогда – ждать.

– И не ждать.

– Ну а что? Что?

– Ох, раз уж мы такие нерешительные, лучше прекратить наши свидания.

Он зажал ей рот ладонью – Нет уж, лучше умереть.

– Смерть, – выдохнула она и, словно подсказывая, повторила: – Конечно, смерть.

Он внутренне содрогнулся от того, каким тоном она это сказала. Нервы напряглись до предела, сердце дало перебой. Воцарившееся молчание давило. Он спросил:

– Ну, что ты вдруг замолчала?

– Устала. Не задавай мне больше вопросов.

– Но мы ведь так ничего и не придумали.

– Я не вижу выхода.

– И все же он наверняка существует.

– Какой?

– Это я тебя спрашиваю.

– А я тебя.

– Я надеялся, что ты вот-вот скажешь что-то важное.

– Нет у меня никакого мнения на этот счет. Но есть мечта, вроде твоей об отце. Как можно скорее унаследовать эту гостиницу, деньги и все имущество. И никогда не расставаться с тобой.

– Ах-х...

– Наша с тобой общая беда – когда мы не способны действовать, то предаемся мечтам.

– Но ведь мечта иногда внезапно сбывается.

– Как?

– Ну, просто сбывается сама собой.

– Что-то голос твой слабоват. Сам себе не веришь?

– Да. Ну и что же?

– Ничего. Придет рассвет, а мы так ни до чего не додумались. Просто высказались.

Она оделась в темноте. Он следил за передвижением ее призрачной фигуры. Перед дверью обменялись быстрым поцелуем, и она ушла.

Когда он залез под одеяло, его охватило щемящее чувство уныния. Мрак цвета смерти. Мрак могилы, в которой покоится твоя мать. Когда судья зачитал приговор, она чуть не задушила его. А в тюрьме сказала: «Я знаю подонка, который заложил меня. Убью его». Когда-то ты была прекрасна и полна сил. Что же сделала с твоим здоровьем тюрьма! Мне не забыть твою любовь ко мне. Какое облегчение было бы признаться во всем Ильхам. Она воплощение честности, а ты ей выдаешь только цепочку лжи. Отец, ну почему ты так упорно скрываешься? И он отвечает: «Твоя мать думала, что убила меня. На самом деле это я убил ее». «Ага! Ты боишься, потому что ты убийца, но я узнаю, как разыскать тебя». А Ильхам ты изнасилуешь. Она будет, конечно, яростно сопротивляться. Будет кричать, не пытаясь прикрыться в своем разорванном платье: «Убью тебя!» Нет, это я убью тебя, чтобы скрыть свое преступление.

На рассвете раздался голос муэдзина. Значит, он ни минуты не спал, но помнил, что насиловал и убивал. Успокоил себя тем, что, наверное, сон все–

таки прокрался к нему в эту ночь, когда он и не подозревал. Возможно, и бессонница ему приснилась. Он снова проснулся в семь часов, открыл окно, увидел туман, ползущий по улицам. Небо затянуто тучами. Донесся голос нищего: «Таха, о венец моего прославления, прекрасноликий».

Сабир уже подходил к двери салона, когда увидел дядюшку Халиля. Тот спускался по лестнице, опираясь на руку Али Сурейкуса, на голове чалма. Сабир сел и издали посмотрел на него, на его жилистые, дрожащие руки, на черный платок – куфию, прикрывающий худую шею. Самое доброе дело, которое ты можешь сделать, немощный старик, – это умереть. Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь. Ты не можешь спать без снотворного и долгого массажа, который тебе делает Керима. Свое счастье ты строишь на ее бесплодном сострадании. Для меня теперь все решится так: либо появится мой отец, либо исчезнешь ты. Однажды он уже чуть не совершил убийство в клубе «Каннар». В проходе к туалету путь ему преградил морской офицер и сказал: «А ну, брысь с маяка, а не то...» Они сцепились в беспощадной драке, на Сабир сыпались удары, и он зверски бил в ответ. Остановился, лишь когда противник свалился без памяти. В тот момент он не думал о победе, а поддался безумному желанию прикончить поверженного. Подоспел официант, бросился на него с криком: «На виселицу захотел?!» На рассвете мать причитала: «Ой, беда! Я едва не потеряла тебя. Если какой-нибудь негодяй мешает тебе, скажи мне. Я могу отправить его в могилу». Она слов на ветер не бросала. Был случай, когда по приказу матери один из помощников убил ее соперницу и скрылся в Ливию. В Александрии говорили, что это дело рук Бусеймы Омран. Но где доказательства? А ты, дядюшка Халиль, очень мало изменишься после смерти.

– Я думаю, глупо продолжать печатать объявление, – обратился Сабир к Ихсану.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Тантави.

– Наверняка он видел объявление. А не он, так кто-то из его близких.

– И я так считаю.

– Значит, он не хочет откликнуться, – вмешалась Ильхам. – А может, живет далеко отсюда, даже в другой стране, – предположил Сабир.

Но Ильхам продолжала развивать свою мысль:

– Все зависит от него, и только время решит эту загадку. Он вернется к тебе, когда сам того захочет. Мы иногда такие вещи читаем о пропавших. Она не знает, что это Сабир нуждается в пропавшем отце, а не наоборот. Он нужен ему не только для обретения свободы, достоинства и покоя, но и для того, чтобы удержать Сабир от преступления. Ничего она не знает о преступлении, которое само ищет его, подстерегает из-за угла. Не знает о тупике, в котором он окажется, когда израсходует все свои деньги. Он часто задумывается, а не бросить ли всю эту затею, но не может окончательно поставить точку. А если он однажды решится прекратить поиски, тут же будет вынужден принять другой образ жизни.

– Давайте в последний раз напечатаем, – подвел итог своим размышлениям Сабир.

Потом ждал в «Витр Куан». Почти ни дня не проходило без встречи. Они стали приятной традицией для обоих. Верно, что во второй половине ночи он забывает обо всем, но едва забрезжит утро, как вся его страсть и пелен ость устремляются к Ильхам. В ее присутствии чувства возносят его к вершинам счастья и чистоты. Но и темная страсть к Кериме не исчезает совсем, только на какое-то время притаится. Его увлечение Ильхам не угасает, но и власть другой женщины неотвратима, как правосудие. Иногда гнет этой власти заставляет его ненавидеть ее, но и сбросить его он не желает. Порой все существо его тянулось к Ильхам с отчаянным призывом спасти его. Он старался уйти от назойливого вопроса: кого из них ты бы выбрал? Но вопрос этот беспокоит его, как скрытая хроническая болезнь. Ильхам – чистое небо, под сводом которого сияет вера. Керима – небо в тучах: вот-вот грянет гром

и запылают молнии, хлынет ливень. Но она же и любимое небо Александрии.

Он пил сок в «Витр Куан», а в голову вдруг врвался шум улицы Святого Даниила. Почему она отказывается признаться, что она – та девушка из переулка Кирши?

Мучительница, дьяволица. В его фантазии слились воедино гул морских волн и запах соленой йодистой воды, любовь к родному городу и ночные похождения, полные приключений и жестоких драк. А Керима – его подобие. В ее крови кипят первобытные инстинкты и необузданные страсти. Она не такая, как Ильхам, вершина, до которой никому не добраться. Он посмотрел в ее глаза, которые пристально изучали его, пока она усаживалась напротив него за столик. На вопрос Ильхам о том, как он проводит время, он ответил:

– Когда иссякнут все средства поиска, у меня больше не будет предлога оставаться в Каире. Опустила ресницы и спросила:

– А ты уже решил, когда уедешь?

– Мне трудно расстаться с Каиром. С очаровательной прямоотой она сказала:

– Я рада это слышать. Хорошо, если бы твое желание осуществилось.

– Я и сам непрерывно думаю об этом.

– А твои родные, твоя работа?

– У каждой проблемы есть решение. Мне кажется... он вдруг запнулся и после короткой паузы продолжил: Мне кажется, что я приехал в Каир не для поисков Сайеда Сайеда Рахими, а чтобы найти тебя. Мы иногда гонимся за какой-то целью, потом спотыкаемся обо что-то на дороге и вдруг обнаруживаем, что здесь-то и есть подлинная цель. Ее лицо зарделось, когда она ответила все с той же прямоотой:

– Что касается меня, то я обязана счастьем Сайеду Сайеду Рахими.

– Как ты прекрасна! Как прекрасна любовь! Да, да, это любовь с каждым днем все крепче привязывает меня к тебе. Она кроется за любым моим словом, обращенным к тебе, о чем бы мы ни говорили. Всего час назад это слово, «любовь», даже на языке не вертелось, но если бы не оно, не было бы оправдания и смысла любому слову, которое я говорил.

Ее губы что-то прошептали. Он спросил:

– Разве не так?

– Да... и больше того, – ответила она, набравшись храбрости.

Ему хотелось петь от радости, но он выразил свой восторг лишь легким пожатием ее руки. А через несколько часов Керима снова будет в его объятиях. Кольнуло беспокойство. Вдруг испугался этих счастливых голубых глаз. Сердце сжалось от дурных предчувствий. Ах, как часто он мечтал об обладании двумя женщинами сразу без страданий и угрызений совести. Но пока он с Ильхам, его терзают воспоминания о Кериме, а с Керимой его мучают мысли об Ильхам. Слияние их воедино означало бы покой, о котором он не осмеливался даже мечтать. Чтобы отвлечься от неразрешимой дилеммы, он спросил:

– Скажи, а ты раньше любила кого-нибудь?

Она не задумываясь ответила с улыбкой.

– Нет, не думаю. Детские экзальтированные увлечения. Где они? Ни следа от них не осталось. Да и то, что вспомнить влюбленность в знаменитого артиста, который уж и умер давно. Настоящей любви я еще не испытала. Хотя меня уже однажды сватали. Помолвка расстроилась, когда он потребовал, чтобы я бросила работу. Ну, бывает, кое-кто из моих коллег признается мне в любви в стиле последней газетной полосы. Все это, конечно, мило, но не более. Я тебе как-нибудь исповедуюсь, но при условии, что ты не уедешь. Или по крайней мере не будешь забывать Каир.

– Даже если на край света попаду – не забуду Каир.

– Это приятно слышать. Но какое это имеет отношение к любви?

– То, что я познал, должно называться не любовью, а как-то иначе.

– Ну что ж, перейдем к этому. Я неплохо разбираюсь в людях и вот что скажу: когда я смотрю на твое лицо, то у меня не возникает сомнений в том, что передо мной хороший человек.

Он подавил в себе удивление и серьезно спросил:

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю. Ты... ты... не могу дать определения, но меня убедило нечто, что излучают твои глаза, и это вызвало во мне доверительную симпатию. Впрочем, лучше ты говори...

Чистые глаза не видят. Неужели и вправду его лицо может показаться лицом праведника? Куда девались следы разгульной жизни, скотского разврата? Его мать с ее легендами, страшные ночные причуды? Должен, должен появиться отец, чтобы вызволить его из тупика, покончить с ложью.

– Не хочу себя хвалить,– сказал он,– но моя любовь – свидетельство тому, что я лучше, чем сам предполагал.

– Более того! Посмотри, как ты бьешься в поисках брата. Ну ты хоть знал его когда-нибудь?

– Нет.

– И несмотря на это, ты разыскиваешь его, будто он для тебя всю жизнь был самым близким человеком. Разве это не благородно?

Будь проклята ложь! Из-за нее все, что говорит Ильхам, теряет смысл.

– Ерунда. Просто меня попросили...

– Если бы! И для тебя это связано с материальными затратами, так что не отрицай собственного благородства.

Керима ему сродни. Тоже долго в грязи валялась. Они с ней издали поняли друг друга. В разгар страсти она сдерживает дыхание, чтобы шепнуть ему: «Когда же исчезнет помеха, которая угрожает нашей любви?» Осознанный страх охватывает его. Это напоминает внезапную пощечину. Закоулки мрака манят пролить чужую кровь. Но Ильхам не видит на его лице ни намека о замышляемом преступлении. Ей и в голову не приходит, что он убьет ради обладания другой женщиной. Что он уже чует запах пролитой крови. Что нет смысла дядюшке Халилю цепляться за жизнь конец его близок. Ты, Ильхам, не спасла меня от пропасти, влюбилась, не разглядев мою подлинную сущность. Я с ума сойду, если буду продолжать лгать тебе. И почему ты отворачиваешься от правды, хотя раньше не боялся драться насмерть, да и сейчас замышляешь убийство? Ну скажи ей: я бедняк, нищий. Рахими – мой отец, а вовсе не брат, и если он не признает меня, я не буду стоять и горсти праха, и все мое прошлое погрязло в разврате и позоре. О! Ты вскрикнешь от

ужаса, потухнет блеск в твоих глазах, которые излучают любовь. Вот тогда и покажется лик «праведника» в истинном свете. Ах, если бы мать воспитывала тебя соответствующим образом, был бы ты сейчас обыкновенным и всем довольным сутенером. Но она оберегала тебя от малейших трудностей жизни и тем обрекла на страдания, бросив на произвол судьбы, оставив в наследство лишь несбыточную надежду обрести опору в несуществующем отце.

– А моя мама, которой я о тебе рассказала, считает, что тебе следует подыскать работу в Каире, уговаривала Ильхам.

Мама? Он боится матерей. Например, его мать с одного взгляда видела, кто чего стоит, и даже привлекательная внешность не могла ее обмануть.

– Какая работа?

– Зависит от твоей подготовки, – ответила Ильхам с некоторым колебанием.

Передай ей, что лучше всего у тебя получаются пьянки, драки и любовь.

– У меня опыт только в управлении недвижимостью.

– Извини, пожалуйста, но я не знаю, какое у тебя образование.

Мелькнули в памяти национальные и иностранные школы, через, которые он прошел бегло, как праздный наблюдатель.

– Отец не дал мне возможности получить какую-либо профессию, потому что я ему был нужен, особенно после того, как он заболел.

– Подумай о торговле. У меня есть коллеги с опытом в разных отраслях.

– Хорошо. Я подумаю об этом. Но сначала посоветуюсь с отцом.

Прощаясь с ней, он сказал:

– Как жаль, что здесь нельзя тебя поцеловать.

Разум подсказывает ему оставить Ильхам в покое, но это выше его сил. Она для него как и отец: сулит надежду, но так же недостижима. Другое дело Керима – она живое продолжение его матери, в ее образе удовольствие сливается с преступлением. Вернусь в Александрию – стану сутенером у твоих противниц бывших. Совершу убийство, заберу добычу – Кериму и ее деньги. Добуду наконец из тьмы Рахими и женюсь на Ильхам. Ах... Зима в

Каире суровая, сюрпризов не сулит. Здесь небесная музыка не звучит. До чего же тесно на его улицах, в магазинах. Это рынок, где теснятся людские тела и автомобили. Многие женщины с одного взгляда замечают в тебе то, чего ищут, в то время как ты мечешься в напрасных поисках Рахими. А он, может быть, обыкновенный подлец просто посмеялся над твоей матерью, внушил ей, что он знатная персона. Среди прохожих, среди сотен чередующихся лиц то и дело он выделяет те, что похожи на фотографию отца. Может, отец боится его. Или умер уже. Зимой солнце быстро клонится к закату, и поднимаются волны тьмы. Однажды Сабир спросил Мухаммеда Сави, не знает ли тот какого-нибудь святого человека, который находит пропавших. Тот назвал ему шейха в районе Дарб аль-Ахмар, известного под женским именем Зухра. Когда Сабир разыскал жилище святого, то обнаружил, что оно опечатано. Ему сказали, что полиция арестовала святого по обвинению в шарлатанстве. С каких пор шарлатанство стало достаточным поводом для ареста, подумал он.

Когда он подходил к гостинице, ее вид вызвал в нем ощущение безликости и тюремной тоски. Уселся в салоне, где было оживленно, шумно, дымно от сигарет. Удивительно: темы разговоров здесь почти всегда одинаковы, хотя лица сменяются каждый день.

– Разве это не задворки мира? – волнуется один из постояльцев.

Следует бездумный ответ:

– Хуже некуда!

...Хохот стал громче и пробудил его от дремоты. Кто-то спросил:

– А вы, сударь, за Восток или за Запад?

Он ответил, сожалея, что втянут в этот не интересующий его разговор:

– Ни за то, ни за другое. И раздраженно добавил:

– Я за войну...

В ту ночь Керима не пришла в обычное время. Он ждал ее в темноте, а в голове разыгрывались пьяные фантазии. Томясь бездельем, он представлял себе картины, утоляющие страсть. Прошел целый час после полуночи, а она так и не появилась. Как неприятно пребывать в неведении относительно того, что творится там, наверху. Ведь Керима не пропустила ни одной ночи с того момента, когда впервые постучалась к нему в номер. Прошел еще изматывающий нервы час. Сабир был на грани отчаяния. Он понимал, что дольше ждать ее просто глупо, но продолжал смотреть в сторону двери, напряженно вслушиваясь. Отчаяние еще больше сгущало окружавший мрак. Бодрствовал до тех пор, пока не раздался голос муэдзина, возвестивший конец мучительного ожидания. Проснувшись часов в десять, он сам над собой посмеялся. Что ж, пусть плата будет тяжелой. Спустился в салон, съел легкий завтрак, потом издали наблюдал за дружеской болтовней Халиля с его помощником Сави. Наступит ли день, когда он войдет в этот салон и увидит место Халиля пустующим? Как спросить Кериму, почему она не пришла? Внезапно вспыхнула перебранка между двумя постояльцами. Из-за чего она началась, он не понял, но внимательно следил за их нервной жестикуляцией, за угрожающими жестами, дальше которых ругавшиеся не пошли. Какая невыносимая скука!

Во время обеда он прочел на лице Ильхам повышенное внимание к своей особе, что заметно усилило в нем искушение переложить на ее плечи часть своего бремени.

– Хочу признаться тебе,– сказал он,– что не вижу иного смысла своей жизни, кроме как во встречах с тобой.

Она пристально посмотрела на него и сказала:

– По правде говоря, я не перестаю думать о нас.

В душе он упрекал ее за то, что медлит, не торопится захватить его всецело, подчинить себе – ведь терпит несправедливое поражение перед неведомой ей деспотической соперницей. Сама будешь виновата в последствиях.

– Я счастлив слышать это. И тоже непрерывно думаю... – Выкладывай, что у тебя. Ответил, в душе кляня себя за вранье:

– Думаю о двух вещах: о работе и о браке.

– Убедился окончательно, что я права?

– Конечно. Но сначала я должен завершить как-то свою миссию, а потом поеду согласовывать с отцом.

До смерти ненавидел себя. Стереть бы всю эту ложь одним махом, и будь что будет. Никогда еще он так не страдал, ничто раньше не могло до такой степени выбить его из колеи.

– Пойдем вечером в кино? – за этим вопросом звучал крик о помощи.

В темноте кинотеатра он взял ее ладонь, поднес ее к губам и стал покрывать поцелуями, испытывая настоящее счастье. Вдохнул мимолетный аромат и подумал, что хоть на миг может забыть о своей животной страсти и преступном замысле. И прочь из головы все эти страдания, которые терзают его после полуночи.

– Разве это не очевидное угнетение? – спросила Ильхам шепотом.

Он совсем не следил за фильмом и ответил шутливо:

– Наше расставание, даже на один час, – еще худшее угнетение.

Попытался сосредоточиться на экране: какой-то мужчина явно несправедливо обижал молодую девушку, что следовало из их бурного диалога. Поскольку он не следил за сюжетом с самого начала, все движения и слова казались ему лишенными смысла. Так мы смотрим на фрагменты из жизни людей, не понимая мотивов их поступков, проходим мимо, не обращая внимания, а то и насмехаясь над тем, что достойно оплакивания. До чего смешно, должно быть, выглядят твои поиски отца через объявление в газете, всем на потеху. Придет ли сегодня ночью Керима в обычное время? Или до рассвета придется маяться? Он заметил, что Ильхам совершенно поглощена фильмом. Это вызвало в нем недовольство. Он перестал играть ее

ладонью и решил было убрать руку, но она вдруг сжала его пальцы, и он был ей благодарен за этот жест. Они вышли из кинотеатра в холодную ночь, под ясное, усыпанное звездами небо. Сабир проводил ее до остановки автобуса, потом зашел в лавку «Свобода» на улице Клот-бека, поел бастурмы, сардин, выпил полбутылки бренди. В полночь вернулся в свой номер и принялся ждать в темноте. Будущее не оставляло никакой надежды. Тишина снаружи становилась все более немой – ни звука.

Минуты проходили в мучениях и злости. Нет, никогда прежде не было такого унижения. Унижения голодной похоти. Унижения несостоятельных поисков. И страха перед унижением. Эта ночь, как и предыдущая, была сплошной проклятой бессонницей с головной болью. Решил днем не выходить из гостиницы. Увидел, как Керима спустилась и заняла свое место возле мужа точно так, как в первый раз. Мучительное желание разлилось по телу, она упорно избегала смотреть в его сторону. Не знает, до какой степени он обезумел, и потому не боится последствий. Когда она встала, чтобы подняться к себе в квартиру, их взгляды на миг встретились. Глянула на него предостерегающе и ушла. Что означало это предостережение? Судя по всему, отношение к ней старика не изменилось. Он уже в таком возрасте, что едва ли сумел бы не выдать себя. Сабир хотел догнать ее на втором этаже или на третьем, но передумал, услышав, как торопливо она поднимается, словно угадала его мысль и таким образом просигналила предостережение.

Дни проходят, деньги тают. История с отцом уже превратилась в нелепую легенду, в которую он и сам уже не верил. Но Керимы, этой роковой женщины, ему не избежать. Она – его жизнь и оставшаяся в этой жизни надежда.

Вечерами бродил он по Клот-беку, проводил время, выпивая и ожидая ее в темноте ночь за ночью. Он вернулся в полночь, и Мухаммед Сави сонно сообщил:

– Сегодня днем вас спрашивали по телефону.

Эти телефонные новости перестали его волновать. Если бы они не оправдали его скептицизма, если бы произошло чудо в этот момент отчаяния и страдания. Женский голос.

– По объявлению?

– Да нет, спросила, в номере ли вы. Я сказал, что вы еще не вернулись, и она положила трубку.

Ильхам? Из-за всех этих неудач последние два дня Сабир не встречался с ней. Когда он уже разделся и погасил свет, раздался легкий стук в дверь. Как сумасшедший он рванулся к двери, распахнул, крепко сжал ее руки и, несмотря на чувство счастливого облегчения, воскликнул с упреком:

– Ты!.. Повлек ее к постели, повторяя:

– Ты... И тебе не совестно?

– Ой, ты меня раздавишь, осторожнее.

– Как ты не пощадила мои нервы.

– Но ведь и мне не легче! Он хотел сорвать с нее халат, но она плотно его запахнула и стиснула руками.

– Нет. Оставаться рискованно. Я буквально на пару слов и ухожу.

– Ха! Сам дьявол не защитит тебя от меня!

– Ты пьян. Возьми себя в руки. Сейчас малейшая оплошность – и все рухнет.

Он посадил ее рядом с собой на край постели и спросил:

– Что случилось?

– Когда я вернулась от тебя в последний раз, он проснулся, чего с ним раньше не бывало, и стал расспрашивать, все ли время я была рядом. Я сумела увильнуть, но мне показалось, что Али Сурейкус что-то заподозрил. Я не уверена до конца, но все же перепугалась ужасно.

– Может, показалось?

– Может, да, а может нет. Но нам нельзя всем рисковать. Так потеряем и любовь, и надежду. Учти, одно слово – и он меня уничтожит, буду в вечной нищете прозябать. – Она вздохнула. – Вот я и воздержалась от визитов. И не смогла объяснить свое поведение. Думала-гадала, а сама терзалась – как ты там? Что ты подумал? Ты знаешь, он ведь не подписывал на мое имя всего имущества, пока не взял с меня обязательства быть ему верной. Говорил: ты мои руки, мои глаза, ты мне дочь и жена. Не оскверняй изменой оставшиеся мне дни.

– Ну и что?

– А то, что я должна категорически прекратить свидания. Это единственный выход.

– С ума сойти!

– Нет, это разумно.

– Значит, ждать? До каких пор ждать? Ответила с тяжким вздохом:

– Как ты понимаешь, ответа я не знаю.

– Когда деньги у меня кончатся, я буду вынужден уехать.

– Я могу тебе понемногу подбрасывать, чтобы удержать тебя в Каире как можно дольше.

– Это не отвлечет неизбежного.

– Я понимаю. Но где выход? Я мучаюсь не меньше тебя.

– О, нет, мне, помимо этих страданий, вообще грозит полный крах.

– А я и за себя, и за тебя страдаю. Неужели ты не понимаешь?

Он вдруг задумчиво произнес, словно спрашивая самого себя:

– Когда же он умрет?..

– Ты спрашиваешь, будто я ясновидящая.

– А кто же ты тогда?

– Я несчастная женщина. Куда более несчастная, чем ты можешь предположить.

– Может, смерть посмеется над нашими опасениями и он вдруг сам умрет?

– Это не исключено. Ведь он такой дряхлый. Не может же он до бесконечности жить.

– Можем, нынче ночью помрет, а может, через двадцать лет в возрасте своей сестрицы, которая два года назад Богу душу отдала.

– Проклятье!

– Ничего не поделаешь. Я должна уходить.

– И я увижу тебя только после его смерти?

– Повторяю: ничего не поделаешь.

– Ну, это как сказать. Они смолкли, в темноте прислушиваясь к шепоту тишины. Он вдруг сказал:

– Ты мне уже некоторое время делаешь намеки, напоминая об одном разговоре, свидетельницей которого была только ночная тьма. Давай поговорим начистоту о том, что... я убью его.

– Тебя тогда этот разговор смутил, – обеспокоенно сказала она. – Я его больше не затевала. Я ведь не бессердечная тварь. Единственная моя слабость в том, что я безумно люблю тебя. Нет, лучше ждать нам обоим.

– Пока он не умрет в возрасте своей сестры?

– Пусть Аллах распорядится, как ему угодно.

Он ощутил железную решимость, поднялся во мраке в порыве отчаяния, но тут же сел. Несмотря на прохладу, его бросило в жар.

– А что потом?

Она молчала. Темнота стала плотной, как удушливый дым.

– Ну? Не теряй времени. Что после убийства?

До него донеслось едва различимое бормотанье, словно она хотела что-то сказать, но в горле пересохло. Потом услышал ее глухой, будто из подземелья, голос:

– Переждем какое-то время. Зато в безопасности... Можем тайком встречаться где-нибудь. А потом – я буду твоей со всем своим богатством. Он стиснул кулаки и сказал:

– Отчаяние не дает нам иного выхода и времени для выбора.

– К сожалению.

– Но что я должен сделать?

Она ответила после паузы, которая показалась ему слишком краткой:

– Изучи здание, примыкающее к гостинице.

Ого! Так она все продумала. В этой прелестной головке готов план преступления. Все ей прощается, поскольку делается во имя любви.

– Квартиры арендуются там портными и торговцами на длительные сроки. Ночью они покидают здание. Войти в дом и выйти ничего не стоит.

– Это в том доме?

– Ну да. Крыша его впритык к нашей.

– То есть перейти легко?

– Да. Перейдешь на нашу крышу и подождешь его в квартире.

– Он, кажется, поднимается к себе между восемью и девятью вечера?

– Лучше сделать это в тот день, когда я уйду в гости к матери, что случается каждый месяц регулярно в одно и то же время.

– Просто не верится – всего только месяц прошел, как я здесь живу, – сказал Сабир с удивлением.

– После этого тебе не составит труда вернуться обратно.

– Мы то и дело слышим о подобных преступлениях, когда их раскрывают, – сказал он смущенно.

– Потому что мы узнаем только о раскрытых преступлениях, – ответила она холодно.

Да, она великолепна. Как твоя мать. А пожалуй, и похлеще.

– И это все?

– Нет. Нужно совершить кражу, чтобы навести полицию на ложный след, подсказать им мотив преступления.

– А что украсть?

– Это предоставь мне. И смотри не оставь улики. Ищейки идут по следам.

– Что ж... похоже, что это вполне надежное дело.

– Жизнь у нас одна. Если она сомнет тебя, мне тоже конец. И другого выхода для нас нет, как найти путь, чтобы покончить с этими страданиями, с этим безумием.

Он растерянно покачал головой.

– Безумие. Безумие... Ты веришь, что наш план осуществим и мы действительно начнем новую жизнь?

– Как следует изучи дом, – холодно ответила она.

У тебя на это считанные дни. И смотри, чтоб ни одна душа не увидела, как ты переходишь с крыши на крышу. В тебе достаточно смелости и дерзости, или я просто ничего не понимаю в людях.

Он задумался, а она добавила:

– Давай повторим с самого начала. Шаг за шагом, чтоб ничего не упустить.

10

Он мелкими глотками выпил молоко. Съел яйцо и яблоко. Хорошенько рассмотрел тех, кто сидел в салоне. Скоро он не будет принадлежать к этой породе людей. Когда наступит ночь, он примет чуждый ему кровавый облик, станет частью преступного мира. А вот и дядюшка Халиль Абу Наджа. Его последнее утро выдалось холодным. У него от старости трясутся руки, а он совсем не думает о смерти. Отпущенный тебе срок жизни пробьет в десять часов вечера. Ты этого и не подозреваешь, зато я знаю. Не забивай же себе голову сиюминутными проблемами, прими совет отчаявшегося брата. Быть может, я соучаствую в промысле Божьем, связанном с миром иным, с тех пор как согласился стать убийцей. Зазвенел телефон, и Сабир невольно засмеялся так громко, что сидевшие рядом повернулись к нему. Уж не сам ли

Сайед Сайед Рахими появился в решающий момент, чтобы изменить предначертание судьбы? Мухаммед Сави снял трубку: «Нет... нет, милостивый государь». Нет... нет... А я скажу; нет, господин Рахими. Вы отвергли сына, и сын вас отвергнет. Вы ему не нужны. Он у другого человека будет искать свободы, достоинства и покоя. Ага! Ты зеваешь, дядюшка Халиль. До каких пор будешь преодолевать вечный сон? Почему упорно продолжаешь участвовать в этих гонках навстречу неминуемой судьбе? Каков смысл того, что твоими деньгами будет пользоваться тот, кто отобрал у тебя жизнь? Каков смысл того, что твоя мать преждевременно умерла, что безжалостно хранит молчание твой отец, что все твои надежды возлагаются на смерть ни в чем не повинного человека? Объясни мне смысл всего этого. Минула неделя, в течение которой не было иных мыслей, кроме как о преступлении. До чего же другими были мечты, когда поезд отъезжал от вокзала Александрии. А эти мужчины? Неужели на совести ни одного из них нет какого-либо преступления? Болтовня о деньгах, о войне, об удаче – нет ей конца. Пророчества о преступлениях из сокровенных глубин потустороннего мира и полное неведение о преступлении, готовящемся у них под носом.

Около десяти часов утра Сабир покинул салон, поклонился Халилю и вышел, сказав про себя: все должны отметить, что я покинул гостиницу в десять и не возвращался до часу ночи. Кинул взгляд на вход в соседнее здание. Похоже на базар из-за толчеи входящих и выходящих людей. Крыша пустая, с улицы ее не видно. Темнота наступает с пяти вечера. Мелькнула мысль повидаться с Ильхам в редакции, но не хватило решимости для такого визита. Нет, не мог он разговаривать с ней, истекая кровавым потом. И что сказать ей, когда он навсегда уходит с ее пути? С чувством грусти он прошел мимо редакции. Представил себе место Ильхам в конторе, ее взгляд, привычный вопрос о Рахими, ее грациозные движения. Нет, не подняться ему до уровня ответственности, к которой обязывает ее любовь. Пришлось убивать время, гуляя по улицам. Пообедал в лавке «Свобода» на улице Клот-бек, выпил пару рюмок. Бакалейщик сказал:

– Погода скверная. Уходя, Сабир бросил ему:

– Я преступник. Потомственный. Мужчина засмеялся вдогонку.

Внезапно принял решение встретиться с Ильхам в «Витр Куан». Но там ее не оказалось. Ему сказали, что она сразу после обеда ушла. Он словно очнулся

от наваждения. Намерение повидаться с ней было явно безрассудным. Протянул время в кафе до пяти, потом пошел на улицу Фонтана. Остановился в сумраке аркады напротив здания, соседствующего с гостиницей. Еще раз обследовал его взглядом. Совсем рядом раздался вопль нищего с его славословиями, заставивший Сабира вздрогнуть от неожиданности. Привратник отвлекся – начал торговаться с продавцами салата. Воспользовавшись этим, он пересек улицу и вошел в дом. Протиснулся сквозь суету людей у входа, пошел вверх по такой же заполненной людьми шумной лестнице. Распахнутые двери апартаментов, заполненных работниками и заказчиками. Многие смотрели на него, не фиксируя в памяти его лицо. И он украдкой поглядывал на окружающих, чтобы убедиться в том, что среди них нет знакомых постояльцев гостиницы. Так он без проблем достиг крыши. На открытом пространстве мрак не казался таким плотным. Он увидел крышу, усеянную мусором, безлюдную. Несколько успокоился и внимательно осмотрелся. Соседнего дома не было видно – только продолжение крыши и мансарда. Вздрогнул, увидев Кериму. Она собирала высохшее белье. Ждет, конечно. Может, даже заметила его, когда он переходил улицу. Руки ее заняты, разжимают прищепки, а все мысли в жадно шарящем взгляде. Увидела его, когда он вошел на крышу, сделала знак приблизиться. Он подошел к легкой ограде, разделявшей крыши. Весь разум сосредоточился на отчаянной решимости, Сабир отбросил все сомнения и беспокойства. Она, стоя спиной к нему, спросила:

– Кто-нибудь из знакомых видел тебя?

– Нет.

– Али Сурейкус внизу. Я постою на лестничной площадке, пока ты переберешься сюда.

Она ушла, унося белье. Стена квартиры в мансарде словно поглотила ее. Он осторожно осмотрелся, потом легко перепрыгнул ограду и оказался на крыше гостиницы. Подошел и остановился у входа в квартиру. Из-за двери показалась голова Керимы.

– Дверь не заперта, – прошептала она. – Откроешь от себя и войдешь.

Он слегка нажал на дверь, и она отворилась. Глубоко вздохнул и шагнул в коридор, погруженный во мрак. Замер за дверью. Тотчас же появилась она. Заперла дверь и зажгла свет. Лицо ее казалось изможденным, глаза горели.

Ни следа обольстительной живости. Яростно и нервозно обнялись, без души, без чувства. Отпрянули, обменялись растерянным взглядом. Он сказал:

– Любая промашка нас погубит.

– Не раскисай,— сухо ответила она.— Все вокруг спокойно. Все идет, как задумали.

Она повела его осматривать небольшую квартиру. Из коридора одна дверь вела в просторную спальню, другая – из спальни в меньшую комнату – гостиную. Больше комнат не было, исключая служебные помещения. Он задержал взгляд на обстановке спальни. Почудилось, что кровать, шкаф и канапе имеют глаза и бесстрастно наблюдают за ним. Он чуть было не высказал своего впечатления, но постеснялся и только заметил:

– Унылая комната. Она ответила, приходя в себя от неожиданности вторжения в ее владения.

– Может быть. Главное, ты должен ждать здесь, в спальне. Тебе придется спрятаться под кроватью, как только услышишь, что он идет.

– Пол деревянный?

– Да. Покрыт ковром, как и во всех комнатах.

– Он, конечно, запрет внешнюю дверь?

– Разумеется. Когда меня нет, его обычно провожает до квартиры Сави. А дверь он запирает сам и ключ чаще всего оставляет в замке или кладет на столик. Ты просто отопрешь дверь и выйдешь.

– А вдруг кто-нибудь окажется на крыше?

– Никого не будет. Али Сурейкус спускается к себе на третий этаж после того, как хозяин укладывается спать.

– Спросят, как пробрался этот...

– Окна будут закрыты. Значит, он либо забыл запереть дверь после ухода Сави, либо открыл ее кому-то, кто постучал.

– Разве станет он открывать, не спросив, кто стучит?

– Ну, может, услышал знакомый голос.

– Тогда они сообразят, что ночной посетитель – кто-то из проживающих в гостинице.

Все тем же бесстрастным голосом Керима сказала:

– Вот и хорошо. Невинный не пострадает. Главное, чтобы спасся ты.– Она указала на полную сумку.– Кража уже совершена. Некоторые драгоценности и кое-какие деньги. Я вскрыла шкаф ножом и разбросала находящиеся там вещи. Ты перчатки прихватил?

– Да.

– Отлично. Вот тебе и железная дубинка. Она кивнула на предмет, лежавший на столе. Я принесла ее из Тукейси. Это ножка от старого родильного кресла. Только без перчаток не прикасайся. И еще: смотри не оброни чего-нибудь из личных вещей, когда будешь под кроватью.

Ему показалось, что лицо ее совсем поблекло в сравнении с лихорадочно горящими глазами.

– Мне пора. Они снова почти механически обнялись.

– Остайся еще немного.

– У нас больше нет времени. Ничего не забыла сказать?

– Держи себя в руках. Действуй обдуманно в любой мелочи и...

– Что и?..

Она посмотрела на него странным взглядом и пробормотала:

– Да ничего. Залезай под кровать.

В третий раз обнялись – он словно цеплялся за нее. Она вышла, громко позвала Али Сурейкуса. Он поспешно влез под кровать. Керима вернулась. Слуга вошел следом за ней. Она приказала ему запереть все окна и проверить щеколды. Подождала, пока он закончит дело, погасила свет, и оба вышли. Сабир выбрался из-под кровати и осторожно поднялся в кромешном мраке. Удушливый мрак потерянности и пустоты. Медленно натянул перчатки, пошарил руками, пока не нащупал стол. Крепко ухватил рукой дубинку, шагнул на прежнее место и присел на край кровати. Все исчезло вокруг. Он не ощущал ничего, кроме запаха духов и этого огромного,

всеобъемлющего молчания. Пути назад нет. Он не должен промахнуться. Победа одним ударом лучше страданий, терпения, напрасного ожидания и бесплодных поисков. Любовь Ильхам – прозрачное облако, но такая любовь труднее убийства. Донесли славословия нищего – он еще не укрылся в своей норе. Бесплезные призывы, вроде его объявления или изъятото богатства матери. Когда он обнимет Кериму, не сдерживая своей страсти и без опасений? Беда, если нервы сдадут в этой комнате. Нет, за тобой железная воля, сердце, устремленное к цели, как метеор, к своей адской цели.

Он услышал, как Али Сурейкус напевает:

Порою пьем мы мед, Порою ускус пьем...

И снова ничего, кроме мрака и тишины. Наконец услышал поворот ключа в двери. Упал на пол и стремительно заполз под кровать. Приближались шаги, открылась дверь комнаты, вспыхнул свет. Он сжался от волнения. Увидел три пары ног на полу. Голос дядюшки Халиля громко сказал:

– Ступай, Али! И не забудь вызвать водопроводчика. Одна пара ног исчезла. Халиль сел на край постели. Две ступни замерли перед глазами Сабира.

– Завтра встречусь с ним, и дольше я торговаться не намерен. Хватит.

– Вот и правильно.

– Низкий человек. Четыре раза смотрел смерти в глаза и ничему не научился.

– Да продлит Аллах ваши годы. Наступила пауза. Потом Мухаммед Сави спросил:

– Ну что, я оставляю вас? Старик ответил со вздохом:

– Нет, погоди. Что-то спину ломит. И голова болит. Сколько же он будет сидеть? А что, если всю ночь? Сабира бросило в дрожь от невыносимости ожидания. Старик начал молиться сидя. Отчетливо слышалось:

– Я принял поцелуй Твой. Смее ли просить Твоего прощения и Твоей милости, о Милостивейший, впусти меня в Твой рай... – Он произнес молитву до самого конца, потом сказал: – Помоги, Мухаммед, снять чалму и туфли.

Спустя мгновение добавил: – Достань мне бутылочку со снотворным из ящика.

О Господи! Где этот ящик? Если в шкафу, сразу раскроется обман с кражей. Сабир застыл в ожидании, словно перед взрывом снаряда, который приближается с пронзительным свистом. Но вот услышал, как старик пьет воду. Потом лег на постель.

– Я не смогу добраться до двери, Мухаммед. Запри ее снаружи, а утром откроешь. До свидания.

Сави пожелал спокойной ночи, выключил верхний свет, зажег ночник и вышел. Утром отопрет дверь и обнаружит труп хозяина. Каким образом проник убийца? Как ушел, совершив преступление? Ах, как трудно сосредоточиться! Окно. Окно на крышу. Как они представят себе убийство? Главное – выполнить, а не предсказывать, что подумают следователи. Стук сердца забивает мысли. Хоть и продумал все заранее, а в каждый миг происходит что-то непредвиденное. Заснет ли Халиль до того, как у него не выдержат нервы?

Послышался храп. Так храпела твоя мать в последнюю ночь. Фигура в саване, как высохшая ветвь. Небо плакало, и капли стекали по оконному стеклу на улице Святого Даниила. Сабир нахмурился, набираясь решимости, прогоняя прочь грустные воспоминания, и пополз. Вылез из-под кровати, осторожно поднялся, сжимая в руке дубинку. Халиль лежал, накрытый с головы до ног одеялом, и Сабир ощутил облегчение от того, что лица старика почти не видно. Это придавало смелости. Шагнул к кровати, подняв дубинку высоко на вытянутой руке. И вдруг старик сбросил с головы покрывало и повернул к нему лицо. Сабир вздрогнул и замер с воздетой кверху рукой. Халиль открыл глаза, и их взгляды встретились. Но во взгляде его нельзя было прочесть, узнал ли он покушавшегося, испытывает ли страх. От шока Сабир потерял рассудок. Со всей силы он обрушил удар на голову старика, покрытую таковой. Отступил в замешательстве – повторить ли удар? Старик издал неясный звук, тщетно попытался повторить его. Вздох... крик... храп... предсмертный хрип? Тело слегка вздыбилось под покрывалом, потом обмякло. Сабир поспешно отвел от него взгляд и посмотрел на окно. Даже в голову не пришло удостовериться, умер ли дядюшка Халиль. Подошел к окну и раскрыл его. Опершись руками, вылез наружу, прикрыл за собой створки. Остановился, сглотнул слюну. Тьфу ты, дубинка-то, наверно, в крови. На

соседней крыше ни души, как и предполагал. Который час, интересно? Он перелез через ограждение. Почему не отмыл дубинку в ванной? Выбросить ее здесь? Глупо. Зашвырнуть ее подальше за дом? Тоже глупо, бессмысленно. Снизу, с лестницы, послышались голоса. Третий этаж соседнего дома тонул во мраке. Из комнаты на втором этаже падал свет, отражаясь на перилах и на стене. Он обтер дубинку левой перчаткой, спустился по лестнице, миновал распахнутую дверь, не глядя по сторонам. Из квартиры вышли двое или трое мужчин и стали спускаться по лестнице вслед за ним. Он замедлил шаги, позволив обогнать себя, и последовал за ними к вестибюлю. Вышел из здания, словно он из их компании. Заметил привратника, сидевшего в своей каморке, и судорожно вздохнул. Узнал его кто-нибудь? Разглядел кто-нибудь дубинку, которую он прятал в руке? Не запачкал ли одежду кровью? Возле обочины стояло такси. Но Сабир не решился кинуться к нему из опасения быть увиденным из окон гостиницы. Двинулся в противоположную сторону, потом обходным путем стал пробираться к такси. Неожиданно увидел нищего. Он шел навстречу ему, нащупывая дорогу палкой. Пришлось остановиться в двух метрах от такси, ожидая, когда человек пройдет мимо. При свете фонаря он впервые как следует разглядел его. Зрелище показалось отвратительным до тошноты. Бесцветное, лишенное примечательных черт изможденное лицо, слипшаяся от грязи борода, выпирающие кости, запавшие щеки. На голове черная такия, надвинутая по самые брови, под ними слезящиеся в красных прожилках глаза. И откуда у этого уроды такой приятный голос, поющий хвалу пророку? Он задержал дыхание, чтобы его не обдало вонью, когда нищий проходил мимо, и не смог сдержать гримасы брезгливости при его приближении. Неужели кто-то может испытывать симпатию к этому нищему?

Усевшись в такси, Сабир попросил шофера отвезти его к Нилу на лодочную пристань. А вдруг его заметили, когда он выходил из здания? А если кто-нибудь видел перчатки и дубинку? Не станет ли этот шофер завтра свидетелем? Машина никак не заводится. Л шофер раздражает его дурацким философствованием.

– Верно я говорю?

– Ага.

– Вместо того, чтобы злиться, говорю себе: терпение, друг. Терпение – благо.

Лучше молчания только злость. На берегу Нила темно. Кто увидит здесь дубинку, перчатки, кровь? Грести на лодке в этот час и в это время года, наверное, выглядит странно, а впрочем, кому-то это покажется вполне нормальным.

Теперь бы избавиться от дубинки и перчаток и отмыть от крови руки.

Он тщательно вымыл руки в тяжелых волнах, набегавших на берег. Одна только мысль об отдыхе вызывала желание спать. Он предоставил лодке плыть по течению. Наплевать на все, что осталось там, на берегу. Какое странное удовольствие закрыть глаза и отдаться на волю волн. Избавиться от мыслей и памяти. Однако встречу взглядов при свете ночника забыть не удастся. И этот звук из нутра его. Что там текло из глаз нищего – слезы или кровь? Теперь наплевать, даже если уже началась погоня. Но куда тебя несет течение?

Небо вдруг обрушилось на землю. Он вздрогнул от страха, и лодка сильно накренилась. В следующее мгновение сообразил – гудок буксира грубо взорвал окружающую тишину. Лодка запрыгала на волнах. Он схватил весла и принялся сильно грести обратно, в сторону причала. В бездонном небесном колодце только тьма и почти космический холод. Вспомнил, что уже зима, и тут же озноб пробежал по телу. Потом он шел по Гезире быстрым размашистым шагом, пытаясь согреться. Пересек Нил по мосту. Возле светофора стоял роскошный лимузин в ожидании зеленого сигнала. Сидевший на заднем сиденье мужчина сразу же приковал внимание Сабира. Пожилой, в дорогом, элегантном костюме. Но его лицо! Неужели возможно, что... Путь открылся, автомобиль мягко тронулся с места. – Сайед Рахими!! – закричал во весь голос Сабир. Ринулся вслед за машиной, но разрыв между ними неотвратимо увеличивался, пока лимузин не скрылся с глаз. Даже номера не успел заметить. Остановился, тяжело дыша. Это был Рахими! Тот, что на фотографии, но тридцать лет спустя. Ах, если бы он шел быстрее, успел бы уцепиться за багажник. Впрочем, что толку горевать? В его положении это даже смешно. Как верить собственным глазам и чувствам, если он даже пронизывающего до костей холода не ощутил на Ниле? Да и что теперь ему Рахими после того, что случилось? Сейчас единственная надежда на Кериму. Наверное, не спит, думает о нем. Они теперь связаны навеки. И все же как хочется встретиться с Ильхам и признаться ей во всем. Часы на площади

пробили полночь. Пора возвращаться в гостиницу, хотя сама мысль о возвращении была нестерпимой. Проходя мимо знакомого здания, почувствовал дрожь, уже который раз за вечер. Вспомнил уродливый облик нищего. Интересно, где он ночует? В холле Сабир увидел Мухаммеда Сави на месте дядюшки Халиля. Вдруг вспомнил, что весь день не ел и не пил, не мешало бы взбодриться рюмкой коньяку. Но от этой мысли пришлось отказаться, чтобы не разрушить алиби.

– По лицу видно, что устали, – сочувственно сказал Сави.

– Продрог, весь день на ногах. Старик улыбнулся.

– Опять вам звонила.

– Кто?

– Вам лучше знать.

Ильхам! Неуловимая, как Рахими.

– До чего же устаешь от вашего города!

– От жизни тоже устаешь, – флегматично заметил Сави.

– Ну, а что нового?

Он понял, что вопрос относится к Рахими. Ответил на ходу, прощаясь жестом:

– Завтра буду искать его на кладбище.

В шесть утра он поднялся с постели. Сомкнул ли он глаза в эту ночь? Помнит только бессонницу. Хотя – минуточку! Что-то приснилось. Вроде была какая-то потасовка между ним и Керимой в присутствии дядюшки Халиля, который не обращал внимания на происходящее. Значит, все-таки он немного поспал. Холодно. Но будь мужчиной до конца, иначе какой смысл в этих позерских заявлениях, что ты преступник из преступного рода.

Включил лампу и сразу же увидел перчатку с правой руки. В замешательстве и страхе уставился на нее. Значит, выбросил дубинку с левой перчаткой, а об этой забыл. Вернулся с ней на берег, шел по Гезире, бежал за большим лимузином, переходил улицы, размахивал ею перед Сави, когда разговаривал с ним. Сабир смотрел на нее с растущим беспокойством: на ее коричневой поверхности, прямо посередине, виднелось пятно крови. Что оно тут делает? Какие еще следы оставил он за собой? Неужели провалится хорошо продуманное дело? Надо все-все проверить. Осмотреть кровать, одеяло, простыню самым тщательным образом. Но это не успокаивало. Он тревожно осматривался, а глаза ничего не видели. Зато от глаз полицейских ищеек ничего не скроешь. Решил избавиться от перчатки. Прихватил ее вместе с полотенцем и мылом и пошел в туалет. В карман пижамы сунул маленькие ножницы. Начал резать улику на кусочки и каждый из них отдельно смывал в унитаз. Один клочок обронил на пол. Подобрал и продолжил работу. Потом умыл лицо и вышел. В коридоре увидел Али Сурейкуса. Тот приветствовал его:

– Доброе утро, господин Сабир. Раненько вы сегодня встали.

Проклятье! Каким ветром тебя занесло сюда? Постоялец в 13-м номере встал необычно рано. Это единственное, что было необычным, господин офицер. Проклятье. Скверное начало, ничего не скажешь. А вытер ли он пол там, где валялся обрывок перчатки? Черт его побери, он уже в туалет прошел. «Когда я вошел туда после него, увидел пятно, похожее на кровь, возле унитаза», скажет он следователю. Сабир стоял, не сводя глаз с двери в туалет. Наконец она открылась, и Али Сурейкус вышел. Увидев Сабира, спросил:

– Что-нибудь угодно, господин Сабир?

Сабир, ничего не ответив, бросился в туалет. Осмотрел как следует пол и вернулся в комнату. Заметив, что слуга не ушел, сказал, как бы оправдываясь:

– Мыло забыл.

– Оно у вас в левой руке было,– улыбнулся Али. Вот беда! Он вымученно засмеялся и сказал:

– Вот что значит вставать спозаранок, не выспавшись. На рассвете меня разбудил какой-то шум, а потом заснуть не удалось.

Плохо, плохо начался день. Хотя преувеличивать опасность не стоит. Одеваясь, он досконально просматривал вещи. Вспомнил старого Халиля на постели, и его пробрал озноб. Попытался себя успокоить: убийства совершаются каждый день и часто безнаказанно. Уехать в Александрию? Сама мысль об этом – безумие. Одевшись, он еще раз осмотрелся – кажется, не упустил ничего. Вроде все в порядке с костюмом, а спокойствия нет. Эти псы в швах разыщут то, чего и в голову не придет. А не надеть ли другой костюм? Сдать этот в паровую чистку. Но во что его завернуть, чтобы не привлекать внимания? Не станет ли костюм объектом расследования сегодня после полудня? Стало совсем не по себе, тем более что ему хотелось бежать из гостиницы до того, как начнется расследование. Решил, что это важнее самого костюма. Бросил последний взгляд на комнату и тихо сказал:

– Не предай меня.

Вышел. Дядюшка Мухаммед Сави уже склонился в утренней молитве. Он уселся в салоне вместе с редкими постояльцами. Съел легкий завтрак. Пока ел, появился Али Сурейкус и торопливо протянул ему что-то.

– Вы это забыли, господин Сабир. Бумажник! Выпал, пока он осматривал пиджак.

– Очень тебе признателен, Али,– сказал он, давая ему десять пиастров.

– Нашел его возле ножки кровати,– пояснил слуга. Вскрываются ошибка за ошибкой. А сколько еще нераскрытых? Слепая сила раздевает тебя по частям. Она же тебя и выбросит голым, в чем мать родила. И ведь, по сути дела, твоя мать и есть подлинный убийца дядюшки Халиля. А звук, который

он издал после смертельного удара, был похож на хрип его матери в последнюю ночь. И так же исчез, растворился в ночи.

Сабир заметил среди постояльцев мужчину, который улыбнулся, едва их взгляды встретились, и вдруг сообразил, что губы выдают его, они предательски шевелились, вторя его мыслям. Еще одна оплошность. Он больше не мог выносить вида опостылевшего салона и вышел на улицу, где тут же наткнулся на нищего.

Таха, краса моих славословий...

Припомнил его мерзкую внешность с отвращением и подумал, стараясь не глядеть в его сторону: «Кто знает? Может, он счастлив, живя восхвалениями пророка?» Мухаммед Сави, должно быть, сейчас поднимается на крышу, отпирает дверь квартиры, стучится в спальню. Дядюшка Халиль! Вы проснулись? Вставайте, дядюшка Халиль! Уже восьмой час. Тут он осторожно приоткрыл дверь, заглядывает украдкой... дядюшка Халиль... Боже милостивый... о Господи, спаси нас... Али... Али... дядюшку Халиля убили... спасите... полиция. Когда-то исчезла моя мать, и мой отец ее не нашел. Исчез мой отец, и я не нашел его. Пусть же и это счастливое исчезновение станет моей судьбой. Если минует беда, пусть Керима придет в твои объятия, а с ней и все, что сделает жизнь счастливой и спокойной. Он шел без цели, куда вели его улицы и переулки. Когда ходьба утомляла, он присаживался в кафе, чтобы дать отдых ногам. Ничего не замечая вокруг. Один раз поднял голову и увидел над зданием Верховного Суда огромный зонт тучи. Он очнулся и подумал: это дыхание Александрии. Сердце сдавила грусть, и больше не было глаз, которые не видели, и ушей, которые не слышали. Безумно захотелось встретиться с Ильхам. Когда перевалило за полдень, он пошел в «Витр Куан». Ему казалось, словно он впервые попал сюда, но в тот же миг, как он увидел девушку, внезапно нахлынуло желание во всем признаться ей. В ее голубых глазах мелькнуло удивление.

– Не знаю, зачем я здороваюсь с тобой, когда ты меня избегаешь,– сказала она, справившись с минутным замешательством.

– Вот и сейчас молчишь, не ищешь оправданий,– добавила она, вглядываясь в его лицо.

– Дела замучили. Устал ужасно.

– И даже не позвонил.

– Да, и не звонил. Отложим этот разговор. Дай сначала насмотреться на тебя, я так соскучился.

Обедали молча. Она то и дело поглядывала на него. А у него в голове вертелось: «Таха, краса моих славословий, ясноликий...» Подумал – до чего сильна была его решимость встретиться с ней, а сама встреча – не более чем временное прибежище среди бури. Она улыбается, хотя пожимает руку, обгавленную кровью. От грусти перед вечной разлукой наворачиваются слезы.

– Да, у тебя действительно утомленный вид.

– Вчера я видел его,– вяло произнес он. В ее глазах вспыхнул интерес.

– Твоего брата?

– Сайеда Сайеда Рахими. Значит, ты достиг своей цели?

Он рассказал ей, как все произошло, почти с досадой.

– Вполне возможно, что это он и был,– сказала с надеждой Ильхам.

– Но вполне возможно, что и не он.

– Когда же мы сможем считать этот вопрос закрытым? – с мольбой в голосе спросила она.

– Да я его таковым и считаю.

– Ты в самом деле так устал?

– Все последние дни непрерывные встречи, сложные переговоры.

– С людьми от твоего отца?

– Да.

Ильхам попробовала сменить минорную тональность встречи и с лукавой улыбкой спросила:

– И даже не нашел времени подумать обо мне?

– Что ты! Я непрерывно думаю о тебе.

– И к чему привели тебя эти раздумья?

Когда же ты признаешься во всем и освободишь себя от лжи?

– Ты не высказываешь своего мнения, а ведь в последний раз мы говорили о новой работе в Каире, – допытывалась Ильхам.

– Ну как же! Ни на минуту не забывал, – откликнулся Сабир, хотя в голове была только мысль признаться ей во всем.

– Несмотря на твою занятость?

– Я изучаю этот вопрос со всех точек зрения. Рухнул последний бастион сопротивления. Он вдруг сказал:

– Ильхам, я люблю тебя. Люблю всем сердцем. Но я тебе лгал.

Она посмотрела на него с недоумением. – Когда и в чем ты мне солгал?

– Я лгал только потому, что надеялся спасти любовь.

– Ничего не понимаю.

– Я сказал тебе, что ищу брата, а на самом деле разыскиваю отца.

– Отца!

– Ну да.

– А как ты его потерял? Та же история, что и у меня?

– Нет. Все предыдущие годы я верил тому, что он умер. И только на смертном одре мать призналась, что он жив и я должен его найти.

– Ничего страшного я в этом не вижу. Стоит ли терзаться из-за такого пустякового обмана.

– Но дело в том, что я не богач, за которого себя выдавал. Все, что у меня есть, это несколько фунтов. Мать была очень богатой, и жил я как знатный человек. А потом не осталось ни миллима. От нее мне достались только брачное свидетельство и фотография отца, чтобы я мог подтвердить наше родство. Кроме этого я ни на что не гожусь.

Ее ясные глаза потемнели. А как бы она реагировала, если бы он признался, чем занималась его мать и откуда их доходы.

- Я вижу, ты расстроена.
 - Нет. Хотя, надо признаться, ты меня огорошил.
 - Я недостойн тебя. И не прощу себе, что обманывал тебя.
 - Я хорошо понимаю, почему ты не сказал мне сразу всей правды.
 - Хуже всего то, что ты увлеклась непорядочным человеком.
 - И твоя любовь – тоже обман?
 - Нет, ни в коем случае! Я всем сердцем люблю тебя. Она вздохнула.
 - Значит, любовь заставила тебя сознаться во лжи?
 - Конечно, так.
 - И ты от всей души раскаиваешься?
 - Но именно поэтому я должен покинуть тебя.
 - Но почему же, Господи? – выдохнула она.
 - Банкрот, безродный, без профессии.
 - Отсутствие денег не так уж важно, это временно. Ты не нужен родне, ну что ж, и мы в них не нуждаемся. Но я верю в то, что ты на многое способен.
 - Сомневаюсь. Нет диплома, нет образования, опыта работы. Поэтому единственная надежда на отца.
 - И отец тебе все это заменит?
 - Мать объяснила мне, что он знатная персона, занимает видное положение в обществе.
- Она неуверенно сказала:
- Но объявление, фамилия, телефонный справочник...
 - Да. Я теперь не верю, что он вельможа. Такие люди известны. В Каире его нет. Это, правда, не означает, что он не может быть известной личностью в той или иной провинции.
 - Но ведь ты вчера его видел?

– Так мне показалось. Но я больше ничему не верю.

– И сколько ты еще намерен ждать?

– Я больше не хочу терять время ни на поиски, ни на ожидание.

– И что потом?

– Не знаю. Все пути для меня перекрыты. Но мне следует вернуться в свой город. Буду искать любую работу или покончу с собой.

– И еще утверждаешь, что любишь меня, – сказала Ильхам, кусая губы, чтобы не расплакаться.

– Да. Всем сердцем.

– А сам думаешь об отъезде или самоубийстве.

– Я чувствую, что зашел в тупик.

– Но ты же любишь меня. И я тебя люблю.

– Ни на что я не гожусь. Зачем я тебе такой? – с трагической обреченностью проговорил Сабир.

– Не отчаивайся, наберись терпения. Я тебя не оставлю. – Мечтал найти отца и тебя необдуманно увлек своими иллюзиями.

– Работа! Вот что решит нашу проблему. – Но я же говорил, что ничего не умею.

– Дай мне время подумать, и все будет в порядке. А преступление, которое я совершил? Нет, уже не в нашей власти повернуть события вспять. Слишком поздно. Признание погубит все. Но и вечно носить маску невозможно.

– Нет, не получится так, как нам хочется.

– Дай мне денек-другой, – решительно сказала Ильхам. – И не принимай никаких решений до нашей следующей встречи. Я знаю, чего хочу.

Ну скажи ей, кем была твоя мать. Скажи, что ты вчера натворил. Скажи, что ты кровью обручен с другой. Признайся, что тебе хочется заорать так, чтобы земля задрожала.

А вот и полицейские, окруженные толпой зевак. Как и представлял себе в течение всего дня. И так, старик умерщвлен, преступление обнаружено, идут поиски убийцы. Пути к бегству отрезаны. Уйми эту дрожь, держи себя в руках, хоть умри. Пусть навсегда забудется невидящий взгляд старика. Забудь о том звуке, который он издал, умирая. Возвращение в гостиницу тяжело и страшно, как признание в содеянном. Даже план, который уже выполнен, снова мысленно обсуждается, словно еще не приведен в исполнение. Надо было съехать из гостиницы за неделю до преступления. Сам черт тебя надоумил. Да что уж теперь? Иллюзии могут только с ума свести. Кто бы поверил? В разгар этого ужаса голос нищего продолжает свои славословия. Он протиснулся сквозь толпу зевак. Дорогу преградил полицейский. Сабир удивленно спросил:

– Что произошло? Я постоялец этой гостиницы. На пороге появился Мухаммед Сави. Лицо его было бледно, на нем застыло выражение страха. Указав на Сабир, он чуть слышно произнес:

– Пусть войдет.

– Что случилось, дядя Мухаммед? – взволнованно спросил Сабир.

– Дядюшку Халиля убили, – ответил тот со слезами в голосе.

– Убили?!

– Нашли его в постели убитым, будь прокляты злодеи. В вестибюле Сабир увидел полицейских и репортеров. На месте Халиля сидел следователь, а справа от него, на обычном месте Керимы, еще один мужчина. Следователь корпел над какими-то бумагами, целую стопку которых он держал в руках. По другую сторону стола застыл один из постояльцев. Тот, что сидел на месте Халиля, чем-то напомнил Сабире отца на фотографии. Внезапный интерес к

этому человеку почти отвлек его от беспокойства, которое его не покидало. Но тут же обнаружил, что мужчина довольно молодой, а когда присмотрелся, понял, насколько безосновательной была его фантазия – никакого сходства с отцом. Остаться здесь или пройти в свой номер? После короткого колебания направился к себе, но его остановил тот, что сидел на стуле Керимы:

– Подождите, пожалуйста, в салоне.

Он прошел в правый угол зала, где сидела группа постояльцев. Подсев к ним, спросил:

– Что произошло?

– Нашли дядюшку Халиля убитым.

– Как это случилось?

– Кто знает? Пришли следователи, задержали нас всех для допроса. Провели осмотр и полный обыск.

Послышались сдавленные рыдания. Он посмотрел в левый угол и увидел Кериму. Она сидела между старухой лет семидесяти и еще более дряхлым мужчиной. Как это он ее не заметил, когда входил? Как себя вести с ней? После некоторого колебания он подошел и тихо произнес:

– Крепитесь. У вас еще вся жизнь впереди.

Она не ответила. Сидела, закрыв лицо ладонями. Он вернулся на свое место, грустно качая головой. Правильный ли ход он сделал? Не похожа ли эта старуха на мать той девочки из Анфуши? Что там в головах у следователей? Не спрашивали ли они о постояльце из тринадцатого номера? Не начали ли проявлять к нему особый интерес? Разбираются ли они в преступниках так, как он разбирается в ночных девицах? До смерти ненавидит их всех. Он обернулся к сидящим рядом.

– Ну и что потом?

– Вы-то ждете всего ничего, а мы тут с утра сидим.

– А других постояльцев уже опросили?

– Да, и отпустили их. А наш черед еще не наступил. Допросили его жену, ее мать и дядю.

– Но ее же не было в гостинице, насколько я знаю. Тут же упрекнул себя за поспешность. Человек ответил:

– Хотя бы и так. Тут начались всякие сюрпризы. В шестом номере обнаружили массу наркотиков. Арестовали постояльца. А в третьем номере скрывался профессиональный вор.

– О! Может, это он...

– Возможно. Все зависит от мотивов убийства.

– Грабеж, ясное дело.

И снова раскаялся в своей несдержанности. Лучше помалкивать. Но как узнать, нашли они улики – прямые или косвенные – в комнате Халиля или в его номере? Выглядит так, что никому до него нет дела. Хоть бы переброситься парой слов с Керимой. У нее-то есть что ему сообщить. Вышло совсем не так, как он себе все представлял. Проклятье! Когда наконец заткнется этот кошмарный нищий? «Обычно каждый месяц в это время я отправляюсь в гости к маме. Украдены деньги и драгоценности. Али Сурейкус при мне закрыл окна. Потом я сама заперла квартиру. Нет... ни о каких врагах не знаю». Почему этот человек напомнил мне фотографию отца? Сидящий рядом сказал:

– Но мы-то ведь невиновны. Пусть преступники волнуются.

– А я вам скажу, тут не так выразишься, не то скажешь – неприятностей не оберешься.

– Ну уж, невиновного на виселицу не отправят.

– О-хо-хо...

Но, может, как раз виновный и спасется. Твоя мать и человек, сбежавший в Ливию. Возвращение в гостиницу – чистейшее безумие. Нужно было действовать по другому плану. На пути к объекту всех твоих помыслов – Кериме – встали преградами судьба и правосудие. Твоя нужда в отце не исчезла, но опасность сделала ее еще более экстренной.

Вызвали следующего. Наконец и Сабир очутился на стуле перед следователем. Ненавидя его всеми фибрами души, он преисполнился решимости победить его.

– Сабир Сайед Сайед Рахими,– протянул он удостоверение личности, которое следователь внимательно изучил.– Я примерно месяц проживаю в этой гостинице, можете убедиться в этом по журналу регистрации.

Нет, ничем не похож он на отца, хотя с первого взгляда мелькнуло что-то общее.

– Проснулся как обычно. Оделся, спустился в салон, позавтракал и ушел.

– Ну, не совсем как обычно. Проснулись вы очень рано.

– Я не встаю по утрам в какое-то определенное время. Не раз просыпался и спозаранок.

Слуга утверждает, что сегодня вы встали необычно рано.

– Значит, он меня не видел, когда я поднимался рано в другие дни.

– Ничего необычного не слышали ночью?

– Нет. Вернувшись в гостиницу, сразу же лег спать и проснулся только утром.

– Ничего не привлекло вашего внимания после того, как проснулись?

– Нет.

– А когда вы увидели слугу Али Сурейкуса?

– Когда вышел из туалета.

– Ничего в нем странного не заметили?

– Нет, он был таким, как всегда.

– Ну а с вами не произошло ничего достойного упоминания?

– Нет.

– А разве бумажник свой не забыли?

– Ах, да, было такое. Мне его Али Сурейкус принес в салон.

– Как вы реагировали на это?

- Как? Доволен был, конечно.
 - А еще что?
 - Ничего.
 - Вас не удивила его честность?
 - Может быть, точно не могу сказать. Возможно, и в голову не пришло.
 - Очень естественно как раз подумать об этом.
 - Возможно, я немного и удивился.
 - Немного?
 - Ну да. Обычное удивление.
 - До какой степени, по-вашему, честен слуга?
 - Ничего дурного за ним не замечал.
 - Где вы находились с тех пор, как покинули гостиницу и вплоть до возвращения?
 - Просто гулял по городу.
 - Без работы – это ясно из удостоверения. Но и без друзей?
 - Здесь у меня нет друзей.
 - А в какое время вы покинули гостиницу?
 - Часов в десять утра.
 - А вернулись?
 - В полночь.
 - Не днем, как сегодня?
 - Нет.
 - Раньше так бывало?
- Зачем же ты, вопреки плану, изменил привычное поведение?
- Разок-другой.

- Здесь никто этого не припоминает.
 - Зато я помню.
 - Раз или два раза?
 - Скорее пару раз.
 - И как вы обычно проводите день?
 - Гуляю. Я в Каире впервые, поэтому любая часть города обладает для меня прелестью новизны.
 - И что вы обнаружили по возвращении?
 - Вот тут я увидел Мухаммеда Сави. А Али Сурейкус стоял возле моего номера.
 - И что он?
 - Спросил, не нужно ли мне чего-нибудь, и ушел.
 - Никого из постояльцев не встретили?
 - Нет.
 - Вчера где вы провели время между десятью часами утра и полночью?
 - До обеда бродил по улицам.
 - Где обедали?
 - В бакалейном заведении «Свобода» на Клот-беке.
 - Несколько странное место для человека из высокопоставленных кругов.
- Стараясь скрыть переполнявшую его ненависть к этому человеку, Сабир ответил:
- Я его нашел по приезде в город, когда не знал, куда податься. Потом привык к нему.
 - Что потом?
 - Прошелся по набережной.
 - В такую-то погоду? Сабир усмехнулся.

– Я александриец.

– Потом?

«Витр Куан»... Нет. Иначе притянут Ильхам. Фильм, который шел в «Метро», я смотрел еще в Александрии.

– Сходил в кино.

– Когда?

– На шестичасовой сеанс.

– Что за фильм?

– «Над облаками».

– А после девяти?

– Как обычно, гулял. Чтобы убить время, проехал на автобусе до конечной остановки в Гелиополисе.

Убить! Зачем такое страшное слово выбрал?

– А где поужинали? Ага! Осторожно.

– В кинотеатре «Метро» съел сэндвичи, сладости.

– Ни с кем не встречались?

– Нет.

– Никого не знаете в Каире?

После мгновенного колебания поправился:

– Я связался с начальником отдела объявлений в газете «Сфинкс» по личному делу. Но это не та связь, которую можно считать знакомством в общепринятом смысле.

Ошибка? Не потянется ли нить к Ильхам?

– Почему вы переехали из Александрии в Каир?

– Туристическая прогулка.

– И все-таки, согласитесь, эта гостиница не подходит для богатого туриста.

– Подходит с точки зрения экономии денег.

– Выходит, вы стеснены в средствах?

– Конечно.

– И никакой иной цели для этой поездки, кроме туристической?

Круг сужается. Здесь уже изворачиваться не стоит. О таких вопросах ты не подумал, когда разрабатывал планы.

– Личные дела, связанные с отцом.

– Нельзя ли поподробнее об этом?

– Семейное дело.

– Расскажите, какой вы располагаете собственностью.

– Только наличными деньгами.

– Никакой недвижимости, земли?

– Только деньги.

– Ваше местожительство в Александрии – то, что указано в удостоверении, или изменилось?

Да... Расследование. Святой Даниил. «Каннар». Бусейма Омран. Загонят тебя в угол вопросами о наследстве.

– То, что указано.

– В каком банке ваши деньги?

– В банке?

– Ну да. В каком банке вы держите вклады?

– Ни в каком.

– Где же вы их храните?

– В... в кармане.

– В кармане? Не боитесь, что украдут? Со скрытой злостью, продиктованной отчаянием, он процедил:

- Их немного осталось.
- Но в вашем документе указано, что вы человек с достатком, владелец частной собственности.
- Было так, то есть до того, как я обанкротился.
- И что вы предприняли, чтобы обеспечить себе будущее? Нельзя долго тянуть с ответом. Брошу вызов правдой. Или вопреки истине?
- Я разыскиваю отца. В этом мое будущее.
- Ищете отца?
- Да. Мы расстались, когда я был еще в колыбели. Поэтому семейная история не настолько важна, чтобы о ней тут упоминать. А когда я обанкротился, не нашел иного выхода, как искать его.
- Есть какая-нибудь идея относительно места его пребывания?
- Нет. Я рассчитывал на объявление в газете.
- Так, может быть, это и есть подлинная причина вашего переезда в Каир?
- Может быть...
- И на сколько же вам хватит ваших денег?
- Максимум на месяц.
- Разрешите? – Следователь протянул руку. Сабир вручил ему бумажник, густо покраснев. Потом мрачно принял его обратно.
- Ну, а когда кончатся деньги?
- Я уже начал подыскивать работу.
- А какая у вас специальность?
- Никакой.
- Так о какой работе может идти речь?
- Что-нибудь по торговой части.
- Вы полагаете, работу найти легко!

- У меня друзья в Александрии. Трудностей с этим вопросом не будет.
 - Вы не задолжали за проживание в гостинице?
 - Нет. Я заплатил за неделю вперед.
 - А как вы вообще нашли эту гостиницу?
 - Случайно. Просто искал недорогую.
 - Ни с кем не были здесь знакомы?
 - Нет.
 - Но, несомненно, познакомились со многими?
 - Мухаммед Сави, Али Сурейкус...
 - И дядюшка Халиль. Я имею в виду покойного Халиля Абу Наджа.
 - Разумеется.
 - Что вы можете о нем сказать?
 - Очень старый и очень добрый.
 - Верно. И все же нашелся такой, кто безжалостно убил его.
 - Это очень печально.
 - Вы знали, где он жил?
- Проклятье! Врать нельзя.
- В мансарде, я полагаю.
 - Но не уверены?
 - Нет.
 - А откуда это предположение?
 - Али Сурейкус, кажется, упомянул.
 - Возможно, вы сами его спросили об этом?
 - Может быть.

– А почему спросили?

– Не помню сейчас точно. Но между нами обычное дело поболтать, когда он заходит в номер, чтобы обслужить.

– Другие вопросы вы ему задавали? Сердце дало сбой, когда отвечал:

– Возможно. Я не помню всех своих вопросов. Ничего не значащая болтовня всегда была по утрам.

Он чувствовал, что его подталкивают в ловушку, из которой трудно будет выпутаться. Но следователь неожиданно спросил:

– Вам нечего больше заявить, чтобы помочь следствию?

– Нечего.

Вы можете нам еще понадобится потом. Так что не выезжайте, не предупредив нас.

– К вашим услугам, эфенди. Непродуманным был план. Рассчитанный на дураков. А попытка удрать вообще безумие: неусыпное око будет следить за каждым твоим шагом. Надо проанализировать все вопросы и ответы, чтобы понять истинное положение вещей.

А положение твое безысходное, как смерть. Скоро следствие сомкнет кольцо вокруг тебя. Скоро окажешься в центре внимания многих глаз. И не успеешь понять, что происходит вокруг тебя. Как и дядюшка Халиль перед тем, как ты обрушил на него удар. Остерегайся любого неосмотрительного шага. Гостиница ведет себя лучше, чем ты, Здесь опять тишина. Запах смерти прогнал многих постояльцев. Но вселяются другие. А в салоне холодно, как в

могиле. В газетах сегодня ничего нового. Вот ты уже и газеты читаешь, как прочие люди. Они снова возвращаются к разговорам о хлопке, валюте, войне. А снаружи ветер завывает. И нищий раздражающе повышает голос с настойчивостью, свойственной всем нищим.

Звук знакомых шагов, приближающихся снаружи. Мухаммед Сави поднялся, встречая Кериму. Сабир внутренне содрогнулся. Керима с матерью сели перед стариком. Пришла передать управление гостиницей? Встретятся ли их взгляды сейчас или спустя мгновения? Пришла она, и твоя мятущаяся душа немного успокоилась. Когда перестанут все взоры обращаться на нас? Она, наверное, сумеет каким-нибудь способом передать послание. Она в трауре, который делает ее еще более соблазнительной. Она о чем-то говорит со стариком, в их разговор вмешался Мухаммед Сави:

– Не знаю, когда разрешено будет войти в квартиру.

Узнать бы, где она живет теперь. Но следить за ней было бы сумасшествием. И как же ты забыл спросить адрес ее мамы, когда разрабатывали вместе план. Возможно, она сама позвонит тебе. Должна же вспомнить о твоей отчаянной нужде в деньгах.

– Телефон, господин Сабир!

Ох, что еще нужно этому телефону? Или Рахими усовершенствовал свои шуточки? Взял левой рукой трубку, а правую протянул к Кериме со словами:

– Госпожа, еще раз выражаю свое соболезнование. Она благодарно слегка пожала ему руку, не поднимая на него глаз. Он встал спиной к Сави и в течение всего разговора смотрел на нее.

– Это Ильхам.

Ну, почему не Рахими? И почему именно эта гостиница?

– Здравствуй.

– Как поживаешь?

– Хорошо.

– Почему ты вчера не пришел?

– Прости, неважно себя чувствовал.

– Отложим выяснения. Но сегодня ты придешь?

– Нет, не сегодня. Когда пройдет простуда.

– Больше не буду тебя беспокоить. Ты знаешь место и время. Пока.

– До свидания.

Линия отключилась, но он продолжал держать трубку, будто разговор продолжался. А сам смотрел на Кериму, пока не поймал ее взгляд. Тогда сказал:

– Ты должна обязательно связаться со мной. Хотя бы по телефону.

Она отвела взгляд. Но ему показалось, что она поняла его игру. Снова заговорил:

– Мне надо многое узнать. Я думаю, ты вполне осознаешь, в каком я положении. Мы должны каким-то образом объясниться. И не забывай, что мои деньги быстро тают.

Она бросила на него предостерегающий взгляд.

– Я хорошо понимаю все трудности. Но у тебя нет недостатка в уме и смекалке.

С бьющимся сердцем Сабир вернулся на свое место. Все-таки некоторое удовлетворение получил. Керима тут же ушла в сопровождении матери. Им вдруг овладело смутное предчувствие, что она ушла из его жизни навсегда. Без нее преступление теряло смысл и цель. Он продолжал оставаться в салоне в надежде, что она позвонит. Время тянулось мучительно медленно. Ее уход вселил в него чувство безнадежности. Салон опустел. Он заметил, что Мухаммед Сави смотрит на него. Обменялись вежливыми кивками.

– Что вас тут держит, когда все разошлись? – спросил Сави.

– Простуда. Принял аспирин. Как получше станет, пойду.

Говоря это, он прошел и сел на стул, где до этого сидела Керима. Хм... а следовательно где сидел?

– Ох, до чего же разочаровал меня этот телефонный звонок.

– Да... Пропал и унес тайну с собой, – сочувственно сказал Сави.

Сабир посмотрел на старика взглядом, выражавшим сострадание.

– А какому суровому испытанию подверглись вы!

Старик поморщился.

– Не дай вам Бог такое увидеть.

– Да уж, наверно, жуткое зрелище. Я ни разу не видел покойника. Даже на тело матери не смог взглянуть, читая первую суру Корана.

– С другой стороны, умершая – одно, а убитый – совсем другое.

– Конечно. Убийство, кровь, жестокость...

– Жестокость достойна вечного проклятья.

– А я вот спрашиваю себя: ну что может оправдать убийство?

– Действительно, что?

– И убийца – какой это человек?

– Это просто не укладывается в голове! Однажды я видел убийцу – парнишку-бакалейщика. Всегда считал его кротким как голубок.

– Вы были потрясены, наверно.

– Но как избежать подобных случаев?

– И вправду – как избежать? Надеюсь, мы скоро услышим о его аресте.

Старик печально посмотрел на Сабир и сказал:

– Его уже арестовали.

– Кого?

– Убийцу.

– Убийца найден? Но я ничего не слышал и не читал об этом.

Старик молча покачал головой с видом знающего человека.

– И кто же он?

– Али Сурейкус.

- Этот дурак?
- Как и тот бакалейщик.
- То-то я не видел его сегодня и вчера вечером.
- Да смилостивится над нами Аллах.
- А вдова покойного знает об этом?
- Конечно.
- Поистине человек – загадка.
- У него обнаружили деньги.
- Может, это его деньги?
- Да нет, он сам признался в краже. У полиции есть верные методы.
- И в убийстве признался?
- Не знаю.
- Но вы же сказали – поймали убийцу.
- Это Керима сказала.
- Значит, ограбление – мотив убийства.
- Очевидно, так.
- Мог бы украсть, не убивая.
- Видимо, хозяин проснулся, и преступник вынужден был убить его.
- Он ведь отличался добротой, граничащей с глупостью.
- Да. Но, как вы уже говорили, человек – загадка.
- Более чем загадка.
- А вам известно, что тот нищий, что ежечасно восхваляет пророка, в юности был большим распутником? – спросил Мухаммед Сави.
- Этот человек?!

– Потом потерял все – и положение, и деньги, и зрение. Начал попрошайничать.

– Послушайте, но Али Сурейкус нашел мой кошелек с деньгами в утро убийства и вернул его мне.

– Может, он хитрее, чем мы думаем.

Неужели так легко случаются чудеса? Или все это – лишь плод фантазий, не основанных ни на чем.

– После убийства не разумнее ли для него было сбежать?

– Сбежать – значит признать вину.

– А как он спрятал краденое в своей каморке?

– Может быть, у него дома нашли.

– Перетаскивать краденое домой не менее глупо.

– На все воля Аллаха.

– Когда я встретил его утром, до раскрытия убийства, он выглядел таким спокойным, дружелюбным – как обычно.

– Он из тех убийц, которые потом еще и на похороны убитого придут.

Спокойнее. Следи, чтобы руки не дрожали от волнения. Телефонный звонок может все тебе прояснить. Старик продолжил разговор:

– Меня первого допрашивали.

– Вас?

– Конечно. Я ведь был последним, кто видел хозяина ночью, и первым, кто вошел к нему утром.

– Но кто бы мог подумать.

– Меня просто засыпали вопросами. Я собственноручно запер дверь, и окна были закрыты. Правда, одно окно было только прикрыто, а не на щеколде.

– Может, забыли.

– Супруга его подтвердила, что все окна заперты были.

- Значит, Али Сурейкус взломал окно?
- Это невозможно. Шум разбудил бы постояльцев, не говоря уж о покойном.
- Может быть, Али постучался, и хозяин сам открыл дверь.
- Зачем же тогда открывать окно? Кроме того, следствие установило, что хозяин был убит в постели.

Проницательный взгляд Сави и наступившая тишина, словно в могиле.

- Возможно, Али удалось спрятаться внутри, – предположил Сабир.
- Это исключено. Я запираю дверь после того, как он покинул квартиру.
- Может, он... Обрывок фразы замер, придавленный страхом. Чуть было не сболтнул, что, мол, Али только сделал вид, что запирает окно. А ведь он ни от кого не мог узнать, что именно Али запирает окна.
- Что «может, он»? – переспросил старик.
- Может, открыл дверь другим ключом.
- Возможно. Но зачем окно открывать?
- Вероятно, его забыли запереть.
- Бог его знает.
- Да, для вас это большая беда. Вы славный, хороший человек.
- Сам удивляюсь, почему они меня оставили в покое. Но они свое дело знают.
- А газеты что-то замолчали вдруг. В сегодняшнем выпуске ни слова о преступлении.
- Да будет Аллах милостив к тебе, дядюшка Халиль. Шестьдесят лет я знал его.
- А ему сколько лет было?
- Да уж за восемьдесят.
- Когда же он женился?
- Десять лет тому назад.

– Странный брак, не правда ли?

– Первый раз он женился, когда был молодым. У него и дети появились. А потом вся семья умерла, и он долго оставался вдовцом. Но на все воля Аллаха, он испытывал к Кериме прежде всего отцовские чувства.

– Это вполне понятно.

– Хозяин был человеком серьезным и деловым. А по отношению ко мне проявил себя благодетелем – помог мне вырастить детей, упокой Аллах его душу.

– А как он женился на ней?

– Поехал по делам в Александрию...

– Так она из Александрии? – перебил Сабир.

– Нет. Во время таких поездок он по пути останавливался на несколько дней у своего друга, живущего в Танте. Она была тогда замужем...

– Замужем?

– За сыном своей тетки. Парень оказался подонком, вымогателем. Хозяин познакомился с ними в доме друга... Ох, что-то я слишком язык распустил.

– Как же он женился на ней?

– Сразу же, как она развелась.

– И она пошла за человека, которому больше семидесяти лет!

– А почему бы и нет? Он обеспечил ей достоинство и благополучие.

– И покой, – добавил Сабир, вспомнив последние слова матери. – Но вымогатель не откажется от красивой жены. Почему же он пошел на расторжение брака?

– Всею своя цена. – Старик часто заморгал, словно раскаиваясь в своей болтливости.

– Что было, то прошло, – сказал Сабир.

– Да. Но я слишком много наговорил. Что-то часто стал нести Бог весть что с тех пор, как увидел его кровь, сохрани, великий Боже.

Воспитанница шантажиста, плебейская прислуга, жена дряхлого старика, организатор страшного преступления, источник безумного наслаждения, твоя постоянная мучительница. Беспочвенная надежда привела тебя в ее кровавый отель, а потом бросила в когти этой убийственной ситуации. Подобие той надежды, которая заставила тебя бежать как сумасшедшего за автомобилем.

14

Двойной кофе, чтобы прогнать сонливость. Сабир не отрываясь смотрел на телефон сквозь поднимающиеся облака сигаретного дыма. Когда же позвонит Керима? В течение нескольких минут хлестал проливной дождь. Потом небо прояснилось, но улицу залило грязным потоком. Керима безмолвствует, как смерть, словно и не знает о его страданиях. А ты напиваешься дрянным вином, до рассвета маешься на постели от бессонницы. Мечтаешь о всякой всячине, и тебе мерещится, будто постояльцы слышат твои призывы. Если будешь плохо выглядеть, это не ускользнет от внимания сыщика. А Кериме на все наплевать.

Он попросил посадить его за свой обычный стол. Салон был полон постояльцами, но из прежних едва ли один остался – поразъехались сразу после убийства. Место освободилось. Заранее становилось тошно при мысли об идиотской болтовне соседей по столу, но от этого было не уйти. Один мужчина обратился к нему:

– Арестовали убийцу. Сабир улыбнулся, пытаясь скрыть раздражение.

– Я уже слышал.

– Али Сурейкус?

– Да.

Человек запахнул потуже абаю и сказал:

– Просто грабеж. Вовсе не то, что я думал.

– А чего вы ожидали?

– Честно говоря, я невысокого мнения о женщинах. Сабир посмотрел на него с удивлением. Мужчина пояснил:

– Молодая красивая жена. Унаследует немалое состояние.

– У меня тоже мелькнула такая мысль, – сказал Сабир, стараясь не выдать волнение.

Человек засмеялся:

– Некоторые мысли грешны.

А не пришло ли то же самое в голову следователю? Но Керима хранит гробовое молчание. Да и телефон молчит как на грех. А на улице – холод, дождь, грязь. Не смолкает голос нищего. Мухаммед Сави окликнул Сабира, показывая на телефон. С мольбой в душе Сабир бросился к телефону.

– Алло!

– Сабир?

Могло ли ему прийти в голову, что ее голос вызовет у него такое разочарование?

– Ильхам... Как поживаешь?

– Я тебе помешала?

– Нет-нет, что ты! Просто мне нездоровится. Но сегодня я буду ждать тебя.

Порвать с ней сразу не хватает духу. Куда легче было бы, если бы инициатива в этом исходила от нее. Он обязан уберечь ее от всей этой грязи, даже если придется резать по-живому. Она ведь даже не подозревает о том, что творится у него в голове. Лишь укоризненно улыбается, и в ее взгляде чистота, не омраченная никаким грехом. Как же угораздило его влюбиться в нее так глубоко и искренне!

Он крепко сжал ее руку в своей ладони.

– Не чувствуешь себя виноватым? – спросила она. У него слова застряли в горле. Сняв перчатки, она села за стол и спросила с тревогой:

– Здорово тебя прохватило?

– Проклятый грипп.

– Кто-нибудь за тобой присматривает?

– Нет.

– Доктора вызывал?

– Нет. Да я уже выздоровел. Так, чуть-чуть осталось.

– Ну что ж, рада слышать. Больше сока пей. Пока ели, она подолгу не отрывала взгляда от его лица.

– А я подумывала, не навестить ли тебя.

– Слава Богу, что ты не сделала этого. Она пожала плечами, но ничего не сказала. Потом вдруг радостно объявила:

– А вот я ни минуты зря не теряла! Сейчас он услышит слова, которые еще вчера показались бы ему прекрасной музыкой, но много ли проку от музыки тому, кто уже оглох?

– Ты ангел.

– Не веришь? Ну так знай! Ты начнешь новую жизнь. Мы начнем новую жизнь. Как ты на это смотришь?

Чтобы не обидеть ее, Сабир сделал вид, что взволнован.

– Я думаю, что ты – ангел, – сказал он, – а я всего лишь ничтожный червь.

– Деньги, которые тебе нужны, к твоим услугам.

– Деньги?!

– Да. Это то, что я скопила на будущее. Плюс некоторые мои побрякушки, которые я и так не ношу. Не ахти что, но хватит. Я уже советовалась со знающими людьми и могу тебя заверить, что начнем мы на надежной основе.

Боже мой! Это не просто прекрасная музыка. Это чудо! Мечтал ли ты о таком? Капитал без кражи, без преступления. А с ним – подлинная любовь. Верни жизнь дядюшке Халилю. Очнись от кошмара.

– Ильхам, – пробормотал он еле слышно, – каждый раз, когда ты одариваешь меня своим благородством, во мне растет убеждение, что я тебе не пара.

– Хватит! Для поэзии времени нет.

Она счастлива и полна энтузиазма. Погасить этот огонь было бы твоим вторым преступлением. Но ведь она тянет руку, чтобы сорвать несуществующий плод. Да и тебе в голову не приходило, что так легко можно решить твою проблему. Только что теперь от того, что существует на свете любовь, свобода, человеческое достоинство? Почему же это чудо не свершилось прежде, чем ты совершил свое преступление?

– О чем задумался? Я надеялась, что ты обрадуешься. И даже очень.

Остается лишь поставить ее перед фактом, чтобы избавить от иллюзий.

– Говорю же, недостойн я твоею благородства, – сказал он, тяжело вздыхая. – Почему ты мне не веришь?

– Я думала, ты обрадуешься.

– Поздно.

– Боже мой, ты не любишь меня?

– Ильхам... дело обстоит гораздо сложнее. Я влюбился в тебя с первого взгляда. Но кто я такой?

– Только не говори мне, пожалуйста, об отце, о бедности, о том, что ты никудышный...

Ты терзаешь меня, разрывая мое сердце на части. Единственный способ исцелить тебя – это рассказать тебе всю правду.

– Может, ты еще болен? Вроде бы ты рядом со мной, а мне хочется спросить: где Сабир?

– Не спрашивай меня ни о чем, а иначе тебе придется расстроиться.

– Если ты еще болен...

– Нет. Болезнь тут ни при чем.

– Так в чем же дело? Почему ты говоришь – поздно?

– Я так сказал?

– Да только что!

– Я имел в виду лишь то, что я тебе не пара.

– А я эту чушь отвергаю. Ты знаешь, что я люблю тебя.

– В этом и состоит мое преступление. К сожалению, когда мы любим, уже не думаем ни о чем, кроме любви.

– В чем же тут преступление?

– А в том, что я должен был представиться тебе таким, какой я есть на самом деле.

– Ты это сделал, и я это приняла.

– Я рассказал тебе об отце, но...

Он на секунду замялся и с горечью закончил:

– Но не рассказал о матери. Она посмотрела на него с укоризной.

– Я ведь люблю тебя, и твое прошлое к этому не имеет отношения.

– Ты должна меня выслушать.

– Ради Бога, не надо о матери, да будет ей земля пухом.

– Вся Александрия знает то, о чем я тебе сейчас расскажу.

– Давай зачеркнем Александрию на нашей карте.

– Моя мать закончила свои дни в тюрьме, – сказал он с горечью.

Ильхам посмотрела на него так, словно решила, что он тронулся умом.

– Поняла? – спросил он, проглатывая слюну. – Власти конфисковали ее имущество и деньги. В этом секрет моей бедности после стольких лет

обеспеченной жизни. Она не оставила мне ничего, кроме этой химеры с отцом. И я погиб в поисках этой химеры.

Ты нанес ей жестокий удар. Твое сердце разрывается от сострадания, и остается лишь надеяться, что она выдержит все это.

– Я не имел права влюбляться в женщину не своего круга. Мой удел женщины того сорта, с которыми общалась моя мать. Мне следовало избегать тебя. Но, как я тебе уже говорил, меня околдовала любовь.

Она не может ничего сказать в ответ, и это уже хорошо. Иначе пришлось бы признаться ей в самом страшном.

– Это единственное, что утешает меня, когда я теряю шанс, который ты мне предоставила. В прошлом я жил одними лишь развлечениями – благодаря ее незаконным деньгам. Мне оставалось сделать лишь один шаг до того, чтобы стать сутенером. Возможно, это единственное дело, на которое я гожусь.

Ну вот, самое сложное я преодолел. Вроде бы стало легче. О, если бы не было той проклятой ночи! Может быть, следовательно теперь знает все подробности этой постыдной истории из моего прошлого.

Сабир поднялся, склонил голову, прощаясь, и вышел.

Вечером следующего дня его позвали к телефону. Он с трудом подавил раздражение, вновь услышав ее голос.

– Здравствуй, Ильхам.

Она сказала дрожащим голосом:

– Сабир... я хотела... хочу... хочу сказать, что все, что ты мне сказал вчера, для меня не имеет значения.

Ильхам... сплошная мука. А вот с Керимой преступление связало тебя до самой смерти неразрывными узами. Ты тянешься к ней, как голодный к еде, хотя это увлекает тебя в самую бездну ада. А время тянется медленно, заставляя страдать. Если ничего не происходит, душа обретает нечто вроде покоя. Конечно же, ты в конце концов найдешь способ связаться с Керимой. Лучшее, что вы с ней можете сделать в будущем, это продать гостиницу, а потом обосноваться в каком-нибудь незнакомом городке и жить там непритязательно, просто, подчиняясь порывам страсти. Керима не похожа на Ильхам, которая терзает твою душу, когда говорит о возможности перемен в твоей жизни. Когда же Керима собирается связаться с ним? Что делать, когда будут истрачены последние деньги? Ты, похоже, даже готов взять на себя работу Али Сурейкуса и держаться до тех пор, пока теплится надежда вновь встретиться с Керимой. Интересно, повесят ли этого несчастного? Она уже убила человека твоими руками, не беда, если убьет еще одного руками другого. Но когда же ты просудишься от этого кошмара?

Утром, перед его уходом из гостиницы, позвонила Ильхам.

– Ты будешь возобновлять объявление?

– Нет, – буркнул он раздраженно.

Она нерешительно сказала:

– Я попросила одного влиятельного человека выяснить незарегистрированный номер телефона Рахими, если у него таковой имеется.

– Ну и, конечно же, он ничего не нашел?

– Нет, к сожалению.

– Выбрось это из головы.

– У нас есть корреспонденты в провинциях. Они уже всерьез занялись розыском.

– У меня не хватает слов, чтобы отблагодарить тебя.

– А ты не собираешься заглянуть к нам? – робко спросила она.

– Нет, – отрезал он. – Я прежде всего исхожу из твоих интересов.

– Скажи мне, ты плачешь или сдерживаешь слезы?

– Это не важно.

– Зато для меня это очень важно.

Связь оборвалась. Ильхам невольно причинила ему боль, и он вновь почувствовал глухое раздражение. Чего стоит красота в этом кровавом мире? Л ведь она хочет видеть только эту проклятую красоту! Собираясь уходить, он заметил, что дядюшка Мухаммед Сави смотрит на него с улыбкой. Он нерешительно улыбнулся в ответ, старик кивком головы предложил ему сесть. Со скрытой признательностью Сабир принял приглашение.

– Не торопитесь? – спросил старик.

– Никогда. Мне и выходить-то незачем.

– Ну, тогда посидим немного, – обрадовался Сави. – Мне, честно говоря, так одиноко стало после смерти хозяина. Не с кем и поговорить.

– А ваши дети?

– Ни одного из них нет в Каире.

– Да поможет вам Аллах.

В холле осталось только двое мужчин. А на улице голоса рабочих, грохот тачек заглушали пение нищего.

– Никаких свежих новостей об убийстве?

– Есть у меня знакомый сыщик. Он может кое-что узнать из того, что пока скрыто от всех. – И что он говорит?

– Али Сурейкус. Никого другого не нашли.

– Видно, признался.

– Не знаю.

– Надо же, соблазнился ничтожной кражей.

- Он отрицает кражу.
- Но ведь он раньше уже признался в ней?
- Было дело. А потом отказался.
- Но деньги-то нашли у него.
- Сказал, что это супруга покойного ему пожертвовала. Сердце Сабира болезненно сжалось.
- Жена покойного?
- Да.
- Но с какой стати?
- Так, из благотворительности.
- И к другим слугам она тоже благоволила?
- Об этом весь персонал уже опросили. Выяснилось, что ему одному.
- Странно, – Сабир судорожно сглотнул слюну.
- Куда более странно, что он снова признался в краже.
- А как же подарок?
- Он заявил, что она ему иногда делала подарки за услуги по хозяйству. А потом он узнал, где лежат деньги, и у него возникла злая мысль – украсть.
- Пошел красть и убил.
- Видимо, так.
- А что следователь думает?
- Кто его знает? Но, похоже, они убеждены, что он убийца.
- Возможно, он уже и признался.
- Возможно.
- Наверняка жена хозяина давала ему кое-какие чаевые.
- Может быть.

- Но отчего же он сначала отрицал кражу, а потом признался?
 - Кто его знает?
 - Может, тут что-то другое таится?
 - Кто же может знать наверняка? Впервые Сабир заметил, что вблизи глаза старика кажутся блекло-зелеными. Каждый раз, глядя на его лицо, он видел в нем нечто новое и уже не мог вспомнить, каким оно было минуту назад.
 - А вам не кажется все-таки, что за этим делом стоит что-то иное?
 - Откуда мне знать? Сабиру было тошно. Нечто подобное, наверное, испытывают грешники, приближаясь на том свете к преисподней.
 - Вы много знаете, да мало говорите.
 - Боюсь, что как раз наоборот.
 - Жену его еще раз не допрашивали?
 - Да уж несколько раз.
 - Не из-за показаний ли Али Сурейкуса?
 - Разумеется.
 - А вы полностью доверяете этому вашему знакомому сыщику?
 - Так ведь это она мне обо всем рассказала.
 - Она?
 - Да. Она вчера вечером приходила.
- Выбрала время, когда его нет в гостинице. Когда землетрясение раскалывает землю, какое значение имеют следствие и следствие? А старик может почувствовать за твоими вопросами нечто большее, чем простое любопытство. Но разве можно утаить этот огонь, что пылает под твоей одеждой?
- А она говорила о подачках Сурейкусу?
 - Естественно. Всего лишь бакшиш.
 - Звучит логично.

- Почему же?
- Али Сурейкус в качестве ее любовника – неубедительно.
- А вы можете знать о таких вещах наверняка?
- Тут не всякий мужчина годится.
- Я, видите ли, живу на свете намного дольше, чем вы.
- И у вас есть сомнения в ее поведении?
- Я этого не говорил.
- Значит, вы верите в ее супружескую верность? Старик с грустью потупил взгляд. Долго молчал. Потом сказал:
- Я не хочу сомневаться в поведении этой женщины. И все же уверен, что дело как раз в этом.

Сабир вздрогнул. Так страх, скрытый под тонким слоем равнодушия, предательски выскользает наружу.

- Значит, она грешница?
- Да, к сожалению.
- И вы знали это до гибели вашего друга?
- Знал. Но его душевный покой был для меня важнее.
- На следствии вы об этом сказали?
- Конечно.
- И об этой греховной связи между ней и Али Сурейкусом?
- Али Сурейкус? Я не имею его в виду. Сабиру показалось, что теперь-то он точно угодил в ловушку.
- Но ведь мы говорили именно о нем.

Но потом мы говорили о женщине.

- Как о другой стороне дела, верно?
- Да нет. Там наверняка замешан мужчина.

Давай, давай. В преисподней и для других мужчин места хватит.

– Кто же?

– Бывший ее муж. Сабир перевел дух.

– Это человек, который продал ее?

– Это была просто сделка с прицелом на будущее.

– Откуда вы это знаете?

– Видел его не раз. Он тайком проникал в дом ее матери, когда она там гостила.

Вот и вернулся кошмар, еще более чудовищный.

– И вы скрывали это?

– Если бы я сказал об этом покойному, она убила бы его.

– Несмотря на это, он все равно убит.

– Да, к несчастью.

– И как он разрешал ей эти визиты?

– Он уже совсем стар стал, обо всем забыл, не то что о подозрениях.

– И вы на следствии рассказали об этом?

– Рассказал.

– Ну и с ней разбирались?

– Доказано, что в ночь убийства тот человек был за пределами Каира.

– Но это не означает, что он не мог быть организатором преступления.

– Верно. Хотя следствие освободило их обоих.

– Как же так?

– Были на то причины.

– Возможно, они ловко использовали слугу.

– Или какого-нибудь другого дурака.

- А может, все это просто беспочвенные домыслы?
- Может быть.
- Но вы сказали, что уверены.
- Возможно, я немного преувеличил.
- Мы вернулись к тому, с чего начали. Старик печально покачал головой.
- Сердце подсказывает, что мои догадки верны.
- Может быть, нет никакой связи между изменой и преступлением.
- Возможно. Иначе с чего бы их освободили?
- В любом случае Али Сурейкус сослужил им неоценимую службу.
- В том случае, если он убийца.
- А вы думаете, что убийца не он?
- Все возможно.
- Мне просто порой кажется, что вы не верите в это.
- Ну почему же нет?
- Помните, я вам говорил про молодого бакалейщика?
- Так он, что ли, убийца?
- Я думаю,— сказал Сави, выдыхая,— что убийца еще совершит, пусть даже через какое-то время, новые преступления.

Ты ведь теперь не сможешь спать, пока не разберешься с ней лично. Дьявольская женщина, и все же было бы глупо с ее стороны рассчитывать, что она одурачила тебя. Ведь она убедилась, что ты способен и на убийство. Как же узнать ее адрес?

Старик снова заговорил:

- Ее бывший муж не организовывал этого преступления, иначе его бы так легко не выпустили. А что касается другого преступления...
- Он сын ее тетки, и ничего необычного нет в том, что она посещала свою тетушку.

– По правде говоря, я давно стал кое-что подозревать. Ее мать живет в Фаггале, недалеко отсюда. Покойный каждый раз сопровождал ее, когда она хотела повидаться с матушкой. А потом вдруг мать решила перебраться на улицу Сахель, дом двадцать, в Зейтуне. Не могу найти другого объяснения, кроме того, что поездки к матери на несколько дней каждый месяц были попросту удобным предлогом. Несмотря на возражения покойного мужа, которые он высказывал с самого начала, он попался на эту хитрость и сдался.

Сабир и представить не мог, что так легко добьется желаемого без каких-либо усилий со своей стороны. Но в то же время им овладела безумная ярость. Да, безумие охватило его.

16

Если бы не его убеждение, что какой-то зоркий глаз из службы безопасности тем или иным способом наблюдает за ним, он немедленно бросился бы в район Зейтуна. Значит, надо выжидать, пока не придумает какую-нибудь дьявольскую хитрость. Спустившись утром в холл, он увидел спину Сави, сгорбившегося над конторкой. На миг ему почудилось, что он видит самого Халиля Абу Наджа. Неожиданно его поразила мысль, которую он впервые осознал по-настоящему: ведь он погубил живую душу. Интересно, может ли дядюшка Халиль сейчас помнить его каким-либо способом? Он замедлил шаг, поздоровался со стариком. Тот торопливо ответил на приветствие и вновь уткнулся в бухгалтерскую книгу, словно вовсе забыл о вчерашнем разговоре. Забыл страшные тайны, о которых он мог и не знать до скончания века... Сабир сел за завтрак в холле, после снотворного голова была тяжелой. Керима... Никому на свете не позволю делать из меня дурака. Скоро я появлюсь, и мое появление поразит тебя как гром небесный. Делай что хочешь: предавай, выходи замуж, но знай, что веревка от виселицы в моей

руке. Не заблуждайся относительно того, что жизнь для меня дороже гордости. А в салоне не прекращался разговор о деньгах и о войне, с улицы доносились песнопения нищего... Позвонила Ильхам. Теперь он уже с трудом сдерживал раздражение, когда слышал ее голос.

– Ты не повидашься со мной сегодня? Хотя бы на несколько минут.

– Не могу.

– Ну хоть какую-нибудь убедительную причину назови.

– Не могу.

– Даже если дело касается твоего отца?

– Отца? – воскликнул он в замешательстве.

– Да.

– Каким образом?

– Давай встретимся.

Но даже отец не мог привлечь его внимания в этот жгучий кровавый момент его жизни.

– Не могу.

– Но это твой отец, которого ты приехал разыскивать!

– Может быть, потом...

– Хочешь, я приду к тебе?

– Нет, – ответил он излишне резко.

Что там нового обнаружилось относительно Рахими? Да может ли теперь его это интересовать. Ведь главное для него теперь – Зейтун. Впрочем, не исключено, конечно, что Ильхам пошла на хитрость, чтобы встретиться с ним.

Да, Зейтун теперь для него все. Он побрел куда глаза глядят, терзаясь одной назойливой мыслью. В тот день он выпил много скверного вина, потом долго бродил по улицам, взвешивая все обстоятельства, пока наконец не уверовал в то, что одолеет неведомого сыщика, идущего за ним по пятам. Сейчас он

поднимется в свой номер, чтобы лечь спать, но спать он не будет. Это сыщик будет спать...

Перед предрассветной молитвой он осторожно вышел из номера, медленно спустился вниз, к выходу из гостиницы. При свете ночника увидел слугу, спящего у запертой двери. Ощутил разочарование и гнев. Конечно же, он не станет его будить, чтобы тот открыл дверь. Ведь не исключено, что именно слуга является осведомителем. Растерявшись, Сабир повернул назад, в глубокой тишине слышалось его тяжелое дыхание. Внезапно возникла идея, которая прежде не приходила ему в голову. Он вновь оживился и двинулся вверх по лестнице, ни разу не остановившись, пока не оказался на самом верху. Взгляд его упал на опечатанную дверь квартиры. Он невольно вздрогнул и от волнения зажмурил глаза. Потом подбежал к барьеру, отделявшему крышу гостиницы от крыши соседнего дома, перелез через него так же, как в ту памятную ночь. Его трясло как в лихорадке, а именно сейчас надо было держать себя в руках. Он направился к двери, в кромешной тьме опустился по лестнице в парадное, освещенное дежурной лампочкой. Каморка привратника была заперта. Закрытым оказался и подъезд, но ключ торчал в замке. Все было словно специально подготовлено заранее. Он медленно приблизился к двери и взялся пальцами за ключ. Попытался повернуть его, но ключ не поддавался. В чем же дело? Он осторожно навалился на дверь, и она вдруг начала приоткрываться. Лишь тогда до него дошло, что дверь и не была заперта. Почему? Он собрался было выскользнуть на улицу, но неожиданно дорогу ему перегородила тень мужчины, который встал на пороге и встревоженно окликнул:

– Кто здесь?

Сабир резким рывком втолкнул его в парадное. Теперь на карту была поставлена жизнь, и все это из-за нелепой случайности. Не раздумывая, Сабир ударил незнакомца коленом в живот. Тот согнулся, и тогда Сабир с силой опустил кулак на его голову. Мужчина свалился на пол. Сабир выглянул наружу: холод, рассвет, безлюдье. Он пересек улицу и под аркадой пошел в сторону площади. Сделав несколько шагов, он столкнулся с другим человеком и едва не сбил его с ног. Тот заохал, приговаривая:

– Я слепой...

– Не сердись, – сказал Сабир торопливо. – Здесь под арками темно.

Да просветлит Аллах твое зрение. Всевышний внимает мольбам убогого.

Сабир содрогнулся от отвращения: это был тот самый нищий. Даже в такой час он бродит тут. Он бросился дальше, а вдогонку ему неся голос слепого:

– Да осветит милость Аллаха твой путь!..

Поймав такси, он расслабился, отдышался. Теперь сыщику долго придется ждать его. Он все глаза проглядит, зыряка налево и направо. Сабир вышел из такси на улице Сахель неподалеку от одноэтажного дома. Темнота сбросила свое последнее покрывало перед рассветом. Он постучал в дверь, не зная даже, кто ее откроет, всецело отдавшись на волю судьбы. В проеме показалось лицо Керимы. Она насмешливо распахнула дверь, и он вошел.

В ночной рубашке, с всклокоченными волосами, она казалась какой-то выцветшей, поникшей.

– Ты с ума спятил,– прошептала она.

Она провела его в гостиную, находившуюся справа от двери. Они оказались лицом к лицу при свете голой лампочки.

– Ты не ведаешь, что творишь. Это безумие. Он сверлил ее немигающим взглядом.

– Возможно.

– Ты соображаешь, насколько опасен твой визит?

– Все же так легче, чем ожидание без надежды.

– Но ждать необходимо. Разве ты не понимаешь, насколько мое положение щекотливее твоего?

– Прикажешь мне ждать до самой смерти?

– До тех пор, пока наши контакты не станут безопасными.

– У тебя ведь есть телефон.

– Но Мухаммед Сави знает мой голос.

– Любой мальчишка из лавки мог бы вызвать меня по твоей просьбе.

– Меня уже не один раз допрашивали. Мне так страшно стало, что я уже ничего не соображала.

– Ты обдумываешь свои преступления, занимаясь в постели любовью.

– Тише. Мать спит.

– Она в курсе твоих секретов?

– Сумасшедший. Что с тобой?

– Я должен заглянуть в твою спальню.

– Она такая же, как другие комнаты в доме.

– Не надо мне очки втирать. Я должен посмотреть, кто там находится.

Она взглянула на него с изумлением:

– Ты что, не в своем уме?

– Сын твоей тетки, твой бывший муж, не он ли там случайно?

– Кто тебе такое сказал? Никого там нет. Вот как получается: не кто–нибудь, а сами себя губим.

– Пусть так. Я должен воочию убедиться.

Он грубо отодвинул ее и вышел из комнаты. Распахнул первую дверь, увидел старуху, погруженную в сон. Открыл другую дверь – там была спальня Керимы. Смятая постель, откинутае одеяло. Он обошел все комнаты дома, но ничего подозрительного не обнаружил. Вернувшись в гостиную, сдавленно произнес:

– Не сообразил. Конечно же, этот человек должен тебя избегать, пока не закончилось следствие.

– Чует мое сердце, какая-то подлая тварь встала между нами.

– Так что же, сын твоей тетки не был твоим мужем?

– Был.

– И продал тебя старику, убийство которого ты потом подстроила.

– Слушай, псих, нас сегодня же сцапают.

- Отвечай на мой вопрос.
- Дурак. Я жизнью рисковала, потому что люблю тебя.
- А в этот притон он заявлялся переспать с тобой...
- Ты уже правду от брехни не отличаешь? Забыл, что было между нами?
- В постели любая женщина умеет притворяться.
- Слушай, ну поверь мне ради нашей же пользы. Все это чушь, выдумки у тебя в голове.
- Ты думаешь, страх перед виселицей заставит меня уступить тебя другому?
- Нет у меня никого, кроме тебя. Поверь мне. Если ты не согласишься мне сейчас, нас заберут еще до восхода солнца.
- Ты лжешь, хитришь. Ты своей ложью всю жизнь мне загубила.
- Поверь, я люблю тебя. Все, что я задумала, делалось ради тебя.
- Ты погубила меня своей ложью, чтобы вместе с любовником завладеть богатством.
- Поверь мне, пока не поздно. Ты – мой любимый, никого у меня нет, кроме тебя. Этот человек давно ушел из моей жизни.
- Сатанинская хитрость: мне – преступление, тебе – любовник и богатство.
- Бесполезно. Все кончено. Проклятье. Голова у тебя как камень. Последний раз – ты хочешь мне поверить?
- Нет.
- Тогда чего ты хочешь?
- Убить тебя.
- А потом на виселицу?
- Может, это не худшая из возможностей. Стук в дверь прозвучал как взрыв бомбы. Возле дома послышались угрожающие крики, застучали тяжелые башмаки. В отчаянии Керима вскрикнула:

– Полиция! Говорила я тебе! Он набросился на нее как безумный, сдавил ей горло что было сил. Воздух содрогнулся от мощных толчков в дверь...

17

В тюрьме ты наедине с собой. Не посещают того, у кого нет родных. Ильхам вспоминается как сон. Но она теперь знает правду. Вылечилась наверняка от проклятья этой любви. Газеты повторяют всю историю. И не только. Они раскрывают все твои тайны, всю подноготную. Страницы заполнены фотографиями. Керима, дядюшка Халиль, Мухаммед Рагаб – первый муж Керимы, твоя фотография и снимок твоей матери с отцом. Ангельское лицо Ильхам и Бусейма Омран. Газеты не оставляют без внимания ничего: от крупного до мелочей. Но в камере смертников ты освобождаешься от всех связей прежней жизни, и тебя уже не интересуют разоблачения. Ты освободился и от гордости, и от стыда, словно вновь стал ребенком в утробе матери. Сабир пойман с поличным на убийстве своей возлюбленной. У Сабира грязное прошлое. Бусейма Омран – ночная императрица Александрии, которая утешала его влиятельным положением неведомого отца. Поиски несуществующего Сайеда Сайеда Рахими. Любовь. Убийство. Сабир редкий образец красоты и мужества. Его сражения в Александрии. Слепая страсть, вознесшая его на виселицу. Он же и образец жестокости, эгоизма и распущенности. А как они удивились, узнав о совершенно неожиданной стороне его натуры, проявившейся в любви к Ильхам. Ему даже ни разу в голову не пришло соблазнить ее. Его отказ как-либо использовать ее, отказ от ее денег, хотя его уже душил финансовый кризис. Мать вырастила его как представителя привилегированных слоев. Ему было просто необходимо разыскать своего мнимого знатного отца или пойти на самое страшное преступление – убийство. А смотри, как быстро засомневался в тебе следователь. За каждым твоим шагом наблюдали – на

улицах, у бакалейщика на Клот-беке, в «Витр Куан». А как Мухаммед Сави завел разговор с целью сообщить тебе об измене Керимы. До чего хитер старик! И какой же я простофиля! Первый ее муж, Мухаммед Рагаб, отрицал всякую связь с убитой, зато любовник угодил в ловушку. Отрицал ли он это, чтобы отвести от себя подозрения, или же говорил правду, без преувеличения? В процессе по этому поводу нет ничего убедительного, зато тебя это привело к гибели. Можно ли узнать тайну после смерти? А дядюшка Мухаммед Сави совершил ошибку, выдумывая свою фиктивную историю. Она поставила бы под угрозу весь замысел, если бы у любовника оказались крепкие нервы. Старик признался ему, что был свидетелем супружеской измены, а это могло показаться намеком на то, что она посещает самого Сабира. Подумал в какой-то момент, что молодой человек обнаружил противоречие в его рассказах. Но шок от известия об ее измене слишком поразил Сабира, чтобы он почувствовал явную неувязку. Ах... такова истина. А я – до чего же глуп! Твой тайный уход из гостиницы к Кериме подробно описан: как ты перелез через ограду в соседнее здание, как тебя обнаружил привратник, возвращавшийся с предрассветной молитвы, как ты вынужден был ударить его так, что он потерял сознание, как сыщик, наблюдавший за гостиницей под аркадой, насторожился, когда ты столкнулся с нищим слепым и стал извиняться перед ним. Ах, этот мерзкий слепой нищий.

Газеты не упускают ни важных фактов, ни мелочей. Они обеславили тебя, твою глупость и слепоту, как обеславили твою мать. А потом – это исследование, проведенное журналом «Раба» с видными учеными. Университетский профессор говорил о неравном браке между дядюшкой Халилем и Керимой, расценивая его как основную причину преступления. Автор газетной хроники писал: главный виновник – бедность. Именно она толкнула первого мужа Керимы продать ее старику. А Керима – жертва классово-борьбы и социального неравенства. Профессор по вопросам педагогики делал упор на том, что Сабир рос под крылом бандерши и какой след это оставило в его душе. Ученый-психиатр заявлял, что Сабир страдает эдиповым комплексом и его преступные наклонности объясняются двойко. Любовь к Кериме – это сублимированная любовь к матери. Иначе его инстинкты искали бы выхода в мести матери. А хозяина гостиницы он убил, расценивая его как символ власти. Он жаждал присвоить себе его собственность, подобно тому как государство присвоило себе собственность его матери.

А один богослов сказал, что суть проблемы в потере веры. Если бы Сабир приложил в десять раз больше стараний на поиски Аллаха, чем на поиски отца, Господь дал бы ему все то, что он надеялся найти у отца,— и в этом мире, и в мире ином.

Сабир прочитал все эти комментарии без особого интереса и даже с разочарованием. Пожал плечами пренебрежительно и подумал: «Но никто из них так и не знает: Керима была верна ему или обманывала. И существует ли на свете Рахими».

Однажды его вызвали в приемную тюрьмы для встречи с адвокатом. С первого взгляда ему показалось, что он уже видел этого человека, но когда и где — не мог вспомнить. Лицо старика внушало доверие. Сабир поздоровался с ним и спросил:

— Вы тот самый адвокат, которого официально назначили защищать меня?

— Вовсе нет. Он понизил голос.

— Я — Мухаммед Тантави.

То, что Сабир не слышал ничего об этом известном адвокате, было очевидно.

— А кто же поручил вам мое дело? — спросил он срассеянно.

— Считайте меня вашим добровольным защитником.

— Должен вам откровенно признаться, что у меня совершенно нет денег. Юрист улыбнулся.

— Я старший брат Ихсана Тантави, начальника отдела объявлений в газете «Сфинкс».

— А... А я-то думаю, где же я вас видел? И вы хотите взять на себя мою защиту? — взволнованно спросил он.

— Если не возражаете.

— Ильхам?! — неожиданно вскрикнул Сабир. Адвокат снова улыбнулся, но ничего на это не сказал. Сабир закрыл глаза и долго молчал. Потом открыл их и спросил:

— А гонорар?

– Только судебные издержки.

Возможно ли такое? Невообразимо! Расходы на похороны любви.

– Но это же напрасные усилия, господин Мухаммед.

– В нашем словаре слова «отчаяние» не существует.

– Я убил двух человек. Преднамеренно. Во всем сознался.

– Хотя бы и так.

– А Ильхам... почему?..

– Известно, что у вас нет никого родных. Разве это много – иметь одного друга?

– И это после того, что она узнала?

– Примите это без обсуждения.

Он утер слезы рукавом, пробормотав:

– Второй раз в жизни плачу.

– В этом нет ничего постыдного. Но приступим к делу.

– Я уже вам говорил, что признался во всем. Возможно, есть смягчающие обстоятельства.

– Какие обстоятельства могут помочь мне?

– Воспитание, любовь, ревность, ваша порядочность в отношении Ильхам.

– Все это на меня навлечет только больший позор.

– Не надо преждевременно предаваться отчаянию.

– Вся эта история похожа на сон. Приехал из Александрии искать отца. И вдруг пошли странные события, я и забыл, зачем приехал, пока в конце концов не очутился в тюрьме. – Он тяжело вздохнул. – А сейчас напротив, только главную цель поездки сюда и помню.

– Нет смысла теперь ломать голову над целью вашего приезда в Каир. Возможно, я в своей апелляции упомяну о ней как о первом преступлении, совершенном по отношению к вам еще до вашего рождения.

– Но ведь Ильхам вызвала меня по телефону в тот день по поводу моего отца.

– И что она вам сказала?

– Я не стал с ней встречаться, потому что жаждал отомстить той, другой.

– Уверяю вас, она ничего не знает о вашем отце. Сабир разочарованно покачал головой и сказал:

– Сообщение в газетах о преступлении можно считать сенсацией. Она-то и может принести результат, которого не достигло скромное объявление в газете «Сфинкс».

– Я достаточно осведомлен о ваших делах, но убежден, что сейчас ваши навязчивые мысли об отце не принесут вам ничего, кроме дополнительных страданий. Появится он или нет – в вашем положении это дело второстепенное.

– Но ведь не исключено, что он появится, что чудо случится.

– Каким образом?

Я имею в виду, если он действительно знатный, влиятельный человек.

– Да пусть хоть самый знатный. Как он сможет изменить законы правосудия?

– Послушайте, господин адвокат. Моя мать некогда была очень влиятельной женщиной. Она своим влиянием бросала вызов законам государства прямо под носом властей, на их глазах.

– Бога ради, скажите, какой надеждой вы себя тешите, если вдруг появится ваш отец?

Сабир неуверенно ответил:

– Ну, может, помог бы мне бежать.

– Вы живете фантазиями. Они ничего вам не принесут, кроме сердечной муки.

Он шумно выдохнул и сказал:

– В любом случае я вам благодарен. Прошу вас, передайте мою признательность госпоже Ильхам и господину Ихсану. И я, конечно, к вашим

услугам в любое время. Что касается моей наивной надежды, то я, следуя вашему совету, не буду отчаиваться, как вы говорите, преждевременно.

Сабир предстал перед судом. Материалы следствия были переданы муфтию. Сабир внимательно следил за процессом, но совершенно растерялся, когда услышал приговор, хотя и готов был к нему с самого начала.

В тюрьме его вызвали на встречу с Мухаммедом Тантави.

Юрист встретил его приветливо и приободрил соответствующими словами:

– Мы еще можем подать апелляцию, а там не исключен и пересмотр приговора.

Сабир грустно спросил:

– А как там Ильхам?

– Не очень хорошо. Похоже, что ее драма, о которой писали в газетах, потрясла ее отца. Он приехал из Асьюта навестить ее и настоял на том, чтобы забрать ее на некоторое время с собой для перемены обстановки.

– Очнулся все-таки! – воскликнул Сабир. – Решил признать ее. А мой отец...

Старик сказал с улыбкой:

– Кстати, поверите ли, я принес вам новости о вашем отце.

– Нет! – вскрикнул Сабир в замешательстве. После короткой паузы заговорил адвокат:

– Вы не слыхали о журналисте, который свою ежедневную колонку подписывал псевдонимом «Журналист-поэт»? Конечно же, нет. Он перестал работать лет двадцать тому назад. Так вот, он мой сосед в Гелиополисе. Когда-то даже был моим преподавателем в юридическом колледже. Самая светлая голова в области шариата из всех, кого я знал. Вчера при встрече с ним я рассказал о вашем деле, упомянул о вашем отце, и тут он меня остановил. Я сказал, что тот, кого он вспомнил, может быть и кем-то другим. Л он мне твердит: «Я знаю Сайеда Сайеда Рахими». «Знатная персона? – спрашиваю. Богатый, с интересной наружностью? Примерно лет тридцать назад ему было двадцать пять лет...»

Сабир перебил:

– Он не видел снимка в газете?

– Мой друг не читает теперь газет, потому что ослеп.

– Какая жалость! Но одинаковое имя, внешний облик, возраст – это что-то значит.

– Разумеется, это вселяет надежду.

– И где же он живет?

– К сожалению, мой друг этого не знает.

– А он не рассказывал про его первую жену? Адвокат ответил с улыбкой:

– Говорил, что не было у него иного хобби, кроме любви.

– Но моя мать его бросила. Такое событие нельзя забыть.

– В жизни такого человека, как Рахими, женщин можно подсчитывать по количеству дней. Откуда нам знать, кто кого бросил?

– Мать мне не говорила об этой стороне его жизни.

– Может быть, она и не знала.

– Но брак – это такая связь, которую не скроешь.

– Али Бурхан, то есть журналист-поэт, сказал, что для Рахими жениться было все равно что проводить девушку до дома. Он занимался любовью во всех ее ипостасях – плотских и платонических. Не упускал ни зрелых женщин, ни подростков. И со вдовами, и с замужними, с разведенными, бедными и богатыми, и с прислугой, и с собирательницами окурков, и с нищенками.

– Поразительно!

– Да.

– В неприятности не попадал из-за этого?

– Он умел их избежать.

Сабир спросил, глядя в смущении на адвоката:

– Кем он был? Какая у него профессия?

– Он был и остается миллионером. Никакого иного занятия, кроме любви, у него не было. Каждый раз, когда попадал в скандальную историю, уезжал из города, переселялся в другой, не оставляя своего хобби.

– Но у меня до сих пор хранится свидетельство о его браке с моей матерью.

– Возможно, таких документов не счесть.

– Неужели на него в суд не подавали?

– Кто знает... Он, возможно, разводился, а для этого достаточно...

– А законы? – Сабир горько усмехнулся.

– Но он ни разу не попался. Господин Бурхан рассказал, что он обесчестил девушку из одной известной своим благочестием семьи и вовремя покинул страну.

– А когда вернулся?

– Он не вернулся. Связал свои интересы с большим миром. Переезжает из одной страны в другую, даже с континента на континент – благо что миллионами владеет. Все гоняется за женщинами всех рас и народов.

– А откуда ваш друг знает об этом?

Он получал от него письма, правда, нерегулярно.

– А где он сейчас, ваш друг не знает?

– Нет. Письма приходили без обратного адреса. Только название страны. К тому же он не любит оседать на одном месте более нескольких дней.

– Наверняка он за границей известный человек.

– Возможно, как и любой миллионер, даже если он соблюдает осторожность в его ситуации, меняя имя и прочее.

– И когда ваш друг получил от него последнее письмо?

– На его память уже трудно рассчитывать. Ему перевалило за девяносто лет. Только помнит, что получал от него письма со всех континентов.

– Но он наверняка знает все о его семье.

– У него нет семьи в Египте. Отец его – иммигрант из Индии. Мой друг встретил его в каком-то аристократическом клубе и подружился с ним. Через него познакомился с его единственным сыном Сайедом. У него нет ни братьев, ни сестер. Потом отец его умер – сорок лет тому назад, оставив в наследство миллионы фунтов, заработанные на торговле алкогольными напитками. Так что в Египте у него никого нет, разве что детишки, которых он мог наплодить во время своих многочисленных походов.

– Вроде меня.

– Вроде вас, если он действительно ваш отец.

– В этом не приходится сомневаться после того, как я кое-что узнал о его натуре.

Адвокат промолчал, только улыбнулся.

– И я явно унаследовал эту натуру. Но только в то время, как он развлекается по всему земному шару, я сижу в тюрьме, ожидая виселицы.

– Но он же не совершил убийства.

– Ваш слепой друг не может знать всего.

– В любом случае он миллионер.

– Важнее то, что он не подвластен закону государства.

– Но вы-то знали, что бедны и должны подчиняться государственным законам.

– Я также знал, кто мой отец.

– И каков итог? Вам понятно?

– Да, к сожалению. Мать моя знала его лучше, чем ваш друг поэт. Она сумела собрать большое состояние и противостоять закону. Если бы не невезение...

– А вот он невезения не знает.

– И для меня было немыслимо довольствоваться положением сутенера после того, как я узнал о своем происхождении.

– Да, вам не удалось повторить судьбу оригинала.

– Я так упорно искал его.

– Но, судя по вашему же собственному признанию, забыли о нем.

– Из-за женщины. Он бы нашел такую причину прощительной.

– Но не он ваш судья.

– Зато он меня забыл.

– Может быть, вы рассчитывали и без него прожить.

– Если бы мать от него не ушла, все это было бы у меня.

– Но она ушла от него.

– А в чем тут моя вина?

– В этом вашей вины нет.

– Но это толкнуло меня на преступление.

– Слишком отдаленная причина. Такую не рассматривают при определении меры ответственности.

– Но она серьезнее, чем те, которые преподносит случай вроде встречи с Керимой.

– Закон все равно остается законом. Сабир тяжело вздохнул и сказал:

- Может, лучше мне и не утверждать, что он мой отец.
 - Я тоже был такого же мнения. Но я увидел, что вы жаждете знать хоть что-нибудь.
 - Ну и что я узнал? Мне кажется, ничего стоящего.
 - Да, к сожалению.
 - Мало того, что все это бесполезно, но еще и далеко не убедительно.
 - К сожалению.
 - Из-за этих неожиданных сведений он стал для меня еще более желанным, чем вначале.
 - Еще бы! Конечно.
 - Все потеряно: свобода, достоинство, покой, Ильхам, Керима.
- Адвокат предпочел промолчать, а Сабир заключил:
- Осталась только виселица.
 - Ну-ну, есть кассационный суд,— с упреком сказал юрист. И с улыбкой добавил:
 - Вообще-то есть еще новость, о которой мне рассказал господин Бурхан. Тут в один из дней к нему сам Рахими в дверь постучался.
 - Правда?! – вскрикнул Сабир.
 - Это буквально в октябре было.
 - Октябрь... – Сабир невольно застонал.
 - Да, октябрь.
 - Я же его как раз в это время искал в Александрии.
 - Он и в Александрию, кстати, заехал на шесть дней.
 - С ума сойти! А я старейшин кварталов опрашивал. Отложил на потом идею дать объявление в газету, пока находился в Александрии, побоялся, что враги начнут надо мной насмехаться.
 - Разве такое дело не важнее, чем все насмешки врагов?

– Конечно.

– Не расстраивайтесь. Видимо, он газет и не читает.

– Вряд ли это может служить утешением в моей беде.

– Не заставляйте меня раскаиваться в излишней откровенности.

Адвокат некоторое время наблюдал страдания Сабира, потом попытался отвлечь его:

– Он был здесь проездом в Индию. Подарил моему другу книгу «Как сохранить молодость на сто лет» и ящик прекрасного вина.

– Не исключено, что я все-таки его видел в автомобиле. А он сделал надпись на своем подарке?

– Думаю, что да.

– А нельзя ли увидеть эту книгу?

– Я принесу ее.

– А если мне подержать ее у себя в оставшиеся дни?

– Не думаю, что мой друг откажет в такой просьбе.

– Спасибо. А что еще?

– Мой друг рассказал, что он все еще сохраняет энергию молодости, полон свежих идей, любит пошутить. Говорил ему: «Я перемещаюсь с континента на континент, как твой палец с одного уса на другой». Еще сказал: «Не причисляй себя к живым, пока не объездил все четыре стороны света и не занимался везде любовью».

– Он не упоминал в своем разговоре о каком-нибудь своем сыне?

– Возможно, что у него есть дети на всех континентах, но он ни о чем, кроме любви, не рассказывает. Он тогда напился и пел любовную песню, услышанную им в одном из племен Конго.

– Пьет и поет... и в голову не приходит поинтересоваться своим потомством.

– Может быть, понятие отцовства меняется, когда распространяется на необычно большую численность отпрысков.

- И все же сыновья есть сыновья, мало их или много.
 - Зачастую возникают странные противоречия, когда сильный отец рассчитывает видеть в сыновьях свое подобие.
 - Что же это за оправдание?
 - Некоторым чудакам мы прощаем такие оплошности, которые другим бы не простили. Что уж тут говорить о суперэксцентричной натуре, какой является этот человек?
 - Ох, у меня голова идет кругом.
 - Я уже почти раскаиваюсь в чрезмерной болтливости.
 - Может, он все еще в Египте?
 - Пришла от него открытка из-за границы.
 - Может, он приедет до казни.
 - Ничего невозможного нет.
 - Надо же! Я посещал Ильхам и вашего брата, господина Ихсана, каждую неделю и не подозревал, что каким-то образом близок к вам, а вы – сосед Бурхана, друга Рахими.
 - Так обычно и случается.
 - Слишком мал был шанс найти его.
 - Но и последняя надежда не исключается.
 - Как то есть? Какая надежда?
 - Заменят смертную казнь на пожизненное заключение.
 - Ну и надежда!
 - В этом случае опять представится возможность возобновить поиски.
 - А если казнь?
- Юрист развел руками в знак поражения, потом угрюмо сжал их в кулаки.

– В случае казни тоже остается время на рассмотрение кассации, потом время перед исполнением приговора. Вот не могли бы вы сослужить мне настоящую службу, попытавшись связаться с этим человеком?

– Сын мой, закон есть закон. Милосердие и долг призывают меня не терять времени на то, что не принесет пользы. Мне важнее сейчас еще раз пересмотреть ваше дело и уголовное законодательство.

– Все-таки, несмотря на то, что вы слышали о нем, вам не хочется убедиться в его могуществе?

– Я человек закона и знаю одно: ваша судьба в руках правосудия.

– Может быть, вы меня поймете лучше за время ожидания и войдете в мое положение.

– Если бы все так было, как вы себе представляете, я был бы только рад.. . Но у меня лично к нему никаких путей нет.

– Вы человек с опытом и знаниями, а к вашему соседу, похоже, отец питает особые чувства.

– Связаться с ним, если на это вообще есть шанс, заняло бы много времени, которого у нас нет. Да и такими возможностями я не располагаю. Ведь потребовалось бы связаться со всеми нашими посольствами за рубежом. И это только в качестве первого шага. Не исключено также, что в момент нашего запроса он переедет в страну, где вообще нет нашего представительства.

Ах... память, умирающая на кончике языка. Скопления туч, которыми играет ветер. Раскаленные тиски боли за тюремной решеткой. Слепой вопрос. Жестокий ответ. Он сказал:

– Похоже, бессмысленно полагаться на других. Адвокат сочувственно улыбнулся.

– Смысл есть в том, что разумно. Сабир пожал плечами и проговорил:

– Будь что будет.